

Екатерина Мансурова

ПО ЛОКОТЬ В КРОВИ

Катилина Астрид Мередит — обычная девушка с необычной судьбой. Поцелуй с незнакомцем втянул ее в междоусобную войну вампиров, за лучшим другом охотятся кицунэ, подруга влюбилась в оборотня, а тетя не та, за кого себя выдает. Весь мир перевернулся и ей предстоит найти свое место в новом мире.

Екатерина Мансурова

По локоть в крови

— Скоро начнется, — с улыбкой произнесла монахиня, поглаживая по влажному лбу испуганную женщину, — совсем скоро произойдет воссоединение!

Женщина извивалась на кровати, впиваясь ногтями в простыни и задыхаясь от боли. Роды были ужасными. Она была почти уверена, что ей не перенести таких мук.

Монахиня достала амулет, с перевернутым изображением анкха, и принялась едва слышно читать одну из открытых книг, лежащих возле роженицы. Боль женщины немного утихла, и они услышали голос, идущий откуда-то сверху.

— Дитя мое, ты делаешь это из любви к человечеству, все будет хорошо, позволь мне прийти... у Господа на счет тебя большие планы...пусти меня.

У рожавшей иссякли силы. Она не могла более сопротивляться тому, что предрешиено природой. Женщина сделала последний судорожный вдох и обмякла на кровати, изможденная и безжизненная. Дух оставил ее. Плод молчал и не шевелился, но в следующий миг живот женщины деформировался и разорвался на множество маленьких опметков, словно мыльный пузырь. Вырвав внутренние органы и разбрызгав их содержимое по комнате, малыш закричал. Но не так, как имеют обыкновение кричать новорожденные. Было в крике младенца что-то иное...

Монахиня, сжав в руках анкх и упиваясь ощущением триумфального момента, чувствуя, как по ее лицу стекают темные сгустки крови, вперемешку с кусками кожи, зычно рассмеялась. Ее налитые чернотой глаза подернулись на секунду багровыми искрами, когда она увидела ее — девочку. Младенца. Безмерно прекрасного, рыжеволосого младенца, который серьезным взглядом смотрел на монахиню. Его невинность, чистота и красота так нелепо контрастировали с тем, что только что произошло. Аккуратно достав девочку из растерзанного лона матери, женщина укутала ее в пеленки и унесла прочь.

* * *

Я прекрасна. Нет, действительно, я безумно красива. Думаю, любому из вас вряд ли доводилось видеть такую неземную красоту... мои густые рыжие кудри спадают каскадом на мраморно белые плечи, карие, словно густой янтарный мед глаза всегда излучают какую-то тайну, которую хочется разгадывать, не отрывая от них взгляда, губы, словно два лепестка розы, еще не раскрывшейся и едва тронутой каплями росы, манящей и завораживающей.

Я всегда разглядываю себя в зеркале. Но со слезами на глазах. Эгоистичная самовлюбленная дурочка? О, нет! Неземная красота — это не дар. Это огромное проклятье. Возможно, самое страшное, какое только могла наложить природа на 22 летнюю женщину. Никому не нужен мой внутренний мир, никому не нужны мои знания, мои чувства, мои интересы. Единственное, что видят во мне мужчины — объект вожделения. Объект, который грезится лишь с раздвинутыми ногами и закрытым ртом. Единственное, что видят во мне женщины — объект зависти. Объект, который грезится лишь в ближайшем пруду, без признаков жизни и обязательно изуродованный.

Впрочем, как ни странно, при всей порочности окружавших меня людей, я смогла найти

нескольких с искренними сердцами и добрыми душами. Например, моя милая Лина — восточная красавица, с роскошным черным фонтаном волос до самых ягодиц и Изабель. Впрочем, Изабель моя сестра... или гламурное обременение, с которым я вынуждена мириться.

Природа, наградив меня неземной красотой, забрала все, что только можно взамен — родителей, работу, друзей... из приюта меня в 15-летнем возрасте удочерила одна солидная дама, леди Кэтрин, происходящая из знатного рода, сумевшего, вопреки наметившейся тенденции, не только сохранить, но и преумножить свои богатства. Чем она зарабатывает на жизнь — я никогда не интересовалась, как ей досталось это поместье и все наследство семейства — мне тоже было не интересно, хотя я точно знала, что в Рантоне — ближайшем мегаполисе, живут ее брат и сестра, которым едва удастся свести концы с концами в своем малоприбыльном баре «Наследство Мередит». Впрочем, судя по всему, родственники леди Кэтрин получили наследство иного рода — изрядную долю иронии.

Казалось бы, чего мне еще желать, когда есть деньги? Все, к чему я прикасалась, считалось шедевром искусства, и было сделано лучшими мастерами своего времени. Все, что я носила, было сшито на заказ известными модельерами из лучших тканей. Отражение в зеркале, разбило не один десяток сердец... Нет, в моей жизни решительно не было ничего настоящего. В ней не было самого важного — искренности, дружбы, не было любви и понимания...

Вчера я лишилась девственности. Да, в 22 года. Ночью, в подворотне, среди мусорных ящиков, окурков и снующих повсюду крыс. Один из сотни моих незнакомых поклонников выследил меня после работы и отымел самыми грязными и омерзительными способами, на которые только способна извращенная человеческая фантазия... Он имел меня до тех пор, пока я не лишилась сил и не обмякла, словно труп. Посчитав, что я мертва, он скрылся. Красота... да я проклинаяю ее!

Нет. Вы не подумайте, что я плачусь и жалуюсь на свою жизнь, хотя, несомненно, это выглядит именно так. Мне не хочется признаваться в этом. Жалость я всегда презирала, считая одинаково недостойными жалость к себе и жалость к другим. Милосердие — вот чего не хватает сердцам жителей Мелфрида. Но сегодня мне просто хочется высказаться. Мне хочется, чтобы хоть одна живая душа знала, что Катилина Астрид Мередит умерла глубоко несчастной девушкой в возрасте 22 лет.

— К черту, — подумала я, заметив, как свет на светофоре сменился с зеленого на красный. Машин было не так много, но здесь, на этом прямом участке ночной трассы 101 они мчались с большой скоростью и никогда не успевали вовремя затормозить. Поэтому ее называли «дорогой смерти».

Закрыв глаза, я решительно шагнула под колеса несущейся машины. Больше не будет мучений, лицемерия, грязи, лжи и развратных похотливых самцов вокруг. Наконец-то я обрету покой, о котором всегда мечтала. Наконец-то грязные руки пьяных мужчин в баре больше не будут лапать меня за задницу, больше никто не сможет дотронуться до меня против воли, больше никаких слез и сожалений, только я и вечность...

Визг тормозов ударил по барабанным перепонкам — я зажмурилась сильнее. Огромной силы удар мчавшегося на всей скорости внедорожника Porsche сбил меня с ног. Разбив головой лобовое стекло и, обильно оросив его кровью, я перелетела через кузов и кубарем скатилась под колеса едва успевшей затормозить после крутого разворота машины. Еще немного и мой очаровательный череп разлил бы по асфальту свое содержимое.

Сидевший за рулем мужчина медленно вышел из-за руля и подошел к лежащей на асфальте девушке, даже не пытаясь растолкать толпу зевак, которая тотчас же сомкнула плотным кольцом место происшествия.

Вообще Мелфрид — мало чем примечательный городишко с населением в тысяч двадцать человек разной масти. По сути, развлечений здесь только два — танцы и сплетни. И любое происшествие, будь оно совершено в полдень или в полночь неизменно соберет толпу зевак, которая не преминет доложить о происшествии жителям ближайших домишек, которые не столь расторопны и не застали само происшествие. Зато, будьте уверены, если вчера вас прилюдно назвали стервой, то уже завтра во всех подробностях будут обсуждать ваши половые связи в извращенной форме с детьми того же пола... что-что, а фантазии и жажды приукрасить жителям Мелфрида не занимать. А ведь когда-то все было иначе. Когда-то Мелфрид считался духовным оплотом всего государства...

Впрочем, мужчина, сбивший ее, никогда не слышал о духовности или чем-то подобном, и демонстрировал это всем своим видом. Словно боялся, чтобы кто-нибудь ненароком не упрекнул его в присутствии совести. Приезжий, чужак сбил одну из самых знатных девушек города и, кажется, даже не был этим обескуражен.

Он склонился над Катилиной и небрежно приложил руку к артерии на ее шее, пытаясь обнаружить хотя бы малые признаки жизни. При таком ударе и при такой скорости движения машины шансов у нее не было, разве что сами ангелы поцеловали ее при рождении. Убедившись, что перед ним всего лишь остывающий кусок мяса, мужчина утратил интерес и достал из кармана дорогого белого пиджака мобильный телефон. Его спокойный бархатистый голос порвал тишину, словно натянутую бумагу.

— Мелфрид, перекресток 101 и 11. Сбита девушка, пришлите машину.

Сделав вывод, что все приличия соблюдены, а формальности выполнены, мужчина, скрестив руки на груди, присел на капот своего изящного черного автомобиля и стал терпеливо ждать. Ни одна мышца на его лице не дрогнула ни от того, что он сбил насмерть человека, ни от того, что толпа зевак набросилась на него с ругательствами, проклятиями и расспросами. Казалось, словно он находится где-то в другом месте.

Мужчина был хорош собой. Светлые длинные волосы, цвета пшеничного поля, аккуратно, но с налетом небрежности спускались почти до плеч. Видимо, растрепались из-за резкого торможения. Василькового цвета глаза решительно смотрели в темноту, казалось, не на трассу, а куда-то в вечность. Будучи призраком, я не испытывала большого желания разглядывать свое ненавистное за годы прекрасное тело. Хотя, смела надеяться оставить более симпатичное пятно на асфальте. Но мой освободитель — вот кто поистине заинтересовал меня. Он не был красив, но я не могла оторвать от него взгляд. Брутален, мужественен, харизматичен. А легкая небритость на щеках придавала неповторимую притягательность, так и хотелось провести рукой по его скулам. Кстати, а у этого парня все в порядке со вкусом. Его белоснежный классический костюм внушил мне совершеннейшую уверенность в том, что меня освободил ангел.

Неожиданно, мужчина вздернул левую бровь. Да ну, на его лице отразились эмоции? Эй, что со мной?

Через мгновение раздался судорожный хриплый вздох и удивленные возгласы толпы, ошестившейся камерами мобильных телефонов. Я, которую все уже похоронили и

оплакали, в том числе и я сама, от боли выгнулась дугой на влажном асфальте. Что за черт??? Я же была мертва! Такое чувство, словно кто-то силой засунул меня обратно в собственное тело, но засунул как-то неправильно, вверх тормашками. Все болело, и болело невыносимо и в таких местах, наличие которых я прежде и не осознавала. Определенно, тело было непригодно для дальнейшего проживания в нем. И, кажется, моя левая нога, переломанная как пить дать в пяти местах, была красноречивым тому подтверждением.

Незнакомец пристально и с немалым интересом смотрел на меня, и наконец, на его лице появились легкие оттенки непонятных мне эмоций. Недоумение. Казалось, что может удивить человека, который не шелохнулся, сбив насмерть женщину, как будто занимается этим каждый день? С самообладанием заядлого убийцы... Да любой нормальный человек запрыгал бы от счастья, сбросив с себя бремя преступника! Но это было исключительно недоумение с нотками заинтересованности. Лишь по взгляду мужчины можно было что-то прочесть. Он склонился над самым моим лицом, пока я пыталась прийти в себя. Или осознать себя в новых обстоятельствах.

— Я в раю? — свет фонарей слепил меня, и в полумраке я видела лишь светящийся ореол золотистых волос. Голос, непривычно хриплый и слабый напугал. Начинало лихорадить.

— Смотря, что для тебя рай, — обнаружив неуместный намек на улыбку, озадаченно ответил он. — Кто ты?

— Катилина..., — я закашлялась кровью, но продолжила, ощущая во рту привкус соли и гемоглобина, — Астрид..., — Толпа зевак ахнула, как и подобается в подобных случаях, суливших интересное зрелище. Люди обладают очень извращенным чувством заинтересованности, если речь идет о чужом горе. И обладают странной формой получения удовольствия, находя прекрасное в чужих страданиях, хотя и не отдают в этом отчета, но смерть настолько притягательна, что встретив ее, сложно оторвать взгляд.

— Ты обманула смерть. Как? — сухо спросил он. В этот миг все перестало существовать. Исчезла жужжащая стена сплетничающих вокруг зевак, растворились нудные и бесполезные сигналы машин, встрявших в пробке из-за происшествия, не было даже дороги и моей неудавшейся попытки самоубийства. Лишь эти глаза, цвета ледяных васильков, и бархатистый, вселяющий спокойствие голос. Казалось, мне каких-то семь лет и в приют пришел папа, сказать, что забирает меня домой и вся моя жизнь до этого просто нелепая ошибка... — Кто ты?

— Я не знаю, — эти слова звучали растерянно и вымученно, но до боли искренне, казалось, я вот-вот вновь потеряю сознание, которое каким-то чудом удавалось удерживать. Все это для меня в диковинку.

— Мы оба еще пожалеем... — озадаченно протянул он, заметив, что я теряю сознание.

Словно мое тело не имело веса, он подхватил меня и поднял. Пожалуй, это последнее воспоминание в ту ночь и больше мне нечем усладить ваше любопытство. Умерла ли я? Хм, нет. Пара минут существования призраком — это все чего я добилась за первую попытку и знаете что? Казалось, это должно меня опустошить, перевернуть все мое сознание. Я БЫЛА ПРИЗРАКОМ!!! Я видела свое мертвое тело, ощущала, как мой дух отделился от материального мира и стал чем-то идеальным, свободным, я чувствовала всю вселенную, безгранично до безумия и восторженного крика... кажется, это слова сумасшедшей, но почему-то все происходящее мое сознание восприняло на удивление спокойно. Кажется, врачи называют это шоковым состоянием.

Я сидела на диване и разглядывала портрет моей подруги — Катилины. Она живет далеко в Мелфриде, в маленьком захолустье, а я не так давно переехала в Форт-Окридж. Это славный большой город, конечно, не такой, как столица графства — Рантон, но, тем не менее, вполне подходящий для начала карьеры и для первых шагов на пути к ошеломляющему успеху. Я переехала сюда в надежде, что смогу доказать всему миру и самой себе, что я женщина, способная достигнуть вершины карьеры, способная позаботиться о себе самостоятельно и способная делать то, что ей хочется. Катилина была единственной, кто поддерживал меня во всех начинаниях. Пожалуй, благодаря ей я смогла обрести себя. Все же, в самом детстве, когда характер еще формируется, исключительно важно, чтобы рядом имелся верный друг, всегда готовый помочь и поддержать тебя, даже когда, казалось, весь мир ополчился и все идет прахом.

Учитывая, что мой отец беспросветный пьяница, а мама тащит на себе хозяйство по разведению свиней и выхаживанию наших виноградников, которые всегда славились в округе, у меня просто не было права на ошибку. К тому же, Форт-Окридж, прекрасный старинный город, с замками, дворцами, музеями, с великой историей и безумно обаятельными, стильными и целеустремленными мужчинами. Именно один из таких мне сейчас и нужен, чтобы поддерживать на плаву мою семью.

Так, все, достаточно воспоминаний. Сегодня праздник у моей работодательницы. Она устраивает прием в честь своего дня рождения, куда приглашены все именитые люди города. Все, кто чего-то достиг, будут там... и я среди таковых. В знак особого почтения, Ирина пригласила и меня, свою незаменимую помощницу. Что было совсем неудобно и одновременно делало честь Ирине — так это то, что она прислала мне шикарный наряд для приема. Как ни крути, но здесь всего за пару месяцев еще не удалось накопить достаточно средств для покупки шикарных вещей на один вечер. Нежный ярко-алый шелк струился по мне до самого пола. Длинные волосы я забрала наверх, оставив спускаться до талии лишь несколько черных кудрявых прядей. Колье, еще больше подчеркивало линию декольте. Гранаты в серебре самая изящная, на мой взгляд, смесь металла и камня. Надев браслет и серьги, и закинув в сумочку пару нужных вещей, я вышла из дома, с ощущением, что меня ждет что-то необычное этой ночью.

Действительно, ночь выдалась на удивление ясной, теплой и звездной. В небе царствовала огромная полная луна нежно-лимонного оттенка, а звезды мерцали как крошечные бриллиантики в тиаре королевы. Таксист не спешил, да и на дорогах было спокойно. Форт-Окридж этой ночью был погружен в привычную меланхолию и задумчив. Он подмигивал мне огнями старинных фонарей, подбадривал пением сверчков в высокой траве и вдохновлял величественной архитектурой, так завораживающе прекрасной в свете умело расставленной подсветки.

Дом Ирины — настоящий дворец. Трехэтажное здание, построенное, как и многие поместья нашего города, в стиле барокко. Богато украшенный лепниной, золотом, фонарями и резными железными оградами. Проходя по саду, благоухающему розами и жасмином, я едва не задохнулась от восторга. Все было настолько прекрасно, что я четко сознавала, какой жизни хочу для себя и в каком месте мне бы хотелось жить до самой смерти. Решив немного задержаться в саду, я присела на белую каменную лавочку, будто светящуюся в сумраке. Рядом с ней стоял небольшой факел на высокой подставке и цвели кусты жасмина, изредка роняя на меня благоухающие лепестки. Мне хотелось остановить мгновение и раствориться

в нем. В таком умиротворении, глядя на звезды, я просидела, наверное, минут 15, пока позади чей-то голос не привел меня в чувство:

— Что столь прекрасная особа делает в одиночестве?

Я резко обернулась и мое дыхание сперло. То ли это под воздействием такой прекрасной ночи и дивных ароматов, то ли под воздействием чар мужчины, но я сочла его самым привлекательным из всех, что когда-либо видела.

Мне на секунду показалось, что он принц, сбежавший из средневековья и забывший свои доспехи дома. Фрак сидел на нем изящно, а черные пряди волос выбивались из убранного назад хвостика. Черные глаза мужчины прожигали меня насквозь, мерцая при свете факела как два драгоценных камня. Слов не требовалось. Эта ночь оправдала все мои ожидания, не успев начаться. Уже неважно было, что случится потом. Значение имел только этот миг, лишь настоящее.

— Никак не могу зайти внутрь, — спохватилась я. — Здесь настолько прекрасно.

— Я тоже, — смутился он, спросив позволения присесть рядом. Конечно же, я не была против и теперь, точно так же, как несколько минут назад не могла оторвать взгляд от звезд, я не могла оторвать взгляд от его глаз, — Валентин.

— Какое красивое имя. Лина, — стараясь не улыбаться, как счастливый ребенок, получивший на Новый Год от Деда Мороза заветный подарок, я чуть отвернулась.

Заметив мое смущение, он очень нежно провел пальцем по моему подбородку и развернул мое лицо к себе. Словно мы всю жизнь знали друг друга. В этот момент внутри что-то оборвалось. Я не понимала, как жила без него все это время и не могла понять, как буду жить, если позволю ему уйти.

— Вам нечего смущаться. Вы настолько прекрасны, что я не могу отвести от вас взгляд. Не будет ли слишком дерзким просить вас провести этот вечер со мной?

Выражение моих глаз ответило за меня и, элегантно подав мне руку, Валентин повел меня в дом. Более странной ночи у меня не было никогда. Боже!!! Я и подумать не могла, что Лина Ниаполис сможет когда-нибудь влюбиться с первого взгляда!!! Могу представить, что об этом подумает Катилина!

— Катилина Астрид Мередит! Если вы опоздаете на свою новую работу в первый же день, боюсь, леди Кэтрин будет очень вами недовольна!

— Это всего лишь собеседование и она всегда мною недовольна... Стоп! — я резко села в кровати и обернулась по сторонам. А вот это уже действительно не смешно. Я дома, в особняке леди Кэтрин Бенедикт Мередит II (построенном еще ее прапрапрадедом Фицуильямом Бенедиктом V веке этак в 16), в своей комнате и меня разбудила моя гувернантка.

Я ошарашенными глазами уставилась на Бэтт, сурово сдвинув брови, отчего по моему лбу рассыпались глубокие и сосредоточенные морщины, вселяющие собеседнику если не ужас, то хотя бы озадаченность.

— Леди Мередит, вы меня пугаете, — Бэтт сжалась под моим суровым взглядом. Да я и сама почувствовала, что никогда раньше не сверлила ее столь сосредоточенно. Черт побери, да раньше я бы взорвалась от одного только слащавого «Леди». Подобный церемониал в наши дни — пошлый пережиток прошлого, к тому же, привыкнув за годы выживания в детском доме к менее любезному обращению, я на него плевала. Времена благородных рыцарей и непорочных леди, к сожалению, покоятся в самых темных и неизведанных

глубинах Леты, и все леди и сэры, полагаю, сейчас там же. Несколько минут я сидела, молча, а потом озадачено протянула:

— Что за херня, Бэтт?! — боюсь, из моей двухминутной тирады на тему несовершенства мира вас удовлетворит лишь это.

— Я позову леди Кэтрин... — растерялась женщина.

— Как я здесь оказалась? — одним прыжком я очутилась на самом краю двуспальной кровати, небрежно смяв любимый плед из овечьей шерсти и схватив Бэтти за запястье. Я не отрывала от нее ошарашенного взгляда, — Бэтти, расскажи, когда я пришла? Что случилось вчера вечером?

— Ничего необычного... Вчера вечером вы пришли позднее. Правда, Ваш кавалер объяснил причину столь позднего возвращения, и Леди Кэтрин сочла ее вполне уважительной...

— Какой еще кавалер? — перебила я гувернантку, усиленно пытаюсь вспомнить события вчерашней ночи после того, как умерла...

— Ох, какая досада... кажется, он даже нам не представился. В любом случае, он проводил вас до дома и был весьма любезен! Необычайно вежливый и обворожительный молодой человек. Вы в целости и сохранности, а это самое главное. Ваша одежда готова, через пару минут можете спускаться к завтраку, с добрым утром, Леди Мередит, — Бэтти, улыбнувшись, сделала легкий реверанс и закрыла за собой дверь, потирая запястье.

С минуту я сидела неподвижно, уставившись в одну точку на двери, и ни о чем не думала. Ни единой мысли не было в моей голове, словно сознание притаилось, чтобы не убить меня шквалом эмоций, рассуждений, предположений, догадок и выводов. Постепенно, когда оно соизволило вернуть меня к реальности, я закричала не своим басом:

— Как же меня все это достало!!!!

В дверь полетело все, что попало под руку: подушка, подсвечник со свечами, старинный будильник, тетради, когда, наконец, обессилев, я упала на кровать и закрыла голову руками, то зарыдала. Зарыдала так, словно во мне накопились реки слез и сегодня плотина, не дававшая им излиться, исчезла. Когда истерика остыла, я осознала другое. На мне не было ни единого признака вчерашней аварии. Нога как пить дать переломанная в нескольких местах была цела. На голове и лице ни единого следа, будто я не разбила ею лобовое стекло Порше того ханжи. Я подскочила и полетела в ванную комнату, прилипнув к зеркалу. Так и есть. На лице ни царапинки, ни синяка на теле, абсолютно никаких следов, словно со мной вообще ничего не произошло, и я всю ночь проспала у себя в комнате. Может это был действительно всего лишь сон? Просто на удивление реалистичный, ведь такое случается. Тогда что за мужчина и где я вчера была?

Смирившись со своей участью и кинув печальный взгляд на роскошный наряд для светской леди, а никак не для приемного подкидыша, который приготовила для меня Бэтти, я залезла в любимые джинсы и, накинув малахитового цвета вязаную кофточку, вышла из комнаты.

— Леди Мередит, я вами очень недовольна! Что на вас надето? — леди Кэтрин, о да, она приходила в крайнюю ярость, когда я пыталась называть ее тетей Катей, и даже запирала меня на сутки в своей комнате, потому я смирилась с этой частью моих каждодневных страданий, так вот, леди Кэтрин была вне себя от моего внешнего вида. Собственно, восседающая рядом с ней и вся из себя царственная Изабелла так же с ехидной ухмылкой поглядывала на меня. Ее платиновые волосы были забраны в высокий пучок на

затылке, мраморное личико замаскировано изящным макияжем, искусно подчеркивающим глубину голубых глаз. Изабелла была прекрасна. Однако стоило нам появиться на публике вместе, как бы шикарно ни выглядела моя сестрица и какие бы лохмотья не напялила я, все восхищенные охи доставались моей персоне. Право, в этом городе извращенные представления о красоте, если они предпочитают вкуснопахнущей светской львице в розовом не мытую и непричесанную хамку. Пусть и не лишенную природной привлекательности.

Схватив с изящно, но не изобильно сервированного стола яблоко, я вульгарно чмокнула в щечку леди Кэтрин, подмигнула Изабель и вышла из замка. До сих пор не знаю, как называть свое новое жуткого вида готическое прибежище: замком, крепостью, особняком? Одним словом, за 8 лет я так и не привыкла к этому дому. Казалось, он хранит какую-то страшную, зловещую тайну. Но быть может, все старинные особняки хранят свои секреты. Чего только не повидали эти стены за четыре с лишним века!

— Право, эта девица несносна! Никаких манер! — возмущалась, однако без какой бы то ни было злобы, леди Кэтрин.

— Тетя, я не знаю, зачем мы держим дома эту зверушку... Поразвлекались и полно, можно сдать ее обратно. Никто не скажет о нас ничего дурного.

— Изабель! Если еще хотя бы раз я услышу из твоих уст подобную ересь, я до скончания твоих веков запру тебя в башне!

Нет, ну не бред ли, — думала я, похрустывая на ходу яблоком. На кой-то черт меня взяли четырнадцатилетним ребенком из приюта. Стоит заметить, я и вправду была лишена каких бы то ни было намеков на светские навыки или этикеты-шмэтикеты. Правила этикета — это то, что я считаю правильным. Мое воспитание — это постоянная схватка с окружающими и противостояние своей красоте. Попытка доказать миру, что за этим кроется что-то большее. И я искренне не понимаю, на кой фиг понадобилось уважаемой и почитаемой не только в Мелфриде, но и во всем графстве Эйтингейл леди Кэтрин удочерять такую как я? Здесь явно что-то было не так, но за 8 лет моей жизни у леди Кэтрин, она так и не раскрыла мне причин своего странного поступка. Стоит отдать должное, она не лелеяла мечты воспитать из меня вторую Изабель.

Кстати. Не спрашивайте, почему в свой первый рабочий день я иду на работу с опозданием в 15 минут, не причесанная, в джинсах и потертой вязаной кофте. Формально, это собеседование, но всем известно, протекторат леди Кэтрин всегда действовал безотказно.

Ровно в 10:15 я самым неженским образом развалилась на кресле в офисе главного редактора газеты «Время Мелфрид», пожеывая жвачку и сложив старательно облепленные грязью ботинки прямо на стол Кайла. Кстати, разглядывая грязные ботинки, я сочла, что у меня неплохой художественный подход делу. Кайл — афроамериканец, стоит признать, достаточно недурен собой, сквозь модную футболку явственно прослеживаются очертания сильных мускул, над которыми наверняка приходится работать не час, и не два в день. Его спокойный взгляд черных глаз обезоруживал. Я даже чуть не подавилась жвачкой, поняв, что каким-то образом единственный зритель моего театра одного актера сказал мне веское «Не верю!».

— Катилина, выплюнь жвачку, убери ноги с моего стола, сядь прямо и слушай внимательно, — Кайл не шелохнулся, скрестив руки на груди еще в тот момент, как только я заявила в офис. Его голос был абсолютно спокойным, но настолько властным, что я не

осмелилась послушаться. — Отлично. Теперь поговорим, — он расслабился и придвинулся поближе ко мне. Столь необычное начало не могло не заинтриговать. Любопытство — слабое место всех женщин, — я знаю, что ты чувствуешь.

Видит бог, сколько сил мне потребовалось, чтобы ограничиться ехидным смешком и не рассмеяться от души.

— Зря смеешься. Я знаю, что тебя гложет и могу заверить, что моя редакция — это совершенно безопасное для тебя место, — на секунду мне показалось, что он действительно верит в то, что говорит. Нет, не так, мне на секунду показалось, что Я действительно верю в то, что он говорит, — Если возникнут проблемы, любые, ты знаешь, где мой офис. А теперь к делу. Я читал твои работы, которые ты написала еще в университете и они меня очень впечатлили. Свежо, креативно, на грани. Рад, что ты решила оставить должность менеджера зала в баре Каплана и захотела заняться тем, к чему у тебя призвание, — ха, он назвал должность официантки менеджером зала? — У меня на тебя далеко идущие планы. В этом конверте твоё первое задание и первый аванс. Поверь, такой чести удостоивается не каждый. Леди Кэтрин зарекомендовала тебя ответственным и старательным работником, не подводи ее. А теперь прошу извинить, у меня много работы. Если есть какие-то вопросы — обращайся к Пуффи.

Пуффи — коротко стриженная делового вида женщина, похожая на сосиску в тесте, услышав свое имя, сразу наострила уши и подняла голову. Ее вид: внешность, одежда, взгляд, поведение — все свидетельствовало о том, что она либо секретутка, либо правая рука Кайла. Судя по взгляду этой девицы, ради лишней пары баксов она способна на все и даже левой рукой. Думаю, каждый босс мечтает иметь такую исполнительную помощницу.

Мне стало даже немного совестно и перед Пуффи, и перед Кайлом, и перед леди Кэтрин. В мои планы не входило обогащать своими литературными потугами умы жителей Мелфрида. Мне не терпелось поскорее познакомиться с господом, или кто там работает с самоубийцами...

Я все рассчитала. На улице начинался дождь, который минут через десять обещал разразиться страшной грозой. Весна в Мелфриде никогда не была приветливой. Достаточно часто заряжали грозы, во время которых жители городка предпочитают засесть у своих каминов в кругу семьи и поиграть в лото за чашечкой горячего капучино с корицей. Несмотря на все их пороки, местные жители дружелюбны и всегда готовы прийти на помощь друг другу, особенно, если дело касается родных или близких.

«Наверное, мне никогда не понять, что такое семья», — подумала я, заглядывая в одно из окон на первом этаже и наблюдая за тем, с какой любовью отец подбрасывает вверх свою малютку дочку, а мать вяжет в углу теплый шарф, чтобы согреть частичкой своей любви близких.

Капли холодного дождя стекали по моему лицу, смешиваясь с горькими слезами. Мои слезы давно перестали быть солеными на вкус. Но как ни противна была мне жалость к самой себе, она лишь укрепляла желание прекратить это бессмысленное существование.

Мелфрид — это небольшой островок, который со всех сторон окружен рекой Мелсуотен-брэйг. Да, я уже говорила, что с фантазией у жителей городка небольшой перебор. Со всем остальным светом Мелфрид соединяет пять мостов, перекинутых в разных местах через Мелсуотен-брейг, шумную и полноводную реку с характером. Порой, весной она разливалась и затапливала город едва ли не по третий этаж, а порой, даже в самые сильные ливни спокойным питоном дремала в своих берегах. Река с характером всегда

являлась предметом поверий и сказаний у местного населения. Поговаривали даже, что именно на этом острове, давным-давно сам Господь сотворил Адама и Еву.

Я стояла на широком бордюре одного из каменных мостов, украшенных старинным железным орнаментом. Обсидиановые статуи Горгулий, облюбовавшие бордюры, при вспышке молний нагоняли ужас. Ухватившись за кожистое крыло одной из них, я с восторгом смотрела вниз, туда, где в двадцати метрах борются стихии воздуха и воды. Мелсуотен-брейг, казалось, сегодня неистовствовала и была готова поглотить любого, кто осмелится приблизиться к ней. Именно на это я и рассчитывала.

— Господь! Здесь ты создал самую первую и самую прекрасную женщину на земле!!! — что было мочи, ревела я, безуспешно пытаюсь перекричать бешеный порыв ветра и непрекращающиеся раскаты грома, — Именно здесь ты одарил ее неземной красотой! И я пришла на это самое место, что бы вернуть тебе ту красоту, которой ты одарил меня! И пусть ни одна женщина в мире больше не станет заложницей красоты в собственном теле!

Я вскинула руки к небу, в надежде, что порыв ветра свалит меня в клокочущие глубины неистовавшей реки. Вопреки моим ожиданиям, ветер стих, и небо расчертила необычно мощная вспышка молнии. Слепнув на мгновение, я приняла ее с благодарностью. Мое тело сотряслось от электрического разряда, который сократил каждый мускул моего тела, каждую его живую клеточку, каждый уголок.

Что ж, Катилина Астрид Мередит. 100 тысяч ампер в сердце... думается, надежней и изысканней способа покинуть этот мир, придумать сложно. Наверняка, об этом даже напишут в газетах.

Мой показ завершился удачно. Я даже не ожидал, что затея с модой для гомосексуалистов окажется настолько же успешной, насколько скандальной. Эта стерва Флаэрина, заостенелая ненавистница людей с нетрадиционной ориентацией, подала на меня в суд за пропаганду необычных сексуальных взглядов. Сомневаюсь, что к сорока годам кто-то отважился так сказать, расширить ее горизонты. Обладая деньгами и славой, но не бурной сексуальной жизнью, она видимо решила выместить свою агрессию на других. Но, ни я, ни судья не смогли найти в законодательстве статью, под которую можно было бы меня подвести, а потому этой блондинке в розовом оставалось лишь сопеть и пыхтеть от гнева:

— Женщина, найми себе хорошую проститутку и пусть он тебя хорошенько отымеет, может и бешенство матки пройдет, — я удостоил ее шепотка на ухо и, шлепнув по силикону, изящно вышел из зала суда.

— Вали, гомосек хренов.

— Я не гомосек, я Богиня!

Меня, Самого Нефрита, афроамериканца и первую сучку графства еще никто не мог поиметь без моего согласия. Кажется, об этом что-то говорила Элеонора Рузвельт. Неважно.

Меня ждали в Рантонском клубе «Ночная фея», в котором проходила вечеринка в честь показа, принесшего мне прорву денег. Думаю, теперь я смогу открыть целую сеть магазинов и наконец-то вырваться за пределы Мелфрида. Может даже покончить с наркобизнесом. Но что бы ни случилось, я сделаю все, чтобы больше не сидеть с протянутой рукой на паперти в надежде, что кто-нибудь расщедрится и даст мне денег на краюшку хлеба. Так, Нефрит, соберись. Кто здесь королева бала?

Двери клуба распахнулись. Гордо вскинув подбородок, и изящно покручивая бедрами, под всеобщие крики и аплодисменты, я спуускался по лестнице к жаждущей общения толпе.

— О, ваше шоу сегодня было превосходно...

— Мерси.

— Да, это было незабываемо!

— Сегодня ночью будет незабываемо, пупсик!

— Еще никогда в Рантоне не было подобного!

— Не сомневаюсь!

— Вы не стесняетесь показывать свою гомосексуальность?

— Детка, нас объединяет любовь к члену. Ты же не стесняешься это показывать, судя по тому, как твои сиськи говорят «привет», выпрыгивая из декольте? Следующий?

— Кто вдохновил вас на это?

Здесь я на секунду замер и вспомнил свою подругу. Сколько себя помню, мы всегда были вместе, с самого раннего детства периода борьбы за свободный горшок. Мы с ней выросли в одном приюте, и ни разу она не упрекнула меня за то, кем я являюсь и всегда говорила, что я должен гордиться своей индивидуальностью и сражаться за место под солнцем.

— Моя подруга. Катилина. На сегодня закончим с вопросами, мальчики, девочки, обращайтесь к моему менеджеру, он запишет вас ко мне на интервью, а Королеве надо выпить бокал Мохито и отдохнуть. Расступились, расступились!

Не знаю от чего, но я почувствовал небывалую усталость. Слава, известность, признание, одобрение и скандалы — это то, чем я дышу, но за 24 года, наверное, мне хочется чего-то большего. Навалившись на барную стойку, я обратился к бармену, обнаженному по пояс и соблазнявшему меня внушительной мускулатурой. Нет, все же я никогда не променяю обычные низменные удовольствия на разную философскую ерунду про смысл жизни.

— Эй, Купидон, прысни мне пару капель мохито.

— Будет сделано, красавица.

Наблюдая, как бармен, поигрывая мускулами, трудится над моим коктейлем, я заметил в углу бара еще одного Аполлона, сидящего в полном одиночестве. С рыжеволосой встрепанной шевелюрой, забавными конопушками и на удивление черными, как бусины глазами. Такого пропустить я не мог никоим образом, забрав свой коктейль и еще один для рыжеволосой феи, я пошел на abordаж. По мере приближения я заметил, что мужчина не отрывает от меня взгляда, а из-под его расстегнутой рубашки выглядывает чуть волосатая грудь. Досада. Ну ничего. Как-нибудь смирюсь с повышенной лохматостью.

— Привет, красавчик. Махито?

— Не откажусь, Лисиан.

— Ты и впрямь похож на лисичку, дружок, — кокетливо ухмыльнулся я, присаживаясь рядом на обтянутый белой кожей диван и ставя бокалы на низкий абсолютно черный матовый столик.

— Ты, должно быть, Нефрит? — он окинул взглядом меня и, уставившись на камушек на моей шее, замер то ли в удивлении, то ли в ужасе.

— Да, это я богиня бала. Что-то не так? Не нравится мое украшение?

— Нет-нет, шикарный камень. Нефрит, как и ты?

— Да, подружка подарила еще когда мы на соседних горшках сидели, — складывая ноги на стол и поправляя позолоченный ремень с огромной бляшкой НЕФРИТ, протянул я. Лисиан странно смотрел на камень и через некоторое время ответил.

— Предусмотрительная девочка... — протянул он озадачено, сделав глоток. — У меня к

тебе предложение.

— Готов выслушать все, что ты предложишь, — подвигаясь ближе к красавчику, улыбнулся я. Алкоголь всегда развязывал мой язык и руки, поэтому все границы приличия были стерты с первым глотком. Однако Лисиан ничуть не возражал, хотя, судя по всему, он был новичком в наших рядах. Если вообще был там. Даже если он пришел в гей клуб из чистого любопытства, меня это не волновало. В конце концов, каждый имеет право расширить свои горизонты.

— У меня есть несколько отличных лисьих шкур. Слышал, что для новой коллекции тебе как раз нужны хорошие лисьи шкуры.

— Да, сладкий, нужны, что ты хочешь взамен?

Он опасливо уставился в другой конец бара и резко отодвинулся. Недовольно проследив за его взглядом, я заметил в другом углу двух девушек-азиаток, недурных собой: стройных, высоких, в изящной одежде и меховых накидках. Моделей здесь было полно, но азиатки явление редкое.

— Хочешь, чтобы они присоединились?

— Да нет... обознался. Давай уйдем отсюда и поговорим в другом месте? Идет?

— Мой номер наверху, 217. Буду ждать, лисичка!

Показывая журналистам, что отвечать на вопросы сегодня я более не намерен и обняв в знак благодарности некоторых моделей, я поднялся к себе в номер, в полной уверенности, что сегодняшняя ночь удалась на все сто.

Вопреки бытующему мнению, я не увидела черных коридоров, тоннелей со светом в конце, каких-либо комнат, страшного суда. Не было вначале ничего. Просто темнота и тишина, будто я лежу в темной комнате. Меня это даже разочаровало, но потом...

Я резко села в кровати и попыталась оглянуться по сторонам. Меня окружала крошечная тьма, но я нащупала на прикроватной тумбочке спички и разожгла свечу. То, что предстало моему взору, меня слегка ошеломило.

— Твою ж мать...

Я вновь оказалась в своей комнате. За окном бушевала стихия, грозившая вырвать с корнем все деревья, сорвать крыши со всех домов города и раскурочить все автомобили, какие только встанут на ее пути. Стихия билась в окно, но в комнате было тихо, тепло и уютно.

Обессилено упав на подушки, я негодовала. Меня ударило молнией! Я помню это ощущение всеми клеточками своего естества. Помню это жгуче-колющее ощущение боли и судороги. Как меня разрывает изнутри. Помню, как остановилось сердце, его последний толчок... и помню то томительное блаженство и ощущение свободы...

— Что за нахрен? — воскликнула я, пытаюсь убедить себя, что не схожу с ума, что я не гребаная психопатка.

— Тебе пора перестать сквернословить, — донесся ласковый голос из угла комнаты. Я медленно перевела взгляд, а затем и вовсе подняла голову, соображая, кто это может быть. Голос явно незнакомый. В углу комнаты, на обитом красной парчой стульчике, восседала ослепительной красоты обнаженная женщина. Ее золотистые волосы, своими кудрями ласкавшие тело обладательницы до самых округлых бедер, излучали сияние. От всей нежно-розовой кожи исходил мягкий, струящийся теплом и любовью свет. Казалось, аура любви и блаженства заполняет всю комнату, все тело, до основания, каждый его самый темный и

лишенный доселе любви уголок. Не в силах сопротивляться, я как дурочка расплылась в счастливой улыбке. Голая баба в моей комнате ночью. Расскажу Нефриту — не поверит!

— Вы прекрасны, — падая с кровати на колени, я подползла к женщине и принялась целовать ноги появившемуся в моей комнате наваждению. Внутри все трепетало, а сердце, казалось, разорвет мою грудь. Теперь я ничуть не сомневалась, что, наконец, мой земной путь завершился, и я могу обрести покой там, где красота принадлежит вечности. Вместо пресловутой двери за мной пришла прекрасная богиня. Не соображая, будто в глубоком сне, я продолжала покрывать поцелуями ее ноги, пока женщина мягко не улыбнулась и не накрыла мои руки своими теплыми ладонями.

— Дочь моя, ты не менее прекрасна. Твоя красота — твой дар. Ты — мое земное воплощение и в тебе мое продолжение.

— Кто ты? Ты Господь? — не отрывая восторженного взгляда от великолепного создания, бессознательно протянула я. Она лишь мягко улыбнулась.

— Глупенькая... можешь считать меня своим ангелом-хранителем. У Господа на твой счет великие планы, дорогая! Не смей больше неразумно распорядиться тем даром, который преподнес тебе господь — твоей жизнью. У Господа на счет тебя далекие планы, — повторила она с лаской и любовью в голосе. — Но в третий раз тебе никто не сможет помочь. Даже я.

Едва понимая смысл слов, которые произносила женщина, я все дальше проваливалась в небытие, пока мое сознание, наконец, не растворилось окончательно.

Через неделю Катилина Астрид Мередит все же умерла. Умерла прежняя Катилина Астрид Мередит, но свету явилось совершенно новое создание, исполненное слепой веры в то, что она обрела смысл своей жизни. И пусть это был всего лишь сон, наваждение, но я теперь знаю, что выбрана для высшей цели и должна жить, чтобы служить ему — своему Господу. Мое сердце наполнилось теплотой и любовью.

Я задумалась над тем, какое желание так страстно владело моим умом в течение последних дней. Я хотела умереть. Сейчас я так явственно ощущаю, какой была идиоткой. И как сложно мне было понять это дьявольское наваждение, как можно стремиться, во что бы то ни стало расквитаться со своей жизнью. Она — единственное, что принадлежит практически безраздельно НАМ, она — это единственное, чем мы можем владеть и распорядиться, а там... за гранью, там ничего нет и я уже не смогу наблюдать те небольшие, но все же прелести жизни, я никогда не смогу стать матерью, обрести любовь всей своей жизни, в конце концов, у меня никогда не будет секса с мужчиной, которого я люблю и хочу. Что б меня, разве ради того, чтобы все это сделать не стоит жить? Раз мы все существуем и наделены разумом, значит, наверное, это кому-нибудь нужно?

Честно признаться, я до конца сама не понимала своих мыслей и действий. Но решительно была настроена на то, что жить мне хочется больше, чем умирать, к тому же, в этом дурацком сне приснилось, что у меня осталась всего одна жизнь. Собственно, мне итак уже перепало больше, чем другим. Но с этого момента я твердо решила, что пора прекратить жаловаться и стонать, что все плохо и встать на путь исправления. Как? Просто начать жить! В конце концов, я не голодаю, у меня есть крыша над головой, есть работа, любящая тетка и гламурная ехидна-сестрица. Да, к сожалению, моя жизнь началась лишь в 22 года.

За окном стояла отличная солнечная погода, хотя, казалось, что солнце уже шло по направлению к горизонту, но небо еще не налилось кровью. Интересно, сколько я проспала? За дверью слышались встревоженные разговоры и тихие всхлипывания Бэтти. Моя

гувернантка никогда не отличалась особым умом или сентиментальностью, однако была весьма дружелюбна и исполнительна. Пожалуй, она единственная, кого я могла переносить в периоды жутких депрессий дольше пятнадцати минут. Пытаться свести счеты с жизнью мне не в первой. Раньше всегда кто-то приходил на помощь прежде, чем я совершала необдуманные поступки, однако сейчас кто-то словно дал мне второй, а затем и третий шанс, который я ни за что не упущу.

Накинув на плечи халат нежно-персикового цвета, я шмыгнула за дверь.

— Бэтти, все в порядке?

Увидев меня, женщина завизжала и убежала вниз по лестнице. Недоумевая, я повернулась к леди Кэтрин и, судя по белому халату, доктору.

— Добрый день, леди Кэтрин. А с вами мы, кажется, не представлены, — я дружелюбно поклонилась, извинившись попутно за свой внешний вид. — Я Леди Мередит. Можете звать меня Катилиной.

Кажется, леди Кэтрин сделалось дурно, не то от несвойственной мне ранее принятой в высшем обществе манеры словоблудить, не то просто от моего появления. Она побледнела, а доктор от изумления не мог прийти в себя, пока я не потрясла его за плечо.

— Да что с вами, может быть вызвать доктора? — я пыталась пошутить, но прошла еще пара минут, прежде, чем леди Кэтрин, с незнакомыми мне доселе эмоциями, смогла чуть слышно прошептать.

— Мы думали.... что надежды уже нет...

На ее глазах проступили скупые слезы. Чтобы скрыть их от меня, она отвернулась и, достав из кармана своего шикарного шелкового платья носовой платочек, быстро привела себя в порядок.

— Леди Мередит, вы должны вернуться в свою постель, я вас осмотрю, — наконец-то и доктор обрел дар речи.

Не вступая в лишние расспросы, я повиновалась доктору. У меня слишком хорошее настроение, чтобы пытаться понять, что происходит. К тому же, зачем мне это понимать? Я просто должна быть благодарна тому, что живу.

Доктор попросил леди Кэтрин известить повара о том, что мне необходим сытный ужин, с большим количеством витаминов и минералов, а так же обязательно бульон и остался со мной наедине. Достав из кожаной сумки фонендоскоп, он учтиво попросил меня распахнуть халат.

Всегда думала, что фонендоскоп — это не осуждаемое обществом средство, заставляющее женщину показать мужчине свою грудь. Доктор был уже не молод, потому я не особо волновалась, что его вдруг охватит возбуждение, и он меня изнасилует прямо тут. Мои походы к врачу на осмотр нередко заканчивались приставаниями... Фонендоскоп оказался по обыкновению холодным, и моя кожа мгновенно отреагировала на его прикосновение пупырышками. Зато руки доктора оказались теплыми и, к моей радости, весьма корректными и трогали меня лишь там, где положено.

— Что случилось, доктор? Почему вы здесь? — я решила сломать тишину.

— Сделайте вдох, — он напряженно послушал, — хмм. Вы совсем ничего не помните?

— Я помню, что мир круглый, а Луна — спутник Земли, — доктор осуждающе на меня посмотрел, — Нет, совсем ничего, — я покачала головой, запахивая халат. Доктор достал прибор для измерения давления, и я покорно протянула свою руку. Плечо приятно сдавило.

— Вас нашли на центральном мосту на следующее утро после пропажи, — доктор

замаялся.

— Что такое? — мой одобряющий тон подействовал.

— Понимаете, вы были.... как бы это правильно сказать.... вроде как мертвы.

Я усмехнулась.

— Как ни странно, но ученые до сих пор еще не пришли к общему выводу, какие признаки с достоверностью бы указывали на то, что человек умер...

— Да идите? — чем вообще занимаются эти ученые, если они даже не могут сказать — мертв ли человек? Интересно, сколько же на свете таких, как Гоголь? Похороненных заживо? Похоже, мне чудом удалось избежать участи великого писателя...

— Зря смеетесь... — неодобрительный взгляд доктора заставил меня посерьезнеть, — мы испробовали большинство средств, чтобы определить, живы ли вы. Кардиограф не показал даже малейшей электрической активности сердца, однако атропин вызвал расширение зрачков... у нас были такие противоречивые результаты, что самым верным средством оказалось оставить вас и подождать...

— Подождать чего? — освобождаясь от прибора, я посмотрела на врача, который был достаточно смущен, сообщая такое мне.

— Появления трупных пятен. Процессов разложения.

— Ой, доктор, любой школьник знает, что они появляются уже через несколько часов.

— Мы не были до конца уверены. Вы неделю пролежали без признаков жизни. Как очевидных, так и неочевидных. И я, как врач, расписался в своей полной беспомощности, объявив, что наука бессильна вам помочь и остается надеяться на чудо. На чудо, что это какая-то странная форма каталепсии. Сегодня я пришел, чтобы сообщить это вашей тетушке и подписать кое-какие бумаги.

— Будем считать, что мне повезло! — с улыбкой заключила я, хлопнув доктора по плечу. Хоть новость о своей преждевременной кончине выслушала я, но ободрение требовалось доктору. Казалось, сейчас наступит та самая молчаливая пауза, при которой кто-то из нас обязательно должен что-то сделать или сказать, чтобы ее прервать. К счастью, у меня зазвонил мобильник, и доктор попрощался со мной. — Катилина, кому обязана? — радостно потягиваясь на кровати, поинтересовалась я.

— Катилина, это Кайл. Надеюсь, ты не забыла, что сегодня вечером должна быть в Октавианском дворце на выставке? — его деловой тон вернул меня с небес на землю. Капец! Я совсем забыла об этой выставке. Интересно, а нахождение при смерти является уважительной причиной прогула работы?

— Не-е-ет, Кайл.... конечно нет!!!! Напомни, она в восемь, кажется? — оглянувшись в поисках часов, я радостно вздохнула, было около пяти.

— Вообще-то полседьмого, — с укоризной произнес он.

Ой, подумаешь, не угадала на полтора часа.

— Конечно, не волнуйся, все будет отлично!

— Уж постарайся. Форма одежды парадная. Не наделай глупостей. Пока.

Вот ведь дерьмо! Послать на выставку в Октавианский дворец именно меня. Нет, внешность-то у меня, конечно, располагает к шикарным нарядам и открытым плечам, и декольте, но вот мои манеры в светском обществе всегда ставили меня в глупое положение. Надеюсь, там обойдется без обеда с десятью вилками и четырнадцатью блюдами. Да и вести приличные беседы без скабрзностей я еще не научилась.

Что всегда удивляло в Мелфриде, так это его противоречивость. Казалось, Мелфрид —

деревенька, где с равной жаждой разводят коров, свиней, овец и занимаются сельским хозяйством на просторных полях, ведь у нас очень плодородный чернозем. Но с другой стороны, город имеет богатую историю и архитектуру. Несколько веков назад он являлся пересечением многих торговых путей графства Эйтингейл, потому здесь охотно жили весьма высокочтимые и богатые люди. Они строили прекрасные замки и поместья, которые и сохранились по сей день, как дань уважения истории. Наш мэр, мистер Мэдисон, уделяет большое внимание сохранению исторической составляющей города. Как он любит говорить: «Наша история — это наша кровь. Позволяя разрушить историю, мы позволяем разрушить себя». Противоречивость городских жителей примирял как раз наш мэр, которому своей мудростью удавалось воссоединять противоборствующие коалиции. Жители как бы делились на две категории — простые сельские рубаха-парни, полагающиеся на авось, и открытые миру, и аристократичные особы, считающие по сей день себя если не владельцами первой категории жителей и самого Мелфрида, то основоположниками города точно. Так вот ко второй категории я явно не относилась душевно, хотя мой официальный статус говорил об обратном. Для мира я была Леди Мередит, а для своих просто Катилина. Так что, можно сказать, что мне повезло — я была вхожа в оба слоя.

Так, у меня есть полтора часа, чтобы привести себя в порядок и подготовиться к выставке. Подходящего платья, конечно же, не оказалось. А чего удивительного? Сколько бы Бэтти и леди Кэтрин ни покупали мне платьев, ни одно не задерживалось в моем шкафу дольше суток. Надев однажды обновку на безумно скучный светский прием, которые имеет обыкновение устраивать моя тетушка ежемесячно в своем дворце, я неизменно либо дарила их кому-нибудь, либо по-тихому выбрасывала. Чаше, правда, дарила их Лине. Ее телосложение мало отличалось от моего и это позволяло радовать подругу ежемесячно. Она с удовольствием их у себя складировала, но слишком редко надевала куда-либо. Да, конечно, казалось бы, я могла приехать к ней и одолжить собственное платье, но Форт-Окриддж в 4 часах езды от Мелфрида. Окончив учебу, подруга переехала туда в поисках лучшей доли, а я осталась здесь, не имея возможности и желания отрываться от каких-никаких, но своих корней.

«Может скомуниздить платье у прекрасной Изабель?» — подумала я, накладывая макияж перед зеркалом в ванной комнатке. Хотя да, помнится, один раз я взяла у нее блузку, и чуть не задохнулась. Все-таки чего-чего, а груди у сестрицы без карты не сыщешь.

Закончив и с прической, я вспомнила, что мой друг, Нефрит, владеет бутиком модной одежды и наверняка у него найдется для меня платье. Жаль, что сам он пару лет назад уехал в Рантон, куда его пригласили на неделю высокой моды со своей новой коллекцией одежды и где он осел на неопределенное количество времени, прислав мне письмо, которое содержало всего одно предложение «Женщина, здесь столько парней с аппетитными попками!» Все-таки годы, проведенные вместе в Мелфридском детском доме дали о себе знать крепкой дружбой. Нефрита я обожала всей душой, как и он меня. Хоть и казалось, что этой дружбе не суждено было случиться, но она была. Я все время брюзжала о том, что не стоит пакостничать и шалить, а он всегда делал что-нибудь гадкое, за что его наказывали. Я была белой, а он черным. Впрочем, цвета нашей кожи и по сей день особо не поменялись, разве что я слегка загорела.

Что ж, осталось только платье. В животе предательски заурчало, а часы показали пол шестого. Радовало одно — Октавианский дворец в 10 минутах езды от тетушкиного дворца. Вот только заскочу в бутик «Нефрит» на другом конце города и по-быстрому приеду. Думаю

не смертельно, если я немного опоздаю на праздник скуки и занудства. В конце концов, приехать вовремя, а то и вовсе заранее, для знатной дамы не прилично и даже на грани скандала.

Спустившись вниз, я услышала музыку. Шопен. Кажется, одна из трех сонат, я так и не удосужилась должным образом научиться их различать. Впрочем, в этом доме постоянно играет музыка и несложно запутаться. Моя тетька прекрасный музыкант, порой она импровизирует, порой играет Шопена, которого предпочитает другим композиторам за таинственный драматизм его произведений. Порой, она меня удивляет. Подобно Шопену, она могла ночью, в чепце и длинной муслиновой ночной сорочке отправиться к инструменту и начать наигрывать и записывать всплывшие в ее уме мелодии. Она одержима музыкой. Наслаждаясь мелодией, я пару минут смотрела на тетю, которая совершенно изменялась, становилось милой и непосредственной женщиной. И, казалось, молодела лет на десять, хотя в ее годы (к слову, ей было от 45 до 50, она скрывает возраст) выглядела очень достойно. Я улыбнулась и села за стол, услужливо накрытый Кларис — нашей домработницей. Уплетая горячее, и в очередной раз поражаясь таланту повара, я думала, как же все-таки прекрасна жизнь!

— Я очень за тебя волновалась, Катилина. Что с тобой происходит? — не отрываясь от игры, спросила леди Кэтрин, выйдя из состояния меланхолии.

— Вам не о чем беспокоиться, — ушла я от ответа. Все-таки, как ей объяснить всю неблагодарность моих поступков? Ведь они, по отношению к леди Кэтрин выглядели именно неблагодарностью. В конце концов, что меня ожидало? Участь официантки, которая так и проживет всю жизнь, снимая какой-нибудь клоповник на краю города, дай бог разживется огородом, выйдет замуж за водителя, да так и умрет. А теперь же мне открыты все дороги, с ее влиятельностью, богатством и моей красотой я могу многого добиться в жизни. Как только я раньше этого не замечала? К тому же, леди Кэтрин ко мне очень добра. Я до конца не могу понять ее отношения ко мне. Иногда она заботится о приемной дочери (но мы, все же, предпочитаем считать друг друга племянницей и тетей) больше, чем о своей собственной племяннице, которая предпочла жизнь с ней жизни в Рантоне. В этом я ее понимаю.

— Дай то Бог. Надеюсь, ты не жантильничаешь со мной! Хотя, как я могу не беспокоиться в свете последних событий. Ты мне расскажешь, что произошло на том мосту?

С минуту подумав, я решила — а почему нет?

— Меня ударило молнией... — отщипывая куриное бедрышко от куриной тушки, как ни в чем не бывало, произнесла я. Рояль издал нестройные звуки.

— Что?

— Молния, — повторила я. — Я как раз шла домой и в меня попала молния. Но теперь я чувствую себя просто замечательно!

— А что ты вообще делала на том мосту? — женщина села рядом со мной на свободный стул и налила себе чаю из изящного фарфорового чайничка.

Поняв, что лучше не рассказывать тетушке все подробности моей прошлой жизни, я допила сок и, сославшись на работу, выскочила из дома. Как-никак, но времени на все было катастрофически мало. Уходя, я чувствовала на себе неодобрительный и тревожный взгляд леди Кэтрин. Мне было жаль тетушку. Она не понимала, что со мной происходит и наверняка винила в этом себя. Но рассказать ей все я не могла. К тому же, кто мне поверит, кроме товарищей по палате в психбольнице? Я сама с трудом верю в то, что со мной

произошло и предпочитаю считать, что мне приснился дурной сон.

Я донеслась до «Нефрита» за каких-то 15 минут, учитывая, что он находится в самом центре нового Мелфрида, а мы живем на окраине старинного Мелфрида, в тихом и красивом местечке, усыпанном особняками. Спасибо тете за любезно подаренную мне тойоту аурис. Хотя я и не любила ею пользоваться, но сейчас случай обязывал. Я просто горела написать отличную статью и провести свой журналистский дебют с блеском.

К моему счастью, бутик работал до одиннадцати, что необычно для нашего городка, где предпочитали закрываться не позднее шести. На худой конец, если что-то кому-то сильно понадобится, то всегда знали, кто хозяин заведения, где он живет и как нужно попросить, чтобы он открылся ненадолго.

Зайдя внутрь, я так и ахнула. Последний раз я была здесь два года назад, как раз в тот момент, когда Нефрит со слезами на глазах давал последние указания и прощался с работницами магазинчика. Для того чтобы избежать соблазнов, он брал на работу исключительно хорошеньких девушек. Ах да, если я забыла упомянуть, то Нефрит предпочитал мужское общество женскому.

От обилия белого и золотистого в моих глазах немного зарябило, но вскоре я пришла в себя и стала с интересом рассматривать платья из последней коллекции своего друга. «Да, нужно обладать поистине смелой фантазией, чтобы сшить такое», — подумала я, посмеиваясь над одной моделью.

— Катилина Астрид Мередит? — услышала я за спиной удивленный и радостный вопль.

Я обернулась и заметила мужчину, с модной стрижкой. Его черные, вперемежку с фиолетовым ассиметричные локоны были аккуратно уложены в хаотичном беспорядке, темные очки, в массивной белой оправе придавали образу вычурность и эпатажность, а широкая бляшка на ремне с крупными камнями — вульгарную сексуальность. Я не могла спутать этого парня в широких джинсах и обтягивающей майке ни с кем другим.

— Нефрит! — обрадовано вскрикнула я, подбежав к другу и запрыгнув на него от радости. Мои ноги плотным кольцом сжались вокруг него, а он задорно кружил меня по залу, то и дело, к неудовольствию сотрудниц, сшибая стойки с одеждой.

— Видит бог, женщина, если бы я не был любителем членов, я бы тебя отымел прямо здесь! — да, Нефрит всегда отличался излишней откровенностью и умением говорить изысканно. В этом мы были с ним схожи до крайности.

Сама не своя от радости, я забыла обо всем на свете и просто таранилась на друга, словно не видела его целую жизнь. Лина уехала пару месяцев назад, оставив меня совершенно одну, других друзей у меня не было и я не обладаю счастливым умением заводить их достаточно часто из-за излишней разборчивости в характерах. Мне неважно было, какой человек ориентации, какого социального положения, как он разговаривает или во что одевается. Единственное, что имело значение — его мировосприятие, его отношение к другим людям, к друзьям, его душа. А у Нефрита она была светлая, но безнадежно запутавшаяся и потерянная. Нефрит и Лина совершенно противоположны моей натуре, но мы вместе, даже несмотря на огромные расстояния между нами. Все потому, что дружба связывает не внешне. Дружба связывает души, а эти нити лишь растягиваются, но не рвутся. Никогда, иначе это не дружба.

Все-таки он безумно хорош собой. Чтобы подчеркнуть мышцы груди он всегда надевал либо футболку в обтяжку, либо майки и увешивал грудь разными цепочками и талисманами. Эти приемы сводили с ума всех девчонок округи, ничего не подозревающих о его

пристрастиях. Я заметила на шее друга зеленоватый камушек и аккуратно прикоснулась к изделию.

— Ты все еще его носишь? — почти с щенячьей радостью воскликнула я.

— Это мой талисман, — гордо подмигнул мне друг. Прозвище Нефрит он получил благодаря камню на обыкновенном шнурочке, подаренному мною лет 15 назад. С тех пор все называют его Нефритом, и уже мало кто вспомнит его настоящее имя — Кевин. — Он помог мне добиться успехов и... оберегает в трудную минуту.

Когда я думала, что подарить Нефриту на его день рождения, то сразу же вспомнила книгу, которая произвела тогда на меня большое впечатление. В ней было написано об этом камне. Китайские философы приписывали нефриту пять основных достоинств, отвечающих шести душевным качествам; его мягкий блеск олицетворяет милосердие, его твердость — умеренность и справедливость, полупрозрачность — символ честности, чистота — воплощение мудрости, и его изменяемость олицетворяет мужество. Старинная китайская пословица гласит: «Золото имеет цену, нефрит же бесценен». И во все времена считалось, что он хранит его владельца от темных сил. Посчитав, что такой подарок будет особо дорог Кевину, и, вспомнив, что как-то давно я нашла небольшой камушек нефрита, который всегда хранила в шкатулке, я смастерила из него кулон. Было приятно видеть, что этот символ нашей нерушимой дружбы по-прежнему занимает свое почетное место у его сердца.

Наступила минута молчания, когда хотелось сказать так много, и непонятно было, с чего начать. Все-таки мы не виделись два года после того содержательного письма!

— Ты надолго к нам? — нашла я.

— Думаю перекантоваться тут какое-то время, — он закатил глаза и подошел к платьям, которые я разглядывала.

— В последний раз, когда ты решил перекантоваться какое-то время в Рантоне, ты пропал на два года и от тебя ни слуху, ни духу не было.

— Эй, женщина, я прислал тебе письмо! — добродушно усмехнулся он, прикладывая ко мне красное платье с огромным декольте.

— О да, целое предложение! — улыбнулась я.

— Я счел это изысканным жестом.

— И как твои успехи? Что заставило тебя вернуться? — складывая на руку наряды, которые выбирал Нефрит, поинтересовалась я.

— А почему бы мне не вернуться просто так? — он улыбнулся своей голливудской улыбкой, но по голосу я поняла, что что-то случилось. — Рантон мне надоел. Со всеми его гламурными сучками и вечно обдолбанными пидорасами. Я хоть и гей, но у меня есть свои ценности и идеалы, ты меня знаешь. Иди, переодевайся.

Что мне всегда нравилось в Нефрите — он неизменно знал, что мне необходимо и никогда не задавал лишних вопросов. А уж на его мнение в области моды я могла полностью положиться. Он смог даже из 60-летней миссис Норрисон, жены местного фермера сделать сексуальную блондинку, вслед которой оборачивались даже молоденькие парни, не говоря уже о том, чтобы придать достойный вид девушке, не обделенной природною красотой.

Потратив на наряды минут двадцать, я все-таки услышала:

— Даже в Рантоне я не видел таких потрясных сисек. Пожалуй, сегодня ты уйдешь в этом.

— Всегда знала, что модели ты шил на меня, — улыбнулась я. У Нефрита действительно были свои идеалы красоты, а потому его модели не были анорексичными и

рахитичными, он предпочитал вполне грудастых девушек, немного отклоняющихся от стандартов 90-60-90.

Я посмотрела в зеркало и невольно улыбнулась. Все-таки Нефрит прав. На мне было то самое красное платье, которое первым протянул мне друг, и которое я примерила последним. Его подол едва касался пола, разрез до середины бедра кокетливо оголял мою ножку, материал приятно обтягивал ягодицы, эффектно подчеркивая формы, дарованные природой, и совсем отсутствовал на спине, которую едва касалась пара прохладных тонких цепочек. Спереди, ткань волнами спускалась до солнечного сплетения, эффектно, но без пошлости подчеркивая грудь, и заканчивалось это великолепие красивым бантом, завязанном на шее сзади, который и держал на мне всю эту невесомую красоту.

— Нефрит, чтоб меня, — это все, что смогло сорваться с уст.

Друг надел на меня белые, выше локтя, ажурные перчатки, украсил уши серьгами с двумя яркими и крупными жемчужинами, которые хорошо красовались на фоне забранных кверху рыжих кудрявых волос, и размахивал босоножками, придиричиво оглядывая меня с головы до ног. Лишь когда мужчина удовлетворился своим новым творением, он задал вопрос.

— Так куда ты собралась, принцессочка? — я рассмеялась. Он поинтересовался об этом только тогда, когда я собралась уходить, потому как мое опоздание грозило затянуться более, чем на отведенные по этикету 15 минут.

— О, в Октавианский дворец, там какая-то выставка мазни очередного новоявленного художника, — надевая изящные босоножки, с открытыми пальчиками, небрежно бросила я. Радовало, что погода в Мелфриде всегда была теплой, и не было нужды таскать с собой кучу верхней одежды. О прохладном вечере можно не беспокоиться.

Нефрит от души рассмеялся:

— Это когда ты стала интересоваться искусством?

— Да я теперь вроде как журналист, — гордо протянула я, достав красную помаду и стараясь не размазать ее по всему лицу. — И мне предстоит писать статью об этой выставке. Видимо, придется прийти к тебе за вдохновением, — улыбнулась я.

Мужчина прислонился к стене возле моего отражения в зеркале и загадочно протянул:

— Я слышал, хозяин этой выставки недурен собой. Судя по описанию, он та еще штучка, так что если ты не охомутаешь его в первый же вечер, не обессудь, подруга, если на следующий он будет разъезжать по Мелфриду в моем Лексусе.

Мы оба от души рассмеялись.

— Так, мне пора бежать, иначе я облажаюсь куда раньше, чем я на то рассчитываю. Держи, — я протянула другу конверт, в котором был аванс за не написанную мной статью, — здесь половина, остальное верну с первой зарплаты.

— Женщина, еще раз сунешь мне деньги, я забуду, что джентльмен и пуцу в ход кулаки, — он скрестил руки на груди и ослепительно улыбнулся. Конечно, Нефрит достаточно добился в жизни, чтобы позволять себе необдуманные расходы.

— Я верну тебе вещи, все равно это не в моем стиле, — чмокнув Нефрита в щечку, я повернулась задом. Какая оплошность. Друг шлепнул меня по ягодицам и кинул вдогонку:

— Если он не разденет тебя прямо во дворце, значит, мои шансы обречены на успех!

Вот так сюрприз, совсем не ожидала, что как только я полюблю жизнь, она мне ответит тем же. То, что Нефрит вернулся в Мелфрид — почти невероятно! За что такое счастье свалилось на мою голову, представить сложно. Видимо, не только Кайл, но и жизнь выдала

мне аванс. Хотелось радоваться, но внутри меня грызло сомнение. Приезжать спустя такое короткое время после ошеломительного успеха... что-то мне подсказывало, что триумфальное возвращение на самом деле скоростный побег. Он явно бежал от чего-то, и я непременно это выясню. Но начну журналистское расследование завтра.

Во дворец я опоздала всего лишь на 20 минут. В рамках приличия. «Бывает и хуже», — усмехнулась я, все равно они никогда не начинают во время. Покопавшись в сумочке в поисках приглашения и поправив подводку на губах, я убила еще пару минут. Наконец, во всеоружии я была готова явить блистательную себя на растерзание светской толпы. Словно на экзамен пришла — непонятно, то ли волнуешься, то ли просто съела что-то не то.

Выходя из машины и улыбаясь услужливому швейцару, я... чуть не свалилась на асфальт. Подол шикарного платья застрял в захлопнутой мною наспех дверце машины. Быстро разрешив конфуз и убедившись, что это заметил лишь корректно отвернувшийся, и не злобно улыбающийся швейцар, я прошла в здание.

— Ваше приглашение, пожалуйста, — учтиво попросила женщина-администратор.

С грустью подумалось, что если бы не леди Кэтрин, то на месте этой скучающей женщины вполне могла бы оказаться и я. Впрочем, с моей любовью к крепкому словцу и нетерпимостью к ханжеству и неблагодарности меня бы выгнали в первый же рабочий день, а кого-то бы вынесли вперед ногами.

— Леди Мередит, приятно познакомиться с племянницей самой Леди Кэтрин. Как поживает ее светлость? Она наша частая гостя и разумеется, самый щедрый меценат!

Мы обменялись любезностями, и я прошла в зал. «Она наша частая гостя», бла бла бла, позвольте, я оближу ваш зад. Неужели они искренне полагают, что меня это колышет?

Никогда не понимала, зачем в первый день выставки устраивать закрытый показ. Неужели состоятельные мира сего не могут прийти и поглазеть на картины в обычный день с обычными людьми? Или же хозяин выставки беспокоится, что иначе ему не удастся затащить столько именитых особ? Да тут же их на квадратный метр катастрофически много. Вот Миссис Куотерсон с мужем и детьми, владельцы местной фабрики по производству шоколада, беседуют с мэром Мелфрида, добродушным старикашкой. Его жена умерла 15 лет назад, когда город захлестнула зверская эпидемия гриппа. К сожалению, слишком поздно к нам прибыли медикаменты из Рантона и не удалось спасти всех заболевших. К всеобщей скорби, Миссис Мэдисон стала одной из жертв болезни. Она, подобно Мистеру Мэдисону была доброй и отзывчивой женщиной, даже немного наивной. А ее щедрость к нуждающимся неизменно подводила чету мэра на грань разорения. К счастью, мистер Мэдисон был более бережлив и всегда оставлял в своих закромах заначку. Признаться, мне было невдомек, как при его личных качествах, без капли лицемерия и жестокости, мэр смог сохранить за собой свой пост уже третий срок подряд. Впрочем, жизнь под его руководством протекала тихо, спокойно и без потрясений. Политика в Мелфриде не шла в сравнение со столичной. Акул здесь не водилось, а ходить по головам не было смысла.

Осматриваясь, я заметила еще парочку знакомых лиц. Однако большинство присутствующих были мне незнакомы. Возможно, они посещали приемы леди Кэтрин, на которых я старательно делала вид, что зеваю не от скуки и, более того, вовсе не зеваю, потому и казались мне незнакомыми. Как бы то ни было, обстановка весьма театральная и размеренная, как и полагается на выставках.

Я старательно изучала афишу на стене. На ней было написано — «Изольда, красота, слившаяся с вечностью». Меня передернуло. Ведь именно об этом я мечтала еще... кажется,

неделю назад — слиться с вечностью. Походу автор посвятил картины своей любимой. Посмотрим на эту Изольду, — скучаяще подумала я, проходя в выставочную часть, минуя столик с угощениями и напитками.

На белоснежных стенах висели преимущественно большие и громадные картины в золоченых, тяжелых рамках. Казалось, эти рамки пережили не одно поколение своих владельцев. Число картин тоже удручало своим немалым количеством. «Сколько же он трудился без сна и отдыха, чтобы написать столько полотен?» — подумала я, подходя к первой картине. Какая-то депрессивная мазня. То есть, нарисовано вполне себе сносно, просто я никогда не была ценителем искусства. Да, некоторые умеют рисовать так, будто это фотографии, но чему тут удивиться? Красиво, но лишено каких-либо восторгов.

Просмотрев с десятков первых картин, и вдоволь насытившись этой приторно слащавой Изольдой, я сделала запись в своем блокноте о том, что хозяин выставки помешан на теме вампиризма и пышногрудых испанок. Надо полагать, что сам он гот в черных берцовых сапогах, с седыми по пояс волосами и кровавыми линзами. Интересно, он нарастил себе клыки? Говорят, это входит в моду. Картины висели, как я почерпнула из афиши, в хронологическом порядке и представляли собой изложение некой истории. Короче, комикс без слов, развешанный по стенам в пафосных рамках. На первых полотнах Изольда явно человек. Дальше она встречается некую клыкастую особь. Даже первоклассники распознают в этой особи вампира. Мрачный, угрюмый, с двумя клыками и властным взглядом. Однако одна из картин привлекла мое внимание.

Это было самое большое полотно. Выше меня в несколько раз, а я далеко не самая низкорослая женщина. Картина изображала трагедию на фоне рассвета. Женщина, как я успела понять, Изольда, на вид харизматичная мексиканка, с роскошной кудрявой копной черных, как смоль волос, с выражением панического ужаса пряталась за спиной вампира, который заслонил ее от стрел, выпущенных неизвестным мужчиной, и принял их своей широкой грудью в количестве пяти штук. Надпись под картиной гласила «Жизнь за любовь». Я от души рассмеялась, не отрывая взгляда от картины, но вовремя спохватилась. Все-таки, мое не совсем приличное поведение, привлекло к себе внимание.

Ко мне подошел мужчина. Высокого роста, с черными волосами, на укладку которых с эффектом растрепанности наверняка убита куча денег. Меня бы это позабавило, если бы не его глаза. Они казались необычайными. Карие, обрамленные золотой каймой, таких глаз, я никогда ни у кого не встречала. Аристократические черты лица так и кричали, что он либо основатель, либо потомок знатного рода зануд. Он был одет в черный, изящно сидящий на нем смокинг. Мне кажется, что некоторые люди прямо созданы для подобных вещей.

Мужчина протянул мне бокал шампанского, и, бросив взгляд на полотно, с интересом протянул:

— Кажется, вы не совсем довольны картиной?

— Ну, судить о художественном таланте исполнителя я не берусь, — аккуратно подбирая слова, я пыталась втиснуть мою манеру излагаться в те узкие рамки, которые ставит этикет на подобных мероприятиях и в подобном обществе. Наверняка передо мной стоит один из богатеньких пижонов, который прикупит одну-две картины. Чтобы повесить их в одной из двадцати пяти гостиных, в которых никто не бывает по несколько лет. — Но вот сюжет однозначно подкачал.

— Простите? — улыбнулся он, посмотрев на меня как кот на сало.

— Я имею в виду, что сюжет, если только это не ирония, абсолютно смешон, — решив,

что его задела моя словесная вольность, перефразировала я, — ну и сноб, — добавила едва слышно.

— Вам кажется, что отдать жизнь за любимого человека — это смешно? — казалось, он недоумевал, что могло рассмешить человека в серии картин, с претензией на драматичность. Я снова усмехнулась и глотнула шампанского, чтобы чуть обдумать более приличный ответ, чем тот, что пришел мне на ум мгновенно.

— Допустим, что один из них явно не человек. Раз автор взялся поведать историю вампира и человека, так нужно было подумать чуточку лучше, так сказать, изучить проблему, — поняв, что этим выражением я едва ли не унизила автора картины перед лицом его потенциального озолотителя, я слегка смутилась. К тому же, в глазах собеседника читался немой вопрос. — Посудите сами, вампир и человек — то же самое, что лев и антилопа, и то же самое, что человек и стейк с кровью. Вам кажется, что отдать жизнь за стейк с кровью это не смешно? В любом случае, стейк всегда можно заменить бараньей вырезкой или запеченной куропаткой.

— А если он любит стейк с кровью? — загадочно протянул собеседник.

— Переживет, — уверенно заключила я, — К тому же, вкусы со временем меняются и он поймет, рано или поздно, что вообще вегетарианец. Нет. Здесь совсем другое.

— И что же, по-вашему? — казалось, его все больше увлекал наш разговор.

— Название явно не подходит «Жизнь за любовь», учитывая, что он и не обладает жизнью... — я еще раз внимательно посмотрела на картину.

— А как бы вы ее назвали?

— Хороший вопрос, — я задумалась, стараясь подобрать краткое определение тому водопаду чувств и слов, которые накопились внутри меня, — «освобождение», пожалуй, так было бы более правдиво.

— По-вашему вампир не любит ее?

— Да нет, что вы. Тут я не берусь утверждать наверняка. Скорей всего он думает, что любит, но вот движут им в этот момент совсем иные мотивы, — я задумалась, а собеседник больше не сводил с меня глаз, явно желая услышать мое мнение более подробно и не имея намерения меня перебивать, — судя по его взгляду, который не выражает страха или опасения, за себя или жизнь его любимой, не важно, он хочет умереть. Более того, он ищет смерти, — лицо собеседника тронула легкая улыбка, в тот момент, когда я посмотрела на него, чтобы отследить реакцию, — представьте, что вы на его месте. Вам три сотни лет, вы прожили долгую, насыщенную жизнь. Точнее, просуществовали во мраке большую часть своей жизни, наверняка успели натворить кучу грязных и мерзких дел, как полагается, за которые вам стало безумно стыдно. Вы пережили смерть всех своих родных, если только не отреклись от них в тот день, когда стали вампиром. И вы устали. Кажется, что ничего уже не может вас удивить, жизнь обрела очертания колеса, которое катится, катится, катится, и все время натывается на одни и те же кочки, и все время поскрипывает в одном и том же месте, вы изучили этот маршрут от и до. Но как прервать этот порочный круг? Прожить триста лет, чтобы потом наложить на себя руки? Нет. Вы бы нашли способ с честью покинуть этот мир. Благо, у вампиров предостаточно таких возможностей. А что может быть романтичней и поэтичней, чем умереть, спасая любимую? Умереть, с ее именем на устах? Вы видели его взгляд на предыдущих картинах? Изольда, прижимаясь к нему, отдает все тепло, всю свою любовь, а его взор, полный боли и усталости, устремлен в небо? Нет. Мне кажется, что в таком возрасте невозможно полюбить, — с какой-то горечью подытожила я, разнеся в пух и

прах концепцию картины.

Я закончила и посмотрела на собеседника, чтобы увидеть какое впечатление произвела на него моя речь. Кажется, он был удивлен и немного обескуражен.

— По-вашему вечная жизнь — это проклятье, а не дар.

Меня поразило, что он не вступил со мной в перепалку, не попытался опровергнуть мои доводы, или убедить в том, что я чего-то не замечаю. Он просто с величественным спокойствием спрашивал и, казалось, ему нравилось слушать то, что я говорю, правда причина столь странного поведения мне совершенно не была видна. Единственное предположение, что он заскучал от всех восхищенных ахов и охов.

— Жизнь в любом ее проявлении — это дар. И его нужно стремиться сохранить... рационально его использовать. Вся прелесть жизнь в том, что она конечна. Оттого она обретает свой смысл и свою значимость. Однако вампиры не живы. Я не знаю ни одной причины, почему вечное существование, не отважусь назвать это жизнью, можно было бы считать даром. Конечно, это, безусловно, проклятье. Думаю, доведись мне повстречать на своем пути вампира, он бы полностью подтвердил мои слова.

— Но ведь при вечном существовании, как вы выразились, открывается столько возможностей...

— Но какой ценой! Не думаю, что оно того стоит. По мне, люди желают стать вампирами лишь оттого, что введены в заблуждение воздействием романтических образов, созданных современными писательницами. Встретить такого Эдварда, принца на белом коне, который прикольно светится при солнечных лучах и говорит, что сожрал бы тебя при первой возможности, но сначала был бы не против поиметь, мечтает каждая девчонка в тот или иной период жизни, — заметив, что я употребила слова «поиметь» и «прикольно» в присутствии мужчины в смокинге, я закрыла рот ладонью и рассмеялась, — простите, я не очень-то скромна в выражениях.

Из моей руки выскользнула перчатка и мягко упала на паркет. Я хотела нагнуться за ней, но мужчина меня опередил. Наверняка, многие подумали, что это жест кокетства с моей стороны. Интересно, что подумал на этот счет мой загадочный собеседник. И не менее интересно, было ли это случайностью с моей стороны.

— А вы бы хотели встретить такого? — так и оставшись на одном колене, с моей перчаткой в руках, он поднял свои удивительные глаза на меня.

Мое сердце замерло на секунду, и... я от души рассмеялась. Да, пожалуй, мне нравится эта выставка, впервые я так много смеюсь на подобном скучном мероприятии. И, наверное, от того, что мужчина стал задавать вопросы и проявлять ко мне интерес, я перестала считать его снобом и даже нашла весьма привлекательным.

— Если бы я встретила такого, думаю, оказала бы ему большую любезность, воткнув кол в его бессмертную грудь.

— Откуда такая неприязнь к вампирам?

— Неприязнь? Что вы... просто недолюбливаю тех, кто пьет мою кровь...

— У вас так много недоброжелателей?

Я приняла из его рук перчатку, и наши ладони соприкоснулись. Касание продолжалось дольше, чем того требовали приличия, но наши ладони словно магнитом тянуло друг к другу. Подавив нахлынувшее желание расплыться в довольной улыбке, я задумалась над его вопросом.

По правде говоря, была у меня парочка недоброжелателей. Одна из них — официантка

из бара, в котором я работала до того, как устроилась в редакцию «время Мелфрид», она частенько делала мне гадости. Путала мои заказы, воровала чаевые, даже пару раз разливала «нечаянно» воду мне под ноги, когда я шла с подносом, полным еды и выпивки. Женская зависть — страшная вещь. А вторая, и это было действительно проблемой, Монтойя. Боевая и рвущаяся вперед карьеристка, которая работает на Кайла, как и я. Увы, познакомились мы гораздо раньше и при весьма плачевных обстоятельствах. Сама того не желая, я увела ее парня, который волочился за мной месяцами. Посылал мне цветы, названивал ночью, оставлял под дверью дома подарки. Тетушка даже опасалась за мою жизнь, но все обошлось, к счастью и он уехал из Мелфрида. Однако женщина осталась, работает со мной в одной редакции и что-то мне подсказывает, горит желанием отомстить.

— Думаю, что общество недоброжелательно настроенных ко мне людей куда лучше общества доброжелательно настроенного вампира, — я обошла стороной вопрос, а человек, казалось, заглянул мне в душу. Его взгляд был такой глубокий, такой сосредоточенный, казалось, он проник внутрь меня. Его глаза на мгновение стали черными, но вскоре к ним вернулась золотая каемка. Я списала это на игру света и свою усталость.

— Вы говорите так, будто всю жизнь общались с вампирами.

— Думаю, у каждого среди знакомых найдется парочка упырей, — я вновь отшутиться. Мне совсем не хотелось откровенничать на темы вроде этой.

— Признаться, не ожидал услышать в подобном кругу таких вольных высказываний, — кажется, мужчина одобрял мои слова.

— Простите, но строить хорошую мину при плохой игре я не умею. А все эти «О, прекрасно», «это восхитительно» не вызывают у меня ничего, кроме отчаяния за лицемерие нашего общества. Да и серия картин, которые мы с вами видим не более чем обман. Точнее, я надеюсь, что автор заблуждается, потому как если он намерено нас обманывает — это непростительно и я, узнав о подобном, разнесу его в пух и прах в своей статье, — под занавес — обворожительная улыбка.

— Так вы Леди Мередит? — мягко улыбнулся мужчина и, не отрывая взгляда от моих глаз, учтиво поцеловал мою руку. Наш обмен взглядами, как и касание до этого, продолжался дольше необходимого, но клянусь, мне бы хотелось утонуть в этих глазах, узнать секрет, который они так ревностно хранят за своим мягким спокойствием, искрящимся нежностью. Смущенно кашлянув, я произнесла:

— Предпочитаю, чтобы меня называли просто Катилина. А откуда вам известно мое имя?

— Кайл, ваш работодатель, заверял, что придет на мою выставку наиболее объективного работника, — у меня непроизвольно захватило дыхание, а щеки, казалось, мгновенно вспыхнули, как спички, ярким пламенем, не зная, куда деться от стыда, я растерянно пялилась на хозяина выставки, — Он сдержал свое обещание, — улыбнулся мужчина, и от сердца немного отлегло, — Позвольте представиться, Александр Рихард.

Да. Подписи под всеми картинами явно намекали, что передо мною автор полотен и хозяин выставки. Я слегка ошиблась на счет его внешности и принадлежности к готической субкультуре. Взяв себя в руки, я поняла, что просто высказала хозяину свое мнение, и не обязана лицемерить ему в глаза так же, как это делают другие. А если мужчину это не устраивает, то мне его искренне жаль.

— Так вам есть что сказать в ваше оправдание? — пытаюсь разрядить обстановку и убедиться, что все в порядке, спросила я.

Александр посмотрел на картину, и, глотнув шампанского, подарил мне насмешливый взгляд:

— По-моему ваш мир попросту лишен романтики, моя дорогая. Либо вы в чем-то обманулись. Мне кажется, что вы разочарованы в мужчинах и не верите, что ради женщины, ради ее любви, ради ее жизни, кто-то готов отдать свою. Наверняка вас окружают лишь те, кто видит в вашей неземной красоте исключительно объект похоти, — он поднес руку к моему лицу и, едва касаясь тыльной стороной ладони моей кожи, прочертил невидимую линию до подбородка. Его ладонь была приятно прохладной. Внизу живота защекотало, отчего, казалось, я в очередной раз покраснела. Этот жест не был похотливым и не вызывал рвотный рефлекс, как приставания других мужчин. Скорее, им он преподнес изысканный комплимент. — В этом нет ничего постыдного, потому что плотская любовь, жажда телесного удовлетворения неизменный спутник духовной любви и дань красоте, носителем которой вы являетесь. Желая вас, люди хотят прикоснуться к прекрасному, — его глаза вновь стали черными и бездонными, и на этот раз мне было сложно списать этот факт на свою усталость.

— А в чем, по-вашему, выражается духовная любовь?

— В приятной беседе. Порой она приносит не меньшее удовлетворение, чем с толком проведенная ночь.

Казалось, он хотел еще что-то сказать, но нас прервали. Александру сообщили, что подошло время произносить речь.

— Был очень рад нашему знакомству, — он вновь учтиво прикоснулся губами к моей ладони.

В момент прикосновения, меня словно поразило током, сознание выкинуло в какое-то неизвестное место, а перед глазами всплыли странные картины. Александр стоит на мраморной лестнице и произносит речь, подняв вверх бокал с шампанским. Отчего-то у меня внутри все заклокотало, и покрылось холодом. Вот ему все аплодируют, он делает глоток, еще раз поднимает бокал и падает, схватившись за горло, а из его рта сочится бардовая пена.

Я пришла в себя и, выдернув руку из его ладони, ошарашено уставилась на Александра. Не знаю, что только что со мной произошло, но могу поклясться, ничем хорошим это не обернется. Меня не покидало предчувствие надвигающейся беды.

— Все в порядке? — насторожился он. Не дождавшись ответа и не имея возможности остаться, мужчина кивнул головой в знак почтения и направился к лестнице, ведущей на второй этаж.

Не зная, что делать и думать, я решила держать мужчину в поле зрения. Не хотелось выглядеть ненормальной, хотя бы потому, что Нефрит был прав и в этом мужчине действительно что-то есть. Конечно, я поняла, что у меня было видение, и чуть позже мне придется это тщательным образом обдумать, но откуда знать, что я просто не схожу с ума после удара молнии? Может это галлюцинации, как та обнаженная женщина в моей комнате, что изменила мое мировосприятие? Или это то, о чем она говорила? «У Господа на счет тебя великие планы?». Может, я наделена даром? Как в тех сериалах, видеть беду и предотвращать ее? Впрочем, после молний с людьми часто случаются сверхъестественные вещи.

Наблюдая за ситуацией, я заметила, как помощник, что позвал Александра произнести торжественную речь, подал ему бокал шампанского. На всякий случай, я пробиралась сквозь

толпу, поближе к хозяину выставки, лихорадочно соображая, как поступить, что бы убить трех зайцев — не вызвать паники, не выглядеть идиоткой и возможно спасти жизнь милому парню. В конце концов, если я выбью из его рук бокал, меня попросту отсюда выпихают и, возможно, правильно сделают, а если этого не сделаю, он может умереть прямо у всех на глазах. Несомненно, это будет мне на руку, ведь «Время Мелфрид» может сделать статью на первой полосе и одними из первых красноречиво сообщить о происшедшем. Но ведь он может и не умереть. Столкновение двух интересов... я не хочу выглядеть глупо, но также не хочу, чтобы Александр погиб.

Пока я соображала, что сделать, речь Александра подошла к концу, он чуть приподнял бокал, со словами «выпьем за это» и стал подносить его к губам. Судорожно соображая и пытаясь перебороть соблазн пустить все на самотек, я крикнула:

— Стойте! — Александр остановился и, пока он и присутствующие не пришли в себя, я взбежала по лесенкам и впиалась губами в губы мужчины, сделав при этом так, чтобы бокал упал на пол и разбился. Поначалу поцелуй был чистым актом спасения, но я почувствовала, что мужчина мне отвечает, и что его язык нежно прикоснулся к моему, а руки обвили мою талию и осторожно пробежались по спине, прижав меня совсем вплотную к мужчине. Сердце затрепетало от неизвестных мне эмоций, а в коленях родилась предательская слабость. Мне хотелось, чтобы этот момент длился вечно... Но, сообразив, что я выполнила то, чего добивалась и совсем не собиралась в этот вечер заводить романы, а так же заметив активизировавшиеся вспышки фотоаппаратов, я отстранилась и, окинув взглядом зал, заметила, что люди с открытыми ртами и не пригубленным шампанским пялятся на нас. Усмехнувшись, я в полной тишине спокойно вышла из зала.

Очутившись на улице и вступив в лоно темноты и прохлады, я спустилась к небольшому водоему, расположенному в живописном саду у Октавианского дворца. Да, Катилина, натворила ты дел. Вот что называется, пусти козла в огород. С другой стороны, я всего-навсего поцеловала хозяина выставки, который, судя по реакции, был весьма не прочь. И бог ты мой, как он целуется... Как бы то ни было, у меня есть дела поважней...

— Катилина, — я вздрогнула от неожиданности. В абсолютной тишине сада был слышен даже взмах крыла бабочки, но как подошел мужчина, я не слышала.

— Ох, лучше не спрашивайте, — надевая перчатки, усмехнулась я, — вообще-то я не имею привычки целовать незнакомых мужчин у всех на виду, но это был исключительный случай. Правда.

— Шампанское было отравлено... — присаживаясь рядом со мной, промолвил он.

— Что? Так вы знали?

Он пристально смотрел на водоем и о чем-то размышлял. Его лоб стал морщинистым, а взгляд вновь затуманенным и черным.

— Благодаря тебе знал, — он взвешивал каждое слово, чтобы не сказать лишнего. Я поняла без особых трудностей, что он скрывает вещи куда более серьезные, чем причину, по которой знает об отравленном шампанском.

— Потому что я выбила из ваших рук бокал или потому что... — я осеклась. До конца сама не знаю, как назвать этот проблеск и почему у меня случилось подобное.

— У тебя в первый раз видения? — я не заметила, как он перешел со мной на ты, но не знала, могу ли сама переступить эту грань, чтобы не стать фамиллярной. Впрочем, я ему жизнь спасла, думаю, тут не до фамиллярностей.

— Я сама до конца не уверена, что это было. Как вспышка. Но откуда ты... — я

понимала, что лишние слова ни к чему. Так же, как понимала по выражению лица Александра, что ничего хорошего это не сулит нам обоим.

— Понимаешь... теперь тебя воспринимают как мою девушку... — казалось, он сменил тему разговора по непонятной мне причине.

— Думаю, это не самое страшное последствие сегодняшнего вечера. Все могло быть гораздо хуже, — ободряюще улыбнулась я, коснувшись его руки.

Вновь это жгучее чувство прострелило мое тело насквозь и отдалось болью во всех мышцах сразу. На этот раз оно сопровождалось сильнейшим головным спазмом, отчего я вскрикнула и согнулась, закрыв лицо руками. Такое чувство, что я смотрела глазами другого человека. Я видела нас, сидящих около водоема, только со спины. Александр обернулся, и, толкнув меня на землю, получил в грудь пару пуль, которые тут же задымились, прожигая плоть человека и заставляя ее плавиться, как от серной кислоты. Запах горячей плоти вызвал непреодолимый приступ тошноты, и меня вырвало на лакированные ботинки Александра. Боже мой. Вырвало наяву... неловко-то как.

Спазм и видение прошли, а я в панике обернулась по сторонам. Времени на извинения не было, а мужчина, что делало ему честь, не подал вида, лишь ободряюще сжал мою руку.

— Нужно убираться, — взволнованно констатировала я, озираясь по сторонам и стараясь не обращать внимания на пристальный и сосредоточенный взгляд Александра.

— Тс-с-с, — он накрыл мои губы ладонью, и стал вслушиваться в темноту. Показав, чтобы я спряталась за лавочкой, мой спутник взволнованно оборачивался на шорохи, вероятно слышимые ему одному. Стараясь не убить в хлам платье, я присела на корточки, аккуратно подобрав подол и поглядывая по сторонам. Шпильки в этой ситуации далеко не самая удобная обувь, но спасение бегством в мои планы не входило.

Мужчина встал и обеспокоенно вглядывался в темноту, но он явно не понимал, откуда идет источник звука, потому что резко оборачивался в разные стороны. На мгновение он замер и резко пригнулся. Пуля просвистела как раз у него над головой, и он определил, откуда исходит источник опасности. Но вдруг прозвучал еще один выстрел, с другой стороны и пуля, слегка задев рукав пиджака, просвистела в опасной близости. Мужчина явно был сбит с толку и, схватив меня под руку, в мгновение ока перенес нас за ближайшую живую стену из кустарника. Здесь начинался вход в знаменитый Октавианский лабиринт, созданный из плотного кустарника, высотой в два с лишним метра. В этот момент я осознала, что Александр не человек. Мой мир разбился...

Люблю наблюдать за тем, как Валентин спит. Он очень рано ложится, потому что зачастую уходит на всю ночь по этим своим «важным делам». А возвращается с рассветом, израненный, встрепанный и в запале. Много изменилось с тех пор, как я узнала, что вот уже 50 лет Валентин не человек. И что почти все 50 лет он ведет войну с вампирами, потому что они убили его семью. Сознание того, что существует, помимо нашего, нормального мира, еще один, мир в котором мне все настолько чуждо и непонятно, не могли оставить меня в покое. Я очень болезненно переживала эту новость. Когда Валентин поведал о ней, первые несколько дней я не могла с ним общаться и смотреть на него. Теперь же, примирившись, я каждую ночь провожу в страхе за жизнь своего любимого, молю Бога, чтобы он вернулся живым, а те немногочисленные ночи, когда мы проводим вместе, я стараюсь провести так, будто это последняя наша встреча.

Отчасти, я даже завидую ему, что он может позволить себе беззаботно валяться пол дня

в кровати, не заботясь о том, что нужно сдать все проекты в срок. Признаться, я жутко измоталась за эти месяцы. Работать по 20 часов в сутки без выходных и праздников, с часовым перерывом на обед это тяжкий труд. Горько улыбнувшись, я принялась дальше читать договор.

— Родная, ты слишком много работаешь, — сладко потянувшись, как ребенок, заметил Валентин.

— Мм, предлагаешь бросить ее к чертовой матери и пойти просить милостыню? — улыбнулась я, подчеркивая положение, вызывавшее у меня подозрение, — не понимаю, кто вообще составлял этот бестолковый договор?

— Ты же прекрасно знаешь, что с моими доходами ты можешь позволить себе не работать, — он сел на край кровати и пристально смотрел на меня.

— Конечно. А в одну из ночей, когда я узнаю, что тебя убили, то останусь и без любимого, и без работы, и без опыта, и без средств к существованию. Знаешь — отличный план! — я гневно швырнула договор в сторону, отчего он разлетелся на 40 исчерканных листов по комнате, — а еще лучше, я буду жить в постоянном страхе, что они придут и за мной, а я не в силах буду что-то с этим сделать! Ведь я человек! Валентин!!! Ты понимаешь это? Я просто смертный. Я девушка, которая боится за свою жизнь!

— Любимая, я прекрасно понимаю, — он был нежным и искренним. С любовью сжимал мои руки в своих и целовал щеки, по которым текли горячие слезы.

— Тем не менее, сегодня ты опять уйдешь?

Он молчал, но понимал, что было бы нечестно обманывать.

— Да. Ты же знаешь, я должен отомстить.

— Опять эта месть!!! У меня складывается ощущение, что это единственное, что поддерживает в тебе жизнь. Ты живешь не ради любви, а ради ненависти! К чему это приведет? Разве за свои 50 лет ты недостаточно отомстил? Что тебе нужно? Когда ты уже, наконец, насытишься, и что мне делать? Мне нет места в твоей борьбе... в твоей жизни, которая кишит одной лишь ненавистью... я хочу спокойствия... любви, понимания и своего любимого, который каждую ночь спит со мной в обнимку в постели...

Я видела, что он прекрасно понимал мои чувства, и они разрывали его сердце, отчего мне становилось в десятки раз больнее. Я понимала, что мне никогда не пережить, если однажды утром он не вернется. Не в силах сдерживать слезы, я зарыдала, закрыв лицо руками. Он крепко прижал меня к себе, так крепко, что я чувствовала, как бьется в его теплой груди большое сердце. Поцеловав меня в макушку, он ушел, а внутри все съежилось от такого ледяного холода, что я едва не умерла.

Пару минут я сидела молча, слушая биение своего сердца и тиканье настенных часов в соседней комнате. Пустота, которая царила в этой квартире, переселилась в мою душу. Уже неделю я не могла спокойно жить. Почему любовь неизменно несет с собой столько страданий? Почему когда ты один — тебе плохо, а когда вас двое, то становится в два раза хуже? Становится в десятки раз больше проблем, вопросов, мучений, противоречивых чувств и подозрений, которые не дают жить спокойно и умиротворенно. Как же все осточертело. Если бы Катилина была в этот момент рядом... Мне так не хватало плеча подруги. Но я не могла свалить на нее весь этот груз информации. Она не обязана знать все зло, что творится на земле. Если я в силах убереечь ее от этого тягостного знания и оставить жить в мире, в котором самое худшее — это эгоизм и зависть, то я так и сделаю.

Немного придя в себя, я заметила на прикроватной тумбочке лист бумаги, свернутый

вдвое. Мое сердце заняло еще сильнее, чем прежде, а к глазам подкатили слезы. Записка на прикроватной тумбочке после такого разговора... вряд ли в ней может быть что-то хорошее. Промелькнула даже мысль, что это прощальное письмо Валентина. Я кинулась к столику и, зажав в руках листок, не решалась его открыть и прочесть. Наконец, пройдя на кухню и выпив таблетку, я немного успокоилась и расслабилась. Ну вот, все отлично.

Письмо оказалось инструкцией на тот случай, если однажды утром Валентин не вернется. Бумага была исписана мелким почерком с обеих сторон. Мужчина рассказал то, что знал о вампирах, и как я могла уберечь себя от них. Как я могла распознать вампира и что делать при встрече с одним из имподобных. Мы часто беседовали об этом, и мне довелось знать гораздо больше, чем известно любому исследователю мира сверхов, но это было руководство, где собрана самая ценная информация. Едва сдержавшись, чтобы вновь не зарыдать, я свернула лист бумаги и убрала его в кухонный стол, спрятав под поддоном с серебряными ножами.

В этот момент раздался стук в дверь и, не веря себе от радости, я полетела в прихожую.

— Валентин!!!

На пороге стоял мужчина, аккуратно причесанный, плотного телосложения, высокий, в красивом бежевом костюме в зеленоватую полоску и с коричневым шарфом на шее.

— Значит, вашего возлюбленного дома нет, — галантно заключил он, окинув меня с ног до головы. Зареванную, растрепанную, в небрежно застегнутом на голое тело коротком халате. Я рефлекторно прикрыла себя руками, закрывшись, и нахмурилась, пытаюсь понять, кто передо мной.

— Я не приглашаю вас в дом!

— Мне этого и не требуется, — улыбнулся он, медленно и демонстративно перешагивая через порог.

Валентин рассказал, как вести себя с вампирами, однако, он и словом не обмолвился о людях...

— Вы...

— Расслабьтесь. Я не причиню вреда, — он снял шарф, тщательно вытер ноги о постеленный в коридоре коврик и прошел на кухню, — не предложите гостю чашечку чая?

— Да, конечно, — спохватилась я, закрывая дверь и проходя на кухню. Не знаю почему, но мне не было страшно. Было лишь любопытно, что этот элегантный и вполне воспитанный мужчина делает в столь поздний час у меня дома?

— Вероятно, вам интересно, что я делаю на вашей кухне?

— Да вы просто читаете мысли, — согласилась я, наливая мужчине чашечку ароматного черного чая, — вам с сахаром?

— Не откажусь. Я вас просвещу, — он отпил чай и остался доволен его качеством, — Валентин попал не в лучшую ситуацию, — мое сердце екнуло, и я замерла на табуретке, зажав в руках полотенце. — Скажу откровенно, ему грозит немалая опасность, и я буду первым, кто позаботится о том, что бы убрать его с дороги. Отличное варенье! Абрикос с цедрой апельсина?

Я ужаснулась, как этот мужчина может быть настолько вежливым и галантным, высказывая мне подобное о моем парне.

— Не отвечайте. Знаю, что прав. Это божественное варенье! Так вот. Я пришел, чтобы настоятельно рекомендовать вам поговорить с Валентином и убедить его покончить с его никчемной мстью. Он нанес непоправимый урон вампирскому сообществу и должен

успокоиться. Было бы мудро с вашей стороны, если бы вы не только убедили его остановиться, но и переехали вместе с ним обратно в Мелфрид или куда-нибудь подальше. Мы бы сочли это разумным решением и оставили вашего друга и вас в покое. И вы бы наслаждались нормальной жизнью, не опасаясь, что в любой момент к вам в дом могут ворваться. К слову, на сегодняшний день вам следует этого опасаться.

— Извините, но я вынуждена вас просить покинуть этот дом.

— Понимаю, — согласился он, улыбнувшись. — Но советую вам хорошо подумать над довольно щедрым предложением. Если в течение 48 часов вы не покинете город, мы не можем ручаться за вашу жизнь. Вы мне нравитесь, поэтому я даю вам шанс. Другим, увы, повезло меньше. Доброй ночи, Лина Ниаполис.

— Кто ты? — он крепко взял меня за плечи и посмотрел мне в глаза. Снова появилось уже знакомое ощущение... как тогда, когда меня сбила машина, и незнакомый пижон спросил — кто я такая. Пропало все, чувство опасности, адреналин пришел в норму, ощущалась отеческая забота, и существовали лишь черные глаза мужчины, стоящего напротив.

— Катилина Астрид Мередит, — отчеканила я.

— Ты человек?

— Да...

Он отвернулся и начал вновь озираться. Придя в себя, я абсолютно точно поняла, кто он такой, но как ни странно, не испытала никакого страха. Лишь живой интерес. Как так получилось, что когда я хотела проститься с жизнью, у меня это не получалось, но как только я приняла ее с распростертыми объятиями, ко мне явилась сама смерть и предложила отстоять мое право на жизнь любым известным мне способом. Доказать, что я достойна топтать эту землю.

— Разве вампира можно отравить? — я оторвала уверенный взгляд от созерцания травы и взглянула на него.

Окинув меня с ног до головы и однобоко ухмыльнувшись, он отвернулся и ответил:

— Отравить нет, но вот сделать беспомощным запросто...

Мы несколько минут постояли в полной тишине. Все-таки я зря рассчитывала на теплую погоду, ранняя весна давала о себе знать и я начинала замерзать. Обхватив руками плечи, видимо, я дала яркий знак Александру. Он заботливо снял пиджак и накинул его на мои плечи. Прижав меня к своей груди и согревая, мужчина чего-то ждал.

— Мы долго будем здесь стоять?

— Охотник не успокоится, пока не выполнит свое задание, — задумчиво обозначил вампир. — Ты не должна была оказаться здесь, черт побери.

— Успокойся.

Мои слова ошарашили вампира, и он молниеносно прижал меня спиной к плотной стене кустарника и властно посмотрел на меня. Ничуть не смутившись, я приподняла левую бровь, всем видом показывая, что это лучшее, что мы можем сейчас сделать — не паниковать. Нас загнали в ловушку, но во всяком разе здесь, в лабиринте, мы не такая легкая мишень, как на открытом пространстве. У нас всего два узких прохода слева и прямо перед нами, так что мы сразу заметим, если кто-то решит нас проведать. Однако, узкие проходы не оставляли места для маневров. В эти минуты я была рада детству, проведенному в детдоме, потому что там я частенько вляпывалась в неприятности и к сегодняшнему дню научилась с

достоинством из них выбираться. Думаю, сейчас это умение пригодится мне как никогда.

Я пихнула Александра в бок, привлекая его внимание. Я понимала, что если нас преследует вампир, то он должно быть, прекрасно все слышит. А значит в этом наше небольшое преимущество. Показав на зубы, я жестом спросила — вампир ли преследует нас. Замешкавшись на секунду, мужчина кивнул. Я продолжила, указав на уши. Слышит ли он нас...

— Да, я уверен, что он нас слышит.

Я сперва разозлилась на мужчину, что он произнес это вслух и разбил весь мой какой-никакой план, но поняла, что тот не открывал рта. Как кстати оказались эти телепатические способности вампиров! Правда, как быть уверенной, что этот сигнал не перехватил охотник? Стоп, кажется, я уже перемудрила, начитавшись детективов.

— Куда мы пойдём, когда выберемся отсюда? Ко мне нельзя, там не безопасно... к тебе тем более, он наверняка знает твоё убежище.

Активно намекая вампиру, чтобы тот прочитал мои мысли, и, будучи полностью уверена, что он умеет это делать, я подумала — «назови место, которое хорошо тебе знакомо и в котором нет людей».

Поняв мой намек, вампир произнес, как можно более естественно:

— У меня есть дневное убежище. Оно на берегу Мелсуотен-брейг, бывшее здание дока. Там уже давно никто не живёт и не работает, оно заброшено и прекрасно подходит для таких случаев. Думаю, там нас никто не найдёт. Отсидимся пару дней и взвесим все, что происходит.

Александр достал телефон и набрал чей-то номер.

— Запускайте фейерверк... Да, я прекрасно знаю. Планы поменялись. Да.

Отличная идея. Когда станут пускать фейерверк, наплывёт толпа народа и охотник не сможет стрелять на виду у всех. По крайней мере, если Александр в этом уверен, то так оно и должно быть.

Через несколько минут послышались людские голоса, которые приближались к нам. Лабиринт находился неподалеку от дворца и, благодаря скорости вампира, мы успешно смешались с толпой. Озираясь по сторонам, и прислушиваясь к ощущениям, он произнес:

— Пошли, нам нужно отсюда уходить.

— Только не на твоей машине, — возразила я, поняв, что он ведёт меня не в ту сторону. Он выразил согласие, последовав за мной.

Только когда мы оказались в машине, и я вдавила педаль газа в пол, смогла почувствовать себя в относительной безопасности и начать шевелить мозгами. Да, Катилина, ты как обычно вляпалась. Точнее нет, в этот раз ты вляпалась достаточно необычно. Обычно — это сесть в лужу, а вот попасть в почетный список претендентов на свидание с Господом — это что-то неестественное и из ряда вон выходящее. И к тому же, рядом со мной в машине сидит говорящее плотоядное животное. Ну не могу я воспринимать мертвого мужчину, питающегося людьми — человеком. Он не человек, он животное, просто животное, которое умеет говорить и иногда оставлять свой обед живым. Если бы было иначе, то люди бы заметили огромное количество трупов, сомневаюсь, что Александр и охотник — два таких расчудесных вампира на всем белом свете, что их трапез бы никто не замечал.

— Не думай обо мне так.

— А ты не смей читать мои мысли! — скорость, чтобы успеть догнать своих жертв,

сила, чтобы преодолеть их сопротивление, обостренные чувства: зрение, слух, обоняние, чтобы увидеть, услышать и учуять свою жертву. Человеку нет нужды во всем этом, поскольку нет нужды добывать себе пищу убийством. Боже... он же монстр. И он сейчас в моей машине!

— Не нужно быть телепатом, чтобы понять, о чем ты думаешь, — безмятежно заметил он, глядя перед собой.

— Впрочем, твоя способность здорово помогла в лабиринте. Я уверена, что твой охотник зайвится туда. Мы сможем подготовиться к его приходу и узнать, кто это был.

Вампир едва улыбнулся, самыми уголками губ.

— Будто ты всю жизнь этим занималась.

— Ну, у меня было трудное детство, — усмехнулась я, понимая, что детские драки с парнями и девчонками за право быть человеком ничто по сравнению с дракой с вампиром. С другой стороны, и у меня в запасе есть кое-что. Я могу видеть будущее. Пока не знаю, как это работает, но уверена, что смогу во всем разобраться. Сперва это меня напугало, во второй раз сделало больно, но с другой стороны, если эта непонятная сторона моей жизни помогает эту самую жизнь сохранить, то я готова с этим мириться и даже быть благодарной.

— Катилина, я молчал.

— Что? — не совсем понимая смысл слов вампира, переспросила я.

— Ты ответила на мои мысли, — уверенно и настойчиво повторил он.

— Но... стоп! Я думала, что это благодаря тебе, что ты...

— Я не телепат.

— Нет? — разочарованно протянула я.

Вампир опешил. Мне казалось, что вампир не может опешить. После трех сотен лет проведенных в обществе людей. Чему еще здесь можно удивляться, ведь все мы одинаковы и наши реакции в большинстве случаев одинаковы, за небольшими вариациями, но уж их-то он мог достаточно изучить, чтобы понять, как мы мыслим.

— Катилина, ты понимаешь, что сейчас происходит? Я — вампир! — прогромыхал он изменившимся голосом. Его глаза налились тьмой, как тогда, в галерее. Мне это сразу показалось подозрительным. Он обнажил клыки, пытаясь продемонстрировать мне свою мощь, либо произвести на меня впечатление. Но того и не требовалось. Я была в ясном уме и твердой памяти, чтобы оценивать происходящее вполне адекватно, — ты стала телепатом и ясновидящей в один момент! И единственная твоя реакция — это разочарование оттого, что я не оправдал твои ожидания?

— А у меня есть другие варианты? Если тебе станет легче, я могу притвориться слегка обалдевшей, но черт подери, если ты думаешь, что ты — это единственное непонятное происшествие в моей жизни, то ты просто..., — я на секунду осеклась, вспомнив, что передо мной вампир и, говоря то, что хочу сказать, могу нарваться на непредсказуемую реакцию. С другой стороны, я два раза заглянула в лицо смерти, так что теперь, можно сказать, мы с ней свои и зачем жить, если не делать то, чего хочешь, и не бояться неизвестного? Раз он все еще здесь, а я все еще жива, значит, я ему зачем-то нужна, хотя бы даже из интереса кто я такая. Тем не менее, я отказалась от прежнего слова и протянула, — просто ограничен!

— Признаться, за свои триста лет я повидал немало..., но чтобы люди так реагировали на мое существование.

— Знаешь, армия писателей, сценаристов, режиссеров, актеров и создателей спецэффектов достаточно потрудились для того, чтобы подготовить мир к вашему появлению и я

до сих пор недоумеваю, почему вы не заявили о своем существовании. Если вы такие всемогущие, то где оно прячется — ваше могущество?

— То, что ты о нас не знала, не означает, что не знал никто...

Прикинув в голове все возможные варианты значения данной фразы, я удовлетворилась и попыталась расслабиться, глядя на дорогу.

— Что ты умеешь?

— Катилина, ты мне очень приятна, но есть грани, которые лучше не переступать.

— Я хочу жить. А для того, чтобы жить, я должна знать, какими ресурсами мы располагаем и как мы можем этого охотника заманить в ловушку. Впрочем, скажи хотя бы, кто такой охотник и почему он тебя преследует?

Александр, поджав губы, несильно ударил кулаком по своей коленке. Я поняла, что его заводит вся эта ситуация. Он — трехсотлетний вампир, умудренный жизненным опытом, боями, и таким количеством опасных ситуаций, какое мне даже не снилось, но здесь главенствующую роль взяла на себя какая-то 22-летняя девчонка, и всего-навсего человек. Даже не какой-нибудь сверж, типа оборотня, или не знаю, призрака, а просто человек, чья жизнь находится в полной его власти, чью жизнь он может прервать одним лишь касанием.

— Заметь, я не вогнала кол тебе в грудь, так что было бы справедливо, если бы ты не думал о моей шее, как о сочном стейке..., — смущенно и немного поумерив боевой пыл, протянула я. Мой собеседник был не особо разговорчив за все время нашего недолгого знакомства. Тем не менее, вся его наружность говорила о его образованности, воспитанности, сдержанности, потому он не вызывал у меня страха и опасения за свою жизнь. Я не видела, как он совершает жестокие вещи, но это не означает, что он на них не способен...

— Кто ты? — сквозь зубы процедил он, пытаясь совладать с собой.

— Александр, если бы я как-то могла помочь тебе обрести вновь контроль над ситуацией...

Вампир взревел, выпустил зубы и стал впервые настолько зловещим, что у меня сердце, екнув, замерло на пару мгновений. Я резко затормозила, чтобы мы не разбились. Воздух вокруг сгустился, его плотные щупальца будто обхватили меня за шею, и не давали нормально дышать. Сжавшись в комок, я смотрела на вампира, сидящего рядом со мной и в тайне, в глубине души надеялась, что он будет удовлетворен зрелищем и ублажит свое эго. Все-таки, я понимала как ему, должно быть неприятно... и я слышала его мысли, хотя сама этого не желала. Медленно оцепенение спало, но вампир не сбросил свою личину, обхватив ладонью мою шею, он заглянул мне в глаза.

Я судорожно сглотнула, почувствовав и убедившись, как тонка грань между жизнью и смертью. Когда, неделю назад я пыталась покончить с собой, то не осознавала, насколько хрупко это состояние, как короток этот миг... вампир же сделал его невыносимо долгим, сдавив мою шею ровно настолько, чтобы я могла почувствовать, как взбухла сонная артерия и как отчаянно кровь колотит в ушах.

— Больше всего на свете мне сейчас хочется раздеть тебя, разодрать плотку и пить твою кровь, занимаясь с тобой необузданным сексом, пока я не выпью все, до последней капли... — прошипел он зловеще. Это был не тот Александр, с которым я мило беседовала в галерее и тем более не тот, которому я спасла своим поцелуем жизнь.

Это та откровенность, о которой я предпочитала не знать, более того, эта откровенность ставила под сомнение возможность моего дальнейшего существования. Как-то я

действительно недооценила всей его силы и мощи. Похоже, он вновь прочел эмоции по моему лицу и отпустил меня также неожиданно, как и напал.

Рефлекторно закашлявшись, я потерла свою шею, которую еще миг назад сжимала властная рука вампира.

— Не бойся. Я не причиню тебе вреда. Просто мне не дает покоя мысль, что я не знаю, не понимаю кто ты.

— Меня просто молния ударила... — неуверенно, после некоторой паузы вступила я. — И после этого случилось то, что случилось.... я читала, такое бывает.

— Я не о том. Люди, которые видят будущее и читают мысли, встречались мне и прежде, — он оторвал от меня зачарованный взгляд и его глаза вновь стали карими с золотистой каймой.

— Что тогда? — мне все еще было не по себе от его признания.

— Твоя аура. Я чувствую существ намного острее, чем другие вампиры и тем более люди. В тебе есть что-то, с чем я раньше никогда не сталкивался. Что-то, что вызывает при взгляде на тебя единственное желание — животную страсть.

Да уж, это бы многое объяснило. Например, то изнасилование незнакомым человеком, и все приставания, то, как некоторые люди сходили от меня с ума, что им даже приходилось переезжать, как другу Монтойи... только что бы это могло быть? Теперь мне больше, чем вампиру хотелось выяснить, что за тварь сидит во мне, из-за которой вся жизнь шла псу под хвост. Если бы во мне сидел демон, или как его называют некоторые экстрасенсы, «сущность», это бы существенно облегчило задачу. Любая старушка в ближайшей деревеньке пошептала бы, покряхтела бы и все — свободен, бес. И жизнь бы стала совершенно иной...

— У тебя есть при себе серебро? — нарушил тишину вампир.

— Да, у меня серебряный крестик.

Вампир посмотрел на крест, висящий у меня на шее на тоненькой ниточке.

— Сойдет. Если вдруг я не смогу себя контролировать, приложи ко мне серебро. А теперь заводи машину и на первом повороте поверни налево.

— Но док же находится...

— Первый поворот налево, — спокойно повторил вампир.

Я послушно завела машину, переваривая услышанное и увиденное. С одной стороны, передо мной в одночасье открылся совершенно новый, огромный мир. Безумно большой и пугающий. В нем столько интересного, столько неизведанного. С другой стороны, я не знала своего статуса в этом мире и это сумасшедше пугало. Былая уверенность в своем превосходстве и своем крепком положении исчезла без следа. Здесь я не Леди Мередит, находящаяся под протекторатом своей авторитетной тетушки, здесь я просто Кати. И, чувствую, что мне еще предстоит отстаивать свое право жить со знаниями, которые я получила. То, что я никогда не любила вампиров, а теперь не люблю их еще больше, существенно осложнит мне задачу, особенно, если кто-то из них все же телепат...

— Охотник — вампир. Почти уверен. И если так, то он кем-то нанят и за огромные деньги. Слишком многим рискует. Если его вычислят, он будет умолять о рассвете.

— Рассвет убивает? — поинтересовалась я.

— Катилина, я не имею права раскрывать тебе тайны, которые охранялись веками только потому, что это залог существования нашего вида.

— А ты не считаешь, что после того, как втянул меня в это, я имею право кое-что знать. Если на меня нападет вампир, как я смогу убить его, помимо серебряной пули?

Александр вздохнул, чувствуя, что может горько пожалеть о своих словах. Впрочем, он мог уже ничего не говорить, я прочитала его мысли и поняла, что:

— Серебро и рассвет нас не убивают. Мы же не из снега, что бы солнечный свет нас растопил. Это делает нас слабыми, очень слабыми. И лишает наших... специфических особенностей. Я не могу рассказать тебе больше, извини.

Мне достаточно того, чтобы ты подумал о чем-то, — улыбнулась я и, по-моему, вампир прекрасно это понял, потому как поток его мыслей сузился, пока окончательно не прекратился. Либо вампир каким-то образом от меня закрылся, либо годы существования имеют свои преимущества, и вампир научился ни о чем не думать. Интересно, могла бы и я также? Нет, думаю, дольше пяти секунд я бы и про себя молчать не смогла.

— Надеюсь, ты понимаешь, что после того, как получила эти знания на тебе лежит огромная ответственность и твое положение в мире сверхов очень шатко?

— Я поняла это с той минуты, как узнала, что ты вампир... скажи хотя бы, куда мы едем.

— К смотрителю этого округа. Он должен знать о тебе и об охотнике. Именно он и решит, как поступить дальше.

— А ты сам не можешь решить за себя? — недоумевала я.

— Катилина, если тебе сохранят жизнь, то придется узнать и понять слишком много вещей, которые могут показаться тебе не логичными, но ты не должна забывать единственное, что мы не люди.

— Стоп, стоп, стоп! Если мне сохранят жизнь? Если? Это вообще как? — я остановила машину и наотрез отказалась продолжить движение без объяснений.

— Помни, что мы вампиры.

— Да если я даже захочу об этом забыть — не выйдет! Я ни на секунду не забываю, что рядом со мной мертвец, который желает разодрать мне глотку. Ты достаточно ясно обнаружил свои намерения и с каждым моментом я все больше понимаю, почему недолюбливаю вампиров.

— Когда мы доберемся до Форт-Окриджа, ты должна выкинуть из головы подобные мысли настолько далеко, чтобы никто даже не догадался об их существовании в этой маленькой человеческой головке. Марк не так любезен, как я и не станет сюсюкаться с человеком. Самый простой выход — убить тебя. Однако, учитывая, что ты обременена некоторыми... способностями.... Он может счесть их полезными округу и тебе придется работать на него. А теперь заводи машину и продолжай движение. Мне бы не хотелось тебя заставлять.

Я послушалась. Но тоже мне перспектива. Либо умереть, либо работать на них. Овечка работает на волка... кем работать-то? Завтраком или обедом? Потому как ужин я планирую проводить рядом со своей тетушкой и милой сестрицей. Вот именно сейчас, в эту минуту она показалась мне едва ли не ангельским созданием.

Ума не приложу, как могут помочь мои способности вампирам. Я ведь даже понятия не имею, как работают благоприобретенные новшества. Они появляются настолько стихийно, что выбивают почву из-под ног.

Александр поведал, что смотритель округа влиятельный старый вампир, отчего мое воображение нарисовало одного из местных монахов церкви святого Саввы — чуть сгорбленного старикашку с опавшей кожей, артритными костяшками на руках и лохматой седой бородой. На его счету ни одна человеческая смерть и ему ничто не стоит лишить меня

жизни. На счету зрителя, разумеется, а не монаха из нашей церкви, тот и мухи не обидит. Правда, на счету последнего тоже не одна человеческая жизнь. Отпетая. В общем, при входе в клуб я должна быть тише воды, ниже травы, не говорить ничего, особенно если мне не зададут вопросов. А по возможности еще не думать и не дышать.

— Будет лучше всего, если тебя сочтут моей добычей.

— Ну, это не так уж далеко от правды, учитывая, что ты хищник, а я всего лишь говорящий кусок мяса...

— Откуда у тебя такое предубеждение к вампирам? Мы давно поняли, что нам придется сосуществовать с людьми, поскольку вы — залог продолжения и существования нашего рода. Вы — важная часть эволюции, потому нам выгодно оставаться с вами в мире.

— Как же все прозаично. Еще скажи, что ты отказался от человеческой крови и бегаешь по ночам в лесу в поисках животных...

— Ты удивишься. Многие девушки с радостью делятся со мной кровью... а потом забывают об этом.

— В постели, полагаю? — не услышав ответа, я поняла, что думаю в правильном направлении. Впрочем, я с ними солидарна. Освежив в памяти поцелуй с Александром в галерее, я в этом еще раз убедилась. У меня даже мурашки по коже пробежали в тот момент, а разум захватило такое безумство, такое наслаждение, которое я не испытывала еще никогда в жизни. Смерть очень возбуждает. У меня участилось сердцебиение, и Александр едва различимо улыбнулся, заметив это.

Подъезжая к Форт-Окриджу, я глянула на часы. Дорога занимает около 4 часов езды, однако мы домчались с такой скоростью, что я сама себе не поверила. Было всего лишь около часа ночи, а значит, до рассвета оставалась такая прорва времени, что мне не скоро удастся освободиться и нанести необычный визит ничего не подозревающей Лине.

Александр так же рассказал, что Марк владеет значительными богатствами и ресурсами. У него своя сеть ночных клубов для сверхов, казино, магазинов и даже притонов. Он активно сотрудничает со всеми представителями рода нечеловеческого, о коих мне знать не особо хотелось, поскольку этот мир лучше познавать постепенно. И пусть лучше я умру, не познав его до конца, чем мое сердце разорвется от полученной информации.

— По ходу, этот Марк не очень-то приятный тип..., — заключила я.

— Честно говоря, — да, судя по фразе, вампир собирается соврать, либо серьезным образом недоговорить, — если бы была возможность решить дело, не прибегая к его помощи... хотя бы малая возможность, я бы именно так и поступил, но узнай об этом зритель или старейшины... Бар здесь, за углом.

Припарковав машину, я глубоко вдохнула, пытаюсь не волноваться, что я иду в клуб, наполненный сверхами, при чем, не зная, как они отреагируют на меня и, не зная, как поведут себя Александр и Марк. Только сейчас до меня дошло, что я вообще ничего об этом мире не знаю. Если доберусь до дома живой, первым делом залезу в интернет, если там есть хоть малая доля правды, я ее найду.

Вампир, включив всю свою учтивость, открыл передо мной дверь и помог мне элегантно выбраться из машины. Как-никак, я была девушкой, довольно красивой девушкой, к тому же в наряде, который определенным образом ограничивает активность. Взяв меня под руку и еще раз напомнив, что я должна молчать и держаться около него, мужчина повел меня на растерзание.

«Сверх», — прочитала я. Мда, капитан очевидность не дремлет...

— Ваш пропуск, пожалуйста, — на фейс контроле в клуб стояла обворожительная вампирка с забранными в тугий хвост прямыми каштановыми волосами. Ее костюм из черного латекса с железом убил все мои надежды на то, что Марк окажется хоть мало-мальски вменяемым и чутким вампиром. По ходу, дела действительно плохи.

Александр оскалился, показав свою сущность. Лорали, как я успела прочитать в ее мыслях, довольно улыбнулась, но внезапно принялась к легкому дуновению ветерка и, отодвинув рукой Александра, плотоядно взглянула на меня.

— Мммм... закуска, — женщина выставила клыки, а ее глаза подернулись черной пеленой. Да, с человеком не спутаешь такую моську...

— На твоём месте я бы не спешила, — предупредила я женщину. — Иначе Марк может узнать кое-что неожиданное о тебе.

Лорали даже открыла клыкастый рот от удивления и, раздувая от гнева ноздри, поглядывала то на меня, то на Александра.

— Кого ты приволок сюда, Рихард?

— Она телепатка, — констатировал вампир.

— Но телепаты не могут читать мысли сверхов!

— Видимо, я неправильный телепат или телепат наоборот, — взяв Александра под руку, а фразу Лорали на заметку, я расставила все точки над *i*, и, кажется, прошла фейс-контроль в клуб.

Только мне показалось, что я начинаю овладевать навыком телепатии и контролировать его, как на мою голову обрушился такой поток мыслей, присутствующих в зале, что меня скрючило от безудержной головной боли. Такой поток информации, такой поток картинок, грязных, ужасающих, жестоких — секс, убийства, кровь, голод, казалось весь мир сверхов, как я того и опасалась, накинута на меня в одно мгновение, пытаюсь разодрать в клочья.

Вампир, почувствовав это, сжал крепче мою руку и посоветовал расслабиться, попробовать взять себя и свой дар под контроль. Несколько минут от боли я не могла двигаться, сползая вдоль стены на пол, и закрыв уши ладонями, будто это могло как-то помочь навести тишину в моей голове. Совладав с дыханием, я медленно представляла место, в котором мне тихо, спокойно и уютно. Где я чувствую себя в безопасности. Как ни странно, но это было наше поместье в Мелфриде, где живет тетушка и моя выскочка сестрица. И вдруг все эти голоса стали исчезать, один за другим, пока не исчезли окончательно. Я подняла голову, настороженно оглядываясь по сторонам. Только музыка, звук посуды и болтающих сверхов.

Впрочем, клуб был больше похож на сборище сатанистов. Большинство были одеты в черное, в кожу или латекс, остальные предпочитали такие же депрессивные расцветки, обнаруживающие их принадлежность к миру сверхов, хотя зачем подчеркивать это черным цветом мне невдомек. Толпа неистово прыгала, в такт музыке, меня поразило, как тонко они ее чувствуют, как вампирки гоу-гоу двигаются и извиваются под звучащие ритмы, как толпа, превратившись в одно целое, повинуетя какому-то массовому психозу, словно зомби. Они все выглядели такими свободными и такими могущественными, хотя, по сути, уверена, добрая половина из них не сильнее и не могущественнее меня. Все-таки за спиной 15 лет подготовки в детском приюте.

— Ты в порядке? — то ли произнес, то ли подумал Александр. В таком шуме я не разобрала, но обезличенно кивнув, зная, как раздражает его моя способность, я поднялась и отряхнулась. Тут же взгляды ближайших сверхов устремились на меня. Зал мгновенно застыл

и впился сотней голодных, жаждущих разврата глаз в мою скромную персону. Отчего-то мне это не понравилось.

— Ой, — настороженно протянул вампир.

— Ой? — со злостью переспросила я, не в шутку струхнув за свою жизнь и даже не имея ни малейшего желания прочесть мысли стоящих передо мной сверхов. Они все читались, словно были написаны черным по белому на листе бумаги. Я читала эти выражения точно так же, как читает меня Александр. В них одна мысль — желание. Черт подери, кто во мне сидит? Купидон, который стреляет в каждого, кто на меня взглянет, или шеф-повар, который обильно посыпает меня петрушкой в момент, когда я с кем-то знакомлюсь?

Я прекрасно понимала, что еще мгновение, и эту толпу уже никто не остановит. Она обрушится на меня, как тонны воды обрушиваются волной на маленький кораблик и переворачивают его, увлекая за собой в бурлящую пучину. Воды Мелсуотен-брейг покажутся мне ласковым весенним ручейком. Если выберусь — пунктик номер два — никогда не встречаться сразу с несколькими сверхами. А лучше, вообще не встречаться со сверхами.

Я не думала, что буду рада вампиру. Более того, даже допустить не могла, что буду безумно рада появлению того, от кого зависит моя жизнь.

В дверях, на противоположной стороне зала, застыл светловолосый широкоплечий мужчина, высокого роста. Он был брутален и мужественен. Никакой нежности или плавности в его чертах. Возможно, много жизней назад он был варваром, или славянином... Его могучая грудь была обтянута черной футболкой и подчеркивала его, наверняка, немалую силу. Мышцы на руках так и просили прикоснуться к ним и проверить, насколько они твердые, а выражение ледяных голубых глаз сразу ставило на место любого, кто осмелился бы ему возразить. Да, пожалуй, еще до самого возражения... окинув хозяйским взглядом мигмом присмирившую толпу, он заметил меня и, не изменив выражения лица, лишнего каких бы то ни было эмоций, приказал мне подойти.

Александр, подхватив меня под руку, помог мне пересечь зал, кишачий, словно пруд пиявками, облизывающимися сверхами. Когда я приблизилась к Марку, то не поверила своим глазам. Я видела его раньше...

Вампир подошел ко мне вплотную, настолько, что коснулся своими бедрами моих. Тело мгновенно отреагировало на этот сигнал возбуждением, а щеки — краской. Сердце бешено заколотилось в груди, дыхание стало глубоким и сбивчивым. И это от одного касания бедрами, от одного ощущения вечности рядом со мной, его мужской силы, налитой страстным желанием. Интересно, а каково бы было в постели с вампиром? Я отогнала нахлынувшие на меня мысли. Как только мне могло прийти в голову подобное извращение! Наверняка вампирская магия... Прикоснувшись щекой к моим волосам и вдыхая мой аромат, вампир произнес что-то на неведомом мне языке. Единственное, о чем я могла думать, сколько бы ни боролась с мыслями — об уединении с этим чертовски сексуальным мужчиной в укромном месте...

Александр с раздражением наблюдал за Марком, который, наконец, отступил на шаг назад и, внимательно посмотрев на меня, вновь задал свой вопрос, который уже задавал:

— Кто ты, Катилина Астрид Мередит? — без особых эмоций, но достаточно властно спросил Марк.

Александр был вне себя. Впрочем, как я поняла, удивить его не составляло особого труда. Либо я куда более исключительный человек, чем считаю. Но Марк — совершенная противоположность. Мне бы хотелось знать, существует ли то, что способно его удивить.

Кажется, что подобное чувство абсолютно чуждо ему. Как и прочие эмоции, кроме скуки. Его ничуть не смутила моя смерть, и теперь я понимаю почему. Впрочем, мое непонятное воскрешение заставило его вздернуть бровь, что тоже достижение. Теперь я понимаю, что все это не было сном и, судя по всему, до дома меня проводил именно Марк.... да нет, невозможно. Чушь какая-то. Чтобы этот холодный и властный мужчина заботился о своем завтраке, доставляя его домой. Нет. Исключено. Я решительно запуталась и пришла в себя только тогда, когда властные глаза вампира оказались в нескольких сантиметрах от моих.

Стараясь вести себя более спокойно и непринужденно, я аккуратно взвешивала слова, как никогда понимая значение вопроса. Александр достаточно красочно рассказал мне о зрителе округа, и каждый мой ответ мог стать последним. Как русская рулетка. Револьвер, шесть выстрелов, один патрон.

— Я человек.

Вампир, сменив объект своего пристального властного взгляда, небрежно осмотрел Александра и, взяв меня под локоть, куда-то повел. Как я поняла, в зале вновь продолжилось неистовство, а мы вошли в кабинет Марка, где он творил все свои грязные и не очень грязные, дела. Сев на стул и величаво положив подбородок на скрещенные ладони, он изучал взглядом нас обоих. А я изучала взглядом небольшой кабинет вампира, решавшего в данный момент мою судьбу с присущим ему хладнокровием. Как бы я сейчас хотела попасть в его голову, залезть в его мысли, понять, чего мне стоит опасаться.

Зритель отвлекся на Александра. Между этими двумя разве что не искрило. Наверняка, у них есть история или даже несколько, о которой мне лучше не знать. Однако момент был идеальным. Я воспользовалась ситуацией и, сконцентрировавшись, попробовала пробраться в подсознание к Марку. Вампир отреагировал незамедлительно:

— Я бы не советовал.

Меня начинало раздражать его напыщенное самодовольство и упоение властью. Тоже мне, напустил тут жути, вершитель судеб. И как я только могла связать его с раем. Вот дура, знала бы тогда, кто в тот момент склонился надо мной на трассе 101. Интересно лишь, что он делал в Мелфриде, и могло ли быть случайностью, что наши пути вновь пересеклись?

Вдоволь налюбовавшись нами, и дождавшись, пока Лорали, избегающая моего взгляда, займет место подле него, он обратился:

— Зачем пришел, Рихард.

— Как зритель, вы должны знать о двух вещах, которые творятся в вашем округе, — робко начал Александр, — Первое — это осведомленность Катилины. Второе — в округе ведется охота на вампиров.

Зритель сурово сдвинул брови и просил продолжать. Александр, воодушевленный знаком, немного приободрился.

— На днях был ранен серебряной пулей Дарен Пэрис. А сегодня меня пытались отравить раствором серебра и застрелить, но благодаря Катилине им это не удалось. Кто-то вышел на охоту. И этот кто-то один из нас.

— Это проверенная информация? — спокойно, с полной уверенностью, что он разберется с этим делом, уточнил Марк.

— Вы же знаете о моих способностях.

Я стояла молча, как и советовал Александр, лишь изредка поглядывая с усмешкой и чувством превосходства на Лорали и с отвращением и некоторым опасением на Марка. Взгляд вампира, настолько мертвый и бесчувственный, вызывал у меня холодные мурашки.

Мне стало по-настоящему страшно. Ему ведь все равно. Для него жизнь — это всего лишь слово из пяти букв. Я более чем уверена, что он чувствует себя творцом, потому что с легкостью может создать жизнь в одно мгновение, и с такой же легкостью может эту жизнь забрать себе. Точнее, он владеет существованием! И, наверное, его очень удовлетворяла эта мысль. От него так и веяло запахом притона, силы и вечности, и я чудом сдерживала себя, чтобы не отломать ножку деревянного стула и не воткнуть ему в грудь. Жаль, я обладаю недостаточными силой и скоростью, чтобы все проделать, но сила воображения — это то, чем я могу владеть в совершенстве и место, где я могу укрыться от реальности. В воображении я проделала это, не мешкая. Три раза.

Лорали, глядя на меня, достаточно живописно думала о том, как ей хочется перегрызть мне глотку и глотать кровь, струями сочащуюся по моему безупречно красивому красному платью. Мои возможности стремительно росли, или это зависело от силы эмоций того, кого я читаю, но, глядя на Лорали, в моей голове всплывали яркие кровавые картинки.

— Фу! — не удержалась я, скривив от отвращения увиденным гримасу.

Марк с интересом посмотрел на меня и на Лорали. Видимо подобная реакция на его подружку была привычной. Он вновь переключился на Александра.

— Какие-то детали об охотнике?

— К сожалению, нет.

Смотритель неодобрительно вздохнул и обратился ко мне.

— Что же мне с тобой делать, Катилина? — с иронией в глазах, спросил он. — Если даже смерть над тобой не властна?

Не в силах больше терпеть такого издевательства и неведения, забыв обо всех предосторожностях, так услужливо навязанных мне Александром, я сделала решительный шаг вперед. Одернув руку, за которую меня схватил вампир, я разразилась пылкой речью, с огромной жадностью поставив на место этого выскочки, возомнившего себя Господом Богом:

— Даже не обязательно уметь читать мысли сверхов, чтобы понять, о чем ты думаешь! Для тебя жизнь других — игрушка. Ты же маленький пятилетний ребенок, который только и ищет в этой жизни развлечений и способов доказать себе, что есть смысл жить, потому что ты сам не понимаешь, зачем топчешь землю, на которой тебе уже все настолько ненавистно, что ты не испытываешь никаких эмоций! Если ты хочешь расправиться со мной — так будь мужчиной, и делай этого, не мешкая, если же решил сохранить жизнь, то не делай вид, будто это для меня огромное одолжение. Потому что в первом случае мне уже будет все равно, а во втором это никоим образом не ставит нас в зависимость друг от друга, поскольку моя жизнь принадлежит только Господу! И как бы ты ни хотел, но распорядиться ею ты не можешь, каким бы всемогущим ты себя не чувствовал. И если хочешь знать, я бы не мешкая вогнала тебе кол в грудь только потому, что твое лицо не выражает ничего, кроме безжалостного стремления истребить все живое с одним лишь оправданием «почему нет, если я могу»!

Закончив свою пламенную речь, которая скорей всего являлась результатом того, что навалилось на меня за последние несколько часов, и которая вряд ли была бы произнесена, будь я до конца в здравом уме, я поняла, что нахожусь едва ли не в метре от земли. Сильная рука вампира, сжимая меня за горло, подняла меня в воздух как пушинку. Лицо вампира выражало... нет, это был не гнев, как я подумала. Это были эмоции, в которых я не могла разобраться.

— Знаешь, при твоём бесстрашии — глупость главный твой порок, — протянул он с едва уловимым уважением в голосе и разжал руку, отчего я едва не свалилась на пол, но

Александр вовремя меня не подхватил.

Отвернувшись от нас и некоторое время, глядя в глаза Лорали, Марк размышлял. Что ж, для меня было большим комплиментом, что я смогла плюнуть в лицо зрителю и, мало того, что остаться в живых, так еще заставить его задуматься. Здесь вмешался Александр, вмешательства которого Марк никак не ожидал.

— Она не до конца понимает...

Вампир едва слышно усмехнулся:

— Она, — он акцентировал местоимение, — прекрасно понимает.

Зритель некоторое время глядел на меня и, наконец, кажется, решил, что со мной делать. Он протянул мне руку, с плотоядным выражением на лице.

— Нет, Марк, это моя добыча, вы не можете, — попытался заступиться мужчина.

— Ну да... ты же не знаешь. Она несколько недель моя, — с явным удовольствием обозначил вампир. Такое чувство, что здесь шла невидимая и не обозначаемая баталия, главным призом в которой являлась я. И по сути, дело было не в том, что я знаю о существовании мира сверхов, а в обычном мужском эгоизме.

— Что, правда? Будете тут мериться, у кого пиписька длинней?! Я ничья и не собираюсь становиться ничьей добычей! Я человек и имею определенные права!

Лорали рассмеялась, наблюдая за ситуацией, чем окончательно меня вывела.

— А ты вообще молчи, сучка лживая!

Марк наблюдал за моим взорвавшимся поведением уже с явным удовольствием. Его забавляло то, что здесь, в его кабинете во все стороны летают искры. Он оперся о стол и пустил ситуацию на самотек. Отчасти, я могла его понять, ведь он, наверное, впервые за долгое время испытывает хоть что-то, кроме скуки. Пусть это и связано с гордостью и самодовольством. После долгого молчания, которое было наполнено испугом Лорали, замешательством Александра, моим гневным сопением и улыбкой Марка, последний произнес:

— Присоединяйся ко мне, — предложил он. — Из тебя выйдет отличный вампир. Если ты мне откажешь, — через один взмах ресниц он оказался рядом, и, едва касаясь губами моей шеи, прошептал, — то я не смогу отпустить тебя. Ты слишком много знаешь.

Закатив глаза, я бесцеремонно оттолкнула вампира, чья рука лежала на моей шее не как агрессивный знак, а скорее как предложение большего. В последнее время меня столько раз хватили за горло, и ни разу толком не задушили, так что я уже сомневалась, что вампиры действительно горазды на убийство. Складывалось ощущение, что они горазды только слова говорить и угрозами кидаться.

— Ты не убьешь меня, — заглянув прямо в глаза Марку, твердо заявила я, — не знаю почему, но я представляю для тебя немалый интерес, поэтому не будем ходить вокруг да около. Решите свои дела с Александром, и я покину этот бар, навсегда забыв о существовании вампиров и сверхов. Для надежности — можете меня зачаровать. И все останутся довольны.

С минуту в кабинете властвовала тишина. Александр обескуражено поглядывал то на меня, то на Марка, Лорали возмущенно пыталась в углу, и желала что-то сказать, но зритель остановил ее жестом. Мы долго смотрели друг другу в глаза, но никто не уступил. Тогда мужчина ответил.

— Ну что ж. Ты права. Я не знаю что это — моя кровь или что-то большее. Я сохраню тебе жизнь, — я сделала ехидное выражение лица, будто могло быть как-то иначе, — но кое-

что попрошу взамен. Одну ночь.

— Что? Переспать? С тобой?? — я с отвращением воззрела на вампира. Да, конечно когда ко мне, с проблемной личной жизнью и отсутствием секса, так искусно прикасается мужчина, имеющий не малый опыт соращения и ублажения женщин, колени само собой подкашиваются и тело начинает отвечать на природный зов, но я еще в своем уме, чтобы понять — я не хочу спать с вампиром! Это же некрофилия с элементами зоофилии! К тому же, если я это сделаю, мне никогда не даст покоя моя совесть, потому что я начинаю иметь представление кто такой Марк — смотритель графства Эйтингейл.

Кажется, я осознала свой дар. Он заключается в удивлении вампиров. Марк удивленно воззрел на меня, а я в душе ликовала своей победе. Весь образ книжных героев-романтиков с большой дороги, которые одним лишь взглядом вызывают трепет и отключают голос разума, к чертям под хвост. То есть со взглядом-то все в порядке, но голос разума у меня, слава богу, еще не сошел с ума. И неужели он настолько безукоризненно уверен в своей сексуальной привлекательности, что мысль о том, что смертная может ему отказать, застала его врасплох?

— Одну ночь, — раздраженно повторил он голосом, не терпящим возражений. — И ты приедешь, когда я позову. Руку.

Поняв, что в этом случае лучше избежать шуток, я протянула руку, предварительно сняв перчатку. Потому что не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, для чего ему понадобилась моя рука...

Выпустив клыки, и опьянев от предстоящего вкушения, Марк с хрустом впился в мое запястье, цепко удерживая руку, которую я рефлекторно пыталась одернуть от боли. Лорали глядела на хозяина едва ли не в экстазе, открыв рот и облизывая пересохшие губы. Александр тоже слегка опьянел от происходящего, а я ощущала себя такой опустошенной и грязной, какой не чувствовала даже после изнасилования. Я ощущала, как слабеют мои ноги, как покалывает кончики пальцев, и закусывала губу, от непонятных и настолько противоречивых впечатлений. Кровь покидала мое тело, и казалось, будто я чувствую, как она попадает в вампира и разливается по его веном, как я становлюсь частью его плоти...

Едва найдя в себе силы оторваться, Марк, перемазанный кровью, облизнулся, глядя мне прямо в глаза. Это блаженствующее выражение лица, выпачканного кровью, моей кровью, не забыть до конца своих дней. Посмотрев на запястье, я содрогнулась, едва сдерживая застлавшие глаза слезы. Рана, обильно кровоточила и выглядела так, будто меня покусал бульдог. К моему удивлению, через несколько секунд края укуса потянулись друг к другу, с щекочущим ощущением, и рана затянулась. Видимо это из-за слюны вампира, которая наверняка богата коагулянтами. Здесь мне вспомнились слова Марка «моя кровь или что-то большее»...

Обескураженный смотритель, вытирая лицо салфеткой, услужливо поданной изголодавшейся Лорали, протянул:

— Откуда в тебе такой источник жизни и силы? Ты пробовал ее, Александр? Уверен, нет, иначе бы ты вел себя по-другому...

Марк, аккуратно взял мою руку. Я была настолько себе противна, что уже ничему не сопротивлялась. Слезы безмолвно стекали по моим щекам и скапливались большими каплями на подбородке. Он говорил обо мне, как о еде. Словно я тарелка супа, которая стоит на столе и о вкусовых качествах которой беседуют два человека. Вампир невесомо погладил место, где только что был укус и поцеловал мое запястье, так, как будто это самое ценное,

что встречалось в его жизни. Бутылка вина — это я. Меня только что пригубили и мне глубоко противно, что на этот раз я не могу отстоять свою честь и право на уважение.

Я подняла на него полные злости глаза и увидела, что взгляд вампира очень сильно изменился. Не знаю, удастся ли мне когда-либо понять, что за эмоцию я вижу в его глазах уже дважды. Поняв, что я заметила это выражение, он сдвинул брови и сурово изрек:

— Уходите.

Срань господня! Это была самая странная встреча и самое противоречивое знакомство в моей жизни. Александр взял меня за руку и быстрым шагом повел к выходу. Но...

— Постойте, а как же охотник? — все-таки моя жизнь тоже была под угрозой.

Во взгляде Марка так и читалось высокомерное: «это не твоя проблема, детка». О нет, это еще как моя проблема, учитывая, что ему ничего не стоит выяснить, где я живу и прикончить меня. Александр был прав в своем опасении, говоря «теперь они думают, что ты моя девушка» или что-то вроде этого. Не знаю, чем Александр успел насолить всем вампирам, с которыми мне только удалось повстречаться, но вряд ли это сулит мне что-то хорошее.

— Я не хочу погибнуть только потому, что кто-то из вас вляпался в неприятности.

— Дорогая, тебе достаточно не впускать в дом незнакомцев и не выходить никуда после заката, — меланхолично произнес смотритель округа.

Гневно фыркнув, я напомнила:

— Если вам интересно, то охотник может сегодня появиться в заброшенном доке на берегу Мелсуотен-Брейг около Мелфрида. Мы постарались его дезинформировать, и это могло бы вам помочь его поймать.

— Уходите, — в этот раз чуть мягче, но также настойчиво повторил вампир.

Да чтоб у тебя яйца отсохли!!! Во мне кипели нешуточные эмоции. Они, эти чертовы вампиры впутали меня в эту чертову историю, в которой мне грозит чертова смерть! Естественно я хочу защитить свою задницу, и сделаю для этого все возможное, но я слишком хорошо соображаю головой, чтобы понять — одной мне с этим охотником никак не справиться!

Мы вышли из бара через заднюю дверь, поскольку у меня не было ни малейшего желания вновь проходить через зал, наполненный сверхами, жаждавшими устроить со мной публичную оргию с поеданием в конце. Настроение было паршивое, как никогда в жизни.

Александр угрюмо молчал, эту его сторону я увидела впервые. Впрочем, мы не так давно были знакомы, чтобы узнать друг о друге достаточно или хотя бы сделать какое-то более частное представление. В общем же я могла сделать вывод, что он более-менее дружелюбно настроен к человеческому обществу и имеет огромные проблемы с некими вампирами-охотниками. И если Александр был просто угрюм, то я была вне себя от бешенства.

— Ты хоть чуть-чуть соображала, когда разговаривала с Марком? — пытаюсь не срываться, спросил вампир.

— Александр, а что я могла? Да у меня башню сорвало, когда я увидела это логово разврата, этот Содом. Как только у меня хватило мозгов помочь тебе тогда и вляпаться в такое? Я же просто должна была написать статью, какого лешего стала строить из себя героиню?

— Ты спасла мне жизнь, — медленно и спокойно начал Александр, — за это я тебе благодарен. И по кодексу вампиров теперь я должен отплатить тебе. Перед тем, как мы

расстанемся, скажи, что я могу для тебя сделать?

Оглянувшись по сторонам, я задумалась. Я знала, чего хотела — хотела бы забыть увиденное. Оно было настолько отвратительно, настолько ужасно, что у меня органы внутри начинали дрожать, а к горлу подступала невероятная тошнота. С другой стороны, этот мир, каким бы пугающим ни был, но давал мне четкое ощущение того, что я начинаю познавать, что происходит вокруг, что я не нахожусь в неведении, как другие люди, и что имею какой-то вес, раз прошла через все это живой. Тем не менее, возможно от усталости и шока, я почти неслышно произнесла:

— Сделай так, чтобы я забыла...

Александр серьезно посмотрел на меня. Ветер раздул в стороны выбившиеся черные пряди волос. Карие глаза наливались чернотой. Казалось, будто в стакане с водой разливается черная краска. Это зрелище завораживало и пугало. Я не знала, смогу ли я жить без удивительных моментов мира сверхов, если он просто развернется и уйдет. Но я также не знала, смогу ли жить с полученными знаниями и не оборачиваться...

— Ты уверена?

— Да, — окрепшим голосом повторила я. — Зачаруй меня, но пообещай так же, что когда все это закончится, когда вы разделаетесь с охотником, и твоя жизнь придет в норму, ты вернешься, и мы начнем заново наше знакомство? Но ты не расскажешь мне о своей сути... никогда.

Я не была готова сжечь за собой все мосты, но от моего знания опасности — охотника, либо незнания, ничего не изменится. Если он решит меня убить, мало кто сможет ему помешать. Так что лучше проживу эти дни без опаски.

— Хорошо. Если это твое желание.

Вампир подошел вплотную, мягко положил руки поверх моих плеч и взглянул мне в глаза. Чернота его глаз стала абсолютной, глубокой, как бездна, исполненная бесконечного тепла и отеческой заботы. Вновь родилось чувство спокойствия. Наладив контакт с моим подсознанием, мужчина медленно произносил:

— После нашего разговора в галерее ты осмотрела остальные картины и, получив все сведения, необходимые для статьи, вернулась домой. Сейчас ты сядешь в машину и незаметно для родственников вернешься в постель. Ты проснешься с хорошим настроением, не подозревая о существовании мира сверхов.

Он еще некоторое время не отрывал взгляда, затем резко развернулся и зашагал прочь. На моих глазах навернулись слезы. Вампир ушел. Но он ушел, не зная, что попытка зачаровать меня с треском провалилась.

Сегодня я задержал закрытие магазина, но не потому, что на меня нахлынула меланхолия, и хотелось побыть среди своих шедевров. Я сидел на полу, за стойкой. Что ж, должен признаться. Впервые в своей жизни Нефрит прятался. Никогда раньше, даже когда с меня пытались выбить долги наркодиллеры-сверхи, никогда раньше я не прятался..., но это совершенно иной случай. О смерти мне придется лишь умолять, и совсем не уверен, что они снизойдут до нее.

В магазине слышались шорохи. Я сжал в руках тяжелый подсвечник и затаился. Внезапно у входа раздался женский голос:

— ????????????????

— Эй ты, фильтруй хрюканину! Я по-сучьи не изъясняюсь!

— Глупый урнинг! Неужели думаешь спрятаться от нас в своем маленьком магазинчике? — она сменила язык и говорила с ужасным азиатским акцентом.

— Я не знал, что он ваш муж и глава стаи. Да и откуда мне было знать?

— Незнание не освобождает от ответственности. Кажется так у вас, людей, говорят.

— Он был сам не прочь! Я никого ни к чему не принуждал!

— Он уже смыл позор с клана кровью, теперь твоя очередь! Покажись, будь женщиной!

Наверное, это был глупый поступок, но смелый. Больше прятаться от девушек — азиаток мне не хотелось. Уж если это случится, то пускай прямо сейчас.

— Я ни о чем не жалею и ни в чем не раскаиваюсь!

Изящная азиатка, с забранными наверх волосами презрительно смотрела на меня. Она была молода, лет тридцать, стройна как модель. Платье в пол с огромным вырезом было смоделировано мною. Следовало заметить, что оно ей шло. Рядом стояла лисица с пятью... срань божья, точно с пятью хвостами и смотрела на меня безумными белыми глазами.

— Сестра!

Лиса, раздув ноздри кинулась на меня с такой скоростью, что я едва успел прикрыть руками лицо. Вопреки моим опасениям, животное не вцепилось в меня, а с жалобным скулением и синим дымком, отлетело в противоположный конец бутика, уронив на лету несколько стоек с одеждой.

— Это из моей новой коллекции, сучка! — уловив момент замешательства азиатской женщины, я огрел ее по голове подсвечником и вылетел из бутика со скоростью гепарда.

Что это было? Почему она отлетела от меня? Боже, я больше никогда не буду толкать сверхам человеческую кровь! Клянусь! Я стану чистить зубы два раза в день и читать молитву на ночь, только спаси меня от этих злобных тварей.

«Ты еще горько об этом пожалеешь. Мы сведем тебя с ума, заставим видеть то, чего нет, желать того, чего не существует, и ты сам придешь, моля о пощаде, которой не дождешься никогда!». Голоса разрывали мою голову, пока я не понесся по ночному Мелфриду во весь опор, включив на полную громкость Шиллера. Огни, трасса, скорость и чарующие звуки музыки унесли меня в мир спокойствия, заглушив шипение голосов.

Ну, вот я одна, на заднем дворе «Сверха» ночью, знаю, что где-то поблизости, в темноте может шастать охотник, а около клуба полным-полно разных сверхов, у которых я, по неизвестной мне причине, из-за какой-то сущности, сидящей во мне, вызываю страстное животное желание. Отлично!

Сама не своя, я долетела до машины, и, забравшись внутрь, почувствовала себя в безопасности, лишь заблокировав двери.

Так. Успокойся. В любом случае, ты всегда можешь сделать вид, что умение Александра сработало. И вообще, разве оно не должно было сработать хотя бы из-за эффекта Плацебо? Ведь я в это верила и страстно желала? Ладно, забыли, проехали. Три ночи. Пора будить Лину.

Не спрашивайте, как в незнакомом городе в три часа ночи я добралась до Лины. Я сама не знаю толком, но такое чувство, что я либо просто интуитивно чувствовала, где находится Куотен, 15, либо мне просто очень сильно повезло, что она оказалась недалеко от бара Марка. Марк, вот о ком бы мне хотелось навсегда забыть, а еще эта шлюшка Лорали, которая ведет бухгалтерию в обход своего босса.

Добравшись до дома Лины, я припарковала машину на единственном парковочном

месте, извиняюсь покорно, если заняла чье-то, но кто успел, того и тапки, и взбежала по лестницам.

— Так... какая квартира? Блин! Я же не помню квартиру....

А что мне еще оставалось? Я нажала сразу на все кнопки... аппарат, словно сигнализация, пискляво заорал на всю округу нестройными голосами, а в окнах хаотично загорались огни. Хорошо, что домофон находился под козырьком подъезда, иначе кроме недовольных голосов в меня бы еще и прилетело что-нибудь.

— Лина, это я, — в надежде, что кто-нибудь из ответивших, окажется Линой, я повторяла, что я — это я.

— Какая Лина?

— Совсем охренели, в три ночи!

— Пошла прочь, пьянь подзаборная!

— Кати???? — послышался недоумевающий голос, — проходи в 47.

Двери открылись, и я зашла в подъезд. Из некоторых дверей высунулись недовольные заспанные физиономии, с которыми я старалась не встречаться глазами. Но я итак чувствовала атмосферу крайнего неодобрения, исходившую от них. Шмыгнув на третий этаж, я увидела в дверях потрепанную и перепуганную Лину.

— Привет! — мы радостно обнялись и неуклюже сталкиваясь, ввалились в ее квартиру. Наши нервные хихиканья еще долго не стихали, прорывая время от времени возникающее неловкое молчание.

Она жила в самом центре Форт Окриджа, правда в довольно скромном жилище, которое позволяла ей снять ее работа в рекламном агентстве. Что-что, а втюхать товар покупателю Лина могла с закрытыми глазами. Как-то раз, помнится, мы подрабатывали в Мелфриде в летние каникулы, продавая хот-доги с куриными сосисками. Так она умудрилась продать аж три шгуки мистеру Мэдисону, нашему мэру, который вот уже как 10 лет был уверен, что он вегетарианец. В общем, по части застилания глаз и навешивания лапши на уши она была лучшей.

Квартирка Лины была хоть и маленькой, но довольно ухоженной. Прямо из коридора вела небольшая арка на кухню. А направо, коридорчик уводил в две небольших комнатки, за стеной же коридорчика находилась уютная ванная.

— Так, первое — что ты тут делаешь и почему не предупредила, что приедешь, и второе, почему на тебе шикарное, но выдавшее виды платье из последней коллекции Нефрита???? — провожая меня на кухню и ставя на железную плиту огромный чугунный чайник, чуть не взвизгнула она. Вот уж бы ни за что не подумала, что такие чайники еще существуют. Лина не очень любила новомодные изобретения типа компьютера, электрических чайников и сотовых телефонов, поэтому всегда была счастлива и чувствовала себя в своей тарелке, когда приходила к нам. Леди Кэтрин настолько была погружена в прошлые века, что наш дом вместо лампочек был освещен свечами, а вместо телевизора мы смотрели камин.

Правда, это вовсе не означает, что в доме не было светильников и маленького черно-белого телевизора у меня под кроватью.

— О, поверь, Лина, еще каких-то шесть часов назад я сама не представляла, что окажусь в Форт-Окридже, — усмехнулась я. — Рассказывай, как ты здесь устроилась, появился парень?

Она со счастливой улыбкой плюхнулась на табурет, для эстетики закинутый лоскутным

покрывальчиком, и закрыла лицо руками, посмеиваясь. В общем, в этот момент нас переполняла именно щенячья радость. Так надолго мы никогда не разлучались и, оказавшись вновь вместе, испытали чуть ли не катарсис, а оттого хихикали как идиотки.

— Я писала, вроде бы, что устроилась в рекламную кампанию, и я помощница самой Ирины Болендас!

Я сделала вид, что сказанное меня впечатлило, хотя кто такая эта самая Ирина Болендас, я не имела ни малейшего представления. Впрочем, я так недолголюбиваю рекламу, что с удовольствием бы... я усмехнулась, вспомнив, с каким удовольствием бы воткнула кол в грудь вампиру.... нет, пожалуй, это плохая аналогия...

— Правда, чтобы достичь успеха в этом бизнесе, приходится много вкалывать, иногда я попросту засыпаю на работе, а просыпаюсь на следующее утро, и мне снова идти на работу, — она грустно улыбнулась, но в тот же миг вновь повеселела, — впрочем, этим мне и нравится моя нынешняя должность. Я могу полностью посвятить себя ей и получать от этого неземное удовольствие. Правда, порою попадаются такие клиенты, что так и хочется воткнуть им кол в грудь, но я держу себя в руках, и все обходится без жертв.

Она мелодично рассмеялась, а я как-то поежилась, услышав словосочетания — кол в грудь. Уж слишком оно недвусмысленное.

— И как ты со всем этим справляешься? Ведь еще квартира, личная жизнь, отдыхать когда-то надо...

— Поначалу было действительно сложно, — согласилась она, задумавшись, но резко развеселившись, сменила тему разговора, — Кстати, именно на одной из вечеринок, которые устраивает Ирина дома для своих приближенных, я и познакомилась с Валентином!

— Та-ак, — хихикнув, протянула я, — и кто же наш счастливчик?

— О, он оказался довольно богатым и успешным бизнесменом. Кажется, владеет литейным заводом где-то на окраине Форт-Окриджа, в общем, он железный магнат. Вполне воспитанный, в меру красив и обаятелен, а каков он в постели, Кати!!! За это я готова ему все простить!

Мы обе звонко рассмеялись и, услышав, что вскипел чайник, Лина поднялась приготовить чай. А я, воспользовавшись случаем, выскочила в туалет.

В ванной комнате было очень аккуратно. Вообще — аккуратность, это та черта Лины которой мне так не хватало. Едва увидев пятно, она делала все, чтобы от него избавиться. А я же, увидев пятно, пыталась закрыть его чем-нибудь. Раз не вижу — значит, нет его.

Умывая руки, я посмотрела на себя в маленькое зеркальце, висящее на шкафчике, в котором обычно хранят различные ватные тампоны, тоники, таблетки от головной боли. Заметив, что мой макияж местами потек, а туш так откровенно легла под глазами черными синяками, я залезла в шкафчик в поисках ватных палочек и средства для снятия макияжа. Не думаю, что хозяйка станет слишком возражать подобной вольности, ведь мы не один год время от времени делили жилище друг с другом.

Открыв шкафчик, я сразу не заметила ватных тампонов, и пришлось немного покопаться. Видимо, я не особо аккуратна, потому как в раковину упал какой-то пузырек с таблетками. Благо, он был в пластмассовой упаковке, иначе бы я как пить дать его разбила. Обнаружив нужные мне вещи, я быстренько привела макияж в порядок и, собравшись выходить, вспомнила об упавшем в раковину пузырьке. Подняв его, я чертыхнулась.

Лина сидела, подергивая ногой, и попивала чай.

— Садись и обязательно попробуй этот чай, — протараторила она, — Валентин привез

мне его из самой Индии, он туда ездил неделю назад по делам, и купил. Сказал, что настоящий Индийский чай. Наверняка безумно дорогой, но мне очень нравится, ты только попробуй, какой аромат, а на вкус просто бесподобно!

Я, совершенно сникшая, присела на табурет и посмотрела в глаза Лины. Так и есть. Зрачки расширены.

— Я открыла баночку твоего любимого абрикосового варенья с цедрой. И специально положила побольше косточек, ты же любишь их грызть. Помню, как мы в детстве поссорились из-за того, у кого в чашке больше косточек, — она рассмеялась и зачерпнула ложечкой варенье.

— Лина, — с горечью протянула я, — что это?

Я поставила на стол перед ней пузырек с таблетками. Я знала, что это за таблетки, поскольку выросла в детском доме и мы прекрасно были знакомы с амфетаминами, коксом, травкой и прочими наркотиками-стимуляторами.

Подруга внимательно на меня посмотрела с каким-то презрением и спокойно сказала:

— Только не смей меня осуждать, Катилина. У меня никогда не было всего, чем обладала ты. И теперь, начав добиваться первых результатов, я не могу это потерять!

Признаться, слова подруги повергли меня в шок. Чего у нее никогда не было, что было у меня? У нее не было смерти родителей при ее рождении? Да, действительно, не было 15 лет в детском доме, не было бесчисленных попыток самоубийства... впрочем, тут я не берусь предполагать. Тем не менее, понимая, что подруге явно необходима помощь, я отринула все свои проблемы и предубеждения и сосредоточилась на ее проблеме.

— Лина, ты прекрасный специалист, умная женщина, ты способна преодолеть эти трудности и без таблеток. Зачем они тебе?

Подруга, сколько бы ни сдерживалась до этого, прыснула слезами и расплакалась. По моему, коренные жители Мелфрида настолько автохтонны, что им не стоит уезжать из городка. Вдали от родины им, подобно Дракуле, становится очень сложно. Я понимала ситуацию Лины, но не одобряла выход, который она из нее нашла.

— Ты представить себе не можешь, как здесь сложно и что тут творится. Я просто с ума сходила первый месяц, пока Валентин не дал мне это.

— Так это твой дружок снабдил тебя наркотиками? — взбеленилась я.

— Не смей! Слышишь, не смей о нем дурно отзываться! Когда мне было сложно, он, а не ты был рядом!

— Если бы ты только сказала, что у тебя трудности, Лина, я бы все бросила, и сразу же примчалась сюда, — я присела в ногах у подруги и заглянула в ее зареванные, покрасневшие глаза. Было видно, что приступы депрессии из-за таблеток случались с ней и раньше, — ты хотя бы понимаешь, какими последствиями это обернется для твоего здоровья?

— Кати, — она положила свою руку мне на плечо, и меня скинуло на пол от сильной боли. Опять видение, как же это все некстати.

Темная улица, дорога, я еду по ней, не знаю когда, не знаю куда. Видно только пару метров, освещенной фарами трассы. Впереди мелькает фигура. Я кого-то сбиваю. Выбегаю из машины, наклоняюсь — это женщина. Кто-то нападает на меня сзади и кусает в плечо.

В ужасе я воззрела на Лину. До сего момента все мои видения были связаны с теми, к кому я прикасаюсь, но каким образом Лина могла быть связана с тем, кого я собью или с тем, кто на меня, возможно, нападет в будущем? Не она же меня покусает на темной трассе?

— По ходу у тебя тоже нехилые проблемы, — перепугалась Лина, бросившись к

раковине. Подруга налила мне стакан воды, который я залпом осушила. Так, это все становится очень подозрительным и странным.

— Я телепатка. К тому же, видящая будущее телепатка, — потеряв виски, бросила я.

— Скорей ты психопатка, Кати, я знаю тебя с детства.

— Последние события очень сильно изменили мою жизнь.... не знаю, после удара молнии или...

Так, надо разобраться в этой суматохе. В конце концов, сейчас речь не обо мне и пока я никуда не еду и можно не беспокоиться за свою жизнь, потому что жизнь Лины на данный момент вызывает большее опасение.

— Так, проехали, — поднимаясь с пола, и присаживаясь за стол, на котором остывал любезно приготовленный Линой индийский чай, отрезала я, — возвращаемся к твоей проблеме.

— Не о чем тут говорить, — отрезала Лина с холодной решимостью, — это мой выбор.

— Да ты хоть соображаешь, что можешь умереть? Ты должна сейчас же поехать со мной обратно в Мелфрид!!!

— Чтобы вернуться неудачницей? Чтобы надо мной вновь потешалась вся округа? Вот — фантазерка Лина, она всегда мечтала стать богатой и успешной, ха-ха, сиди ровно, выскочка, с твоими крестьянскими корнями тебе только коров пасти. Понимаешь, я не для того заканчивала университет, чтобы закончить свою жизнь фермершей.

— Да, я вижу, для чего ты его заканчивала, — взорвалась я, швыряя пузырек в стену кухни, покрытую плиткой. От удара крышечка слетела с пузырька и таблетки рассыпались по полу. Лина, как ошалелая, кинулась собирать раскатившуюся дурь.

— Лина... — со слезами на глазах, почти шепнула я, — милая Лина...

Женщина не слышала моих слов, словно ополоумевшая, она старательно собирала каждую таблеточку и складывала ее обратно в пузырек. Она совершенно не слышала моих слов. Похоже, амфетамины еще не самое страшное, на что она подседала.

— Ты колешься? Отвечай мне, ты колешься?

— Бог с тобой, я еще не настолько сошла с ума, — она бросила свое занятие и, с совершенно жалким видом, сидела на полу.

Воцарилась настолько гнетущая тишина, что мне стало не по себе. Вот уж предположить даже не могла, что Лина, моя Лина, верная подруга, девиз которой по жизни «мне все по плечу» опустится до такого...

— Где найти твоего Валентина?

— Я сама разберусь со своим парнем, — безжизненно протянула девушка.

И тут до меня дошло... пару раз, когда у меня были видения, они всегда были связаны с теми, кого я касаюсь, это так. Но что, если то, что я видела, каким-то образом связано с Линой? Узнать бы только каким. Ох, как не хочется мне это спрашивать...

— Лина... он человек? — стараясь не глядеть в лицо подруги, вымолвила я с трудом. Женщина не встрепенулась и не подняла на меня взгляд. Только молчала. Как же некстати, что мой телепатический дар пропал. Я не могу прочитать ее мысли. Стараюсь, но мне это никак не удается... словно стена, которую мне не преодолеть.

— Хорошо... скажи хотя бы, ты видел его днем? Хоть раз?

— Да. Видела, — кроткий ответ, но по голосу и реакции подруги я прекрасно поняла. Валентин — не человек. И ей об этом прекрасно известно.

Поняв, что лучше мне поехать домой, я подошла к подруге и, заглянув ей в глаза, сказала

твердым голосом:

— Милая. Ты — самое ценное, что у меня есть в жизни. Ты и Нефрит моя кровь. Мои брат и сестра, и, пойми, я сделаю все, что от меня зависит, чтобы помочь вам и вытащить из любой задницы, в которую могла засунуть вас жизнь. Но для этого, мне нужно, чтобы ты сделала шаг навстречу. Я приму тебя любой. Даже такой, какая ты сейчас, но одобрить твой выход из проблемы я не могу никак, — она хотела вставить слово, но я не позволила себя перебить, иначе бы сбилась с мысли, — не собираюсь продолжать лечить тебя. Ты умная девочка и знаешь, что сулит тебе очередная доза таблеток, помимо работоспособности. Сейчас я уеду, но хочу, чтобы ты знала, один твой телефонный звонок и я на краю земли, где бы ты ни была, я туда приеду. А теперь, отдыхай, дорогая. Ты все сделаешь правильно, я в тебя верю.

Подруга не шелохнулась, лишь слезы ручьями потекли по ее щекам. Стараясь не оборачиваться, я вышла в коридор, сдерживая слезы, пока не выйду из квартиры, и обратила внимание на шарф, висящий на вешалке. Это мужской шарф и от него пахнет мужскими духами. Прости, Лина, но мне нужно это сделать.

Незаметно для подруги сняв шарф, я вышла из квартиры.

Вонючий хер!!! — кричала я, пытаюсь переорать музыку, на полную катушку играющую в моей машине. Музыка орала так громко что, казалось, тетушка может слышать ее в своей комнате в Мелфриде. Но мне было плевать. Больше всего нужно было разрядиться и лечь спать. Я невероятно устала, просто невероятно. Столько событий и все они за одну ночь-вечер просто не могли пройти бесследно.

Амфетамин, ну надо же дойти до такого, Лина! Ладно хоть не героин. Я посмотрела на коричневый шерстяной шарф, лежащий рядом со мной на пассажирском сиденье, и немного отвлеклась. Довольно элегантный, стоит отметить. С зелеными полосками, узкими и пошире. Я найду владельца этого шарфа, по крайней мере, я постараюсь что-нибудь увидеть. Надо же мне как-то расширять границы своего дара, а как это сделать, если не упорными тренировками?

Чуть-чуть придя в себя и успокоившись, я заметила, что проехала уже половину пути и сейчас неслась по трассе 101, которая вела уже напрямую в Мелфрид. Никуда сворачивать не нужно было, потому я неслась во весь опор, наслаждаясь дорогой и отсутствием мыслей. Но мысли отсутствовали недолго... сразу потоком хлынув в подсознание. Почему все-таки мне никак не удавалось прочесть мысли Лины? Это ее дружок так заколдовал? Хм... и фраза Лорали о том, что телепаты не могут читать мысли сверхов... может, я телепат наоборот?

Рассмеявшись от подобной мысли, я спохватилась и едва удержалась от того, чтобы не дать по тормозам. Ведь это очень похоже на ситуацию, которая была в видении... я еду по трассе, белые полосы посередине дороги постоянно прерываются, вижу перед собой лишь пару метров освещаемой фарами трассы. Лихорадочно обдумывая, что повесистей есть в моей машине, я вспомнила, что в багажнике лежит бита. Как раз на случай, если на меня кто-то нападет. Правда, глупо было положить ее в багажник, и в тот момент я не учла, что если кто-то на меня станет нападать, вряд ли он любезно согласится подождать, пока я достану битку. В голове созрел небольшой план и, не сбавляя скорости, я неслась, но была полностью сосредоточена, поскольку в любой момент на дорогу могла выскочить бедная девушка.

Ой, а если она человек, я же ее убью?????

В этот момент на дорогу выскочила тень. Я резко дала по тормозам и дернула влево,

пытаясь не сбить человека, но услышала удар и почувствовала толчок. Когда машина, крутанувшись, все-таки остановилась, я тут же выскочила и понеслась к багажнику. Быстро нащупав среди ненужного барахла битую, я побежала к женщине, над которой уже склонился тот, кто кусал меня в видении... вот так поход за битой спас мне жизнь. Подбежав, я что было мочи, ударила по мужчине, пытавшемуся укусить женщину. Порадовало одно, тот, кого я спасаю, все же не человек, и сможет прийти мне на выручку. Мужчина не шелохнулся, а бита заметно треснула. Ой, кажется, кого-то сейчас побьют...

Существо толкнуло меня с такой силой, что я отлетела к машине, затормозившей за несколько метров от места происшествия. Ударившись головой о шину, я, тем не менее, не потеряла сознания, но явно повредила себе спину, потому что по ней прошла волна сильной боли. Все-таки, я нашла в себе силы, чтобы подняться и даже доломать битую, сделав из нее подобие кола. Не знаю, вампиры ли это, не знаю, поможет ли кол, не знаю, срань господня, зачем я вообще это делаю.

Вампиры сцепились в схватке, было видно, что они оба примерно равны по силе. Женщина боролась с таким остервенением и ожесточением, что мне стало не по себе — а того ли я пытаюсь защитить. Мужчина же действовал грубо, и, схватив женщину за волосы, прижал к асфальту, ударяя по лицу кулаком. Кровь так и брызнула из ее прекрасного лица, орошая асфальт багровыми густыми каплями. Сглотнув слюну, я решилась.

С остервенелым криком, в надежде, что он придаст мне сил, я накинулась на мужчину и вонзила самодельный кол ему в спину. Дерево с хрустом вошло в его тело и застряло, а изо рта существа фонтаном брызнула гемоглобиновая жижа. Через мгновение от мужчины осталась только небольшая лужа крови. В каком направлении он скрылся, я не знала и не хотела знать.

Видимо уровень адреналина в крови понизился, и мне стало так больно, что остаться на ногах я была не в силах, а потому подкосившиеся конечности свалили меня прямо лицом в лужу крови. Я чувствовала, как она пахнет железом и чем-то тухлым. Прохладная и сырая, она едва не впитывалась в мою кожу. От омерзения к горлу подступил приступ тошноты. Но не в силах пошевелить головой, я так и оставалась лежать, уткнувшись лицом в эту лужу. К сожалению, шикарное платье Нефрита было вконец испорчено...

— Это омерзительно... — едва не плача, кашлянула я.

Женщина, которая так же неподвижно лежала чуть поодаль, сделала вдох и тоже закашлялась.

— Что именно вы находите омерзительным? — спокойно спросила она, будто бы мы не лежали ночью, на дороге, в лужах крови, покалеченные вампиром, а отдыхали на солнечном пляже, где-нибудь на берегу красного моря.

— Этот запах... просто мерзостен...

Послышалась едкая усмешка. Я поняла, что женщина улыбается, несмотря на всю боль. Так же я поняла, что это однозначно вампир. Кто бы еще мог выжить после такой схватки, таких ранений, и таких кровопотерь? Вот только не стать бы мне ее закуской или таблеткой.

— Почему же мерзостен?

— Запах железа, такой кислый, такой острый, так и режет ноздри. К тому же, от этой крови так и разит разложением. Чувствую себя лежащей на помойке жизни...

— Хм, значит моя кровь... — разочарованно протянула она, — его кровь пахнет жизнью, — вампирка шумно повела ноздрями, — Сладкая, пьянящая... в ней столько разных оттенков ароматов... от запаха, похожего на корицу или ванильное мороженное, до запаха

парного мяса. Тепло, едва дымящегося...

Странно, вампирка, помнящая запах ванильного мороженого.

— Что-то я не чувствую всех этих ароматов, — с омерзением произнесла я. — только разложение и железо.

— Значит, у нас с ним нет анемии. Чтоб ему от подагры скончаться! Или анального сифилиса...

— Вы сможете восстановиться без моей крови? — наконец, с языка слетел мучивший вопрос. Все-таки лучше сразу знать, чего ожидать.

— Деточка, мне не нужна твоя кровь, за свои годы я научилась восстанавливаться из куда более удручающего положения, чем пара переломов и разорванных органов.

Насколько я успела заметить, вампирка была молодой, впрочем, возможно это темнота исказила мне все восприятие. В любом случае, голос ее молодой и звенящий, и это слово «деточка», такое материнское и отеческое как-то резанули слух. Как бы то ни было, она не хочет меня убивать и от сердца отлегло.

— Ну вот, кажется, с переломом покончено, — усмехнулась она жизнерадостно, осторожно приподнимаясь, — да, действительно покончено.

Женщина что есть мочи потянулась, как будто бы только что проснулась от долгого и бодрящего сна и теперь ее ждет замечательный день. Из положения снизу-вверх и одним глазом я смогла немного ее рассмотреть. Она была такой же рыжей и кучерявой, как и я. Светлая фарфоровая кожа, нежные голубые глаза. Бог ты мой, да мы разве что не две капли воды. Правда, я не ношу комбинезоны из черной кожи и босоножки на таких высоких каблуках. Хотя, признаться, мне бы пошло.

— Так, что у нас тут? — жизнерадостно спросила она, присев на корточки возле меня, и заглянув мне в лицо, — у-у, да мы с тобой чем-то похожи. Здесь больно?

Она нажала мне в основание спины, и я закричала от боли. Больно? Нет, что вы, это адски! И, видимо, голову поднять я не могла по той же причине. Любое движение сразу же отдавало в основание позвоночника.

— Деточка, кажется у тебя перелом позвоночника, — сделала заключение вампирка, осмотрев ранение более подробно и потыкав в разные части моего тела. Любое ее касание вызывало жгучую боль, — нравится тебе или нет, но если хочешь жить, придется тебе принять внутрь омерзительную, пахнущую гниением и железом жидкость. Или провести остаток жизни в инвалидной коляске.

Зажмурившись, я снова сдерживала слезы. Ну почему со мной всегда так? Хотела помочь, а меня сначала чуть не съели, а в итоге побили. Девушек бить вообще не принято. Раздумывая над предложением вампирки и понимая, что это куда более чем щедрый жест, я понимала, что это лучше, чем всю жизнь кататься на двух колесах. Я просто не смогу жить инвалидом и если это единственный вариант избежать страшной участи... скрепя сердце, едва поборов желание сказать все, что я об этом думаю, я протянула.

— Что со мной будет, если я выпью вашу кровь?

Она улыбнулась и присела рядом со мной на асфальт. В это время суток машин не было совсем, и она явно не опасалась, что кто-то нас застукает. Да и, судя по ранению, тот вампир, несомненно, не скоро встанет на тропу войны снова.

— Ты почувствуешь прилив бодрости. Жизнерадостности. Возможно, твои слух и зрение обострятся на какое-то время, быть может, ты так же приобретешь силу, большую, чем у простого смертного. А самое главное — твои раны затянутся.

— Да вам просто рекламным агентом вампирской крови нужно работать, — выдавила я горькую усмешку, — а я не стану вампиром?

— Нет, сегодня в мои планы не входит поднимать новорожденных, — заверила женщина абсолютно серьезным тоном.

Несколько минут мы молчали. Женщина никуда не спешила, а я принимала важное в своей жизни решение. Вы думаете, что здесь даже не стоит вопрос, выпила и все? Что бы сделали вы, если бы оказались в подобной ситуации? Согласна... подобные не часто случаются. Нет. Я сделаю все, чтобы встать на ноги... все.

— Хорошо, я согласна.

Она улыбнулась и, прокусив свое запястье, протянула мне руку с двумя аккуратными дырочками, из которых еле-еле сочилась алая жидкость. Сглотнув слюну, и зажмурившись, будто бы так я меньше почувствую этот омерзительный запах и вкус, я прильнула к ране и начала медленно всасывать в себя кровь женщины. Сначала меня чуть не вырвало, но я постаралась подавить этот позыв, вспомнив, что это единственный шанс остаться здоровой. Я сделала три больших глотка, как ни странно, после второго глотка я уже не чувствовала ни запаха железа, ни запаха гнили. Я даже вообще не могу сказать, что у крови был какой-то знакомый мне вкус, единственное, что я чувствовала — это одержимость... вовремя спохватившись, я откинула ее руку.

— Тебе нужно еще немного, — добродушно сказала она, по-матерински погладив меня по голове.

— Нет, итак справлюсь, мне уже значительно лучше... это... это сумасшествие какое-то. Безумство... что я делаю, Господи!!!

— Да, некоторые люди действительно сходили с ума от того, что выпивали слишком много крови вампира. Они думали, что таким образом смогут стать одним из нас, как же они заблуждались. Подождем немного, пока кровь не сделает свое дело.

— Это как-то связывает нас?

— Немного. Вампир, чью кровь ты выпила, оказывается, как бы связанным с тобой одной нитью, но эта нить слабеет со временем. Кстати, не удивляйся, если интересное время месяца начнется у тебя чуть раньше. После него с точностью можно сказать, что крови вампира в тебе нет. Но все же связь между нами останется навсегда. Омывая мозг, кровь оставляет часть воспоминаний и ощущений, она превращает вампира, давшего живительную силу в частицу тебя самого. И порой, люди, которые испили из вампира, видят во сне... хм, скажем, достаточно откровенные сценарии с участием нас любимых.

— Ой, только секса с покойниками во сне мне не хватало...

Женщина зычно рассмеялась. Всегда так, сначала говорю, потом думаю.

— Так значит, судя по всему, ты посвященная?

— Не поняла?

— Марк пил твою кровь?

— Аа... ага, к несчастью было дело.

— Ну, раз он оставил тебя в живых, значит, мне не придется тебя убивать, ведь мне бы этого не хотелось. А ночь вы с ним провели?

Я с великим страданием и предвкушением неизбежного, воззрела на новую знакомую и, с тяжелым вздохом, ответила:

— Нет, но он очень просил.

— Марк просил??? Это на него не похоже, — рассмеялась вампирка, — в любом случае

— не соглашайся.

От подобных разговоров и от того, как вампирка держит себя в разговоре со мной, мне стало совершенно не по себе. С одной стороны, я по-настоящему рада, что она не горит желанием осушить меня, взять меня силой, хотя полагаю, вампиры бисексуальны или просто прикончить, но с другой стороны — с чего бы это? Откуда мне знать, что это не какая-нибудь затейливая игра, в которую решила поиграть женщина со своей едой, не зная, чем занять свой век. Не люблю неизвестность!

— Я бы хотела, но возразить смотрителю округа? В любом случае, я перед ним в долгу...

— Серьезно?

— Он сказал, что оставит мне жизнь, но взамен я должна ему ночь.

— Пфф, — отмахнулась она, — ты не нарушишь кодекс, отказав ему. Потому что, оставляя посвященному жизнь, он не делает услуги или одолжения. Он просто решает судебное дело. И с равной степенью он может вынести как смертельный, так и оправдательный приговор. Это просто бизнес, а иногда и закон.

— Ой, как все сложно, я в наших-то законах разобраться не могу, а похоже, придется разбираться еще и в ваших.

— Ну в этом я тебе помогу. Больно здесь?

— Нет, — удивилась я и пошевелила сначала ногами, а затем головой. Боли я совсем не чувствовала и смогла принять сидячее положение. Голову мгновенно закружило, и вампирка подхватила меня, чтобы я не упала и не разбила голову об асфальт.

— Я же сказала, что этого недостаточно, — подняв мое лицо за подбородок, грустно протянула она, — у тебя все лицо в ссадинах!

— Зато я жива. И так я буду помнить, что я — человек!

Она расплылась в довольной улыбке и помогла мне подняться. Не знаю почему, но мне начала безумно нравиться эта вампирка и я радовалась, что спасла ей жизнь. Уж очень надеюсь, что мне не придется горько разочароваться в ней. Я вновь спохватилась, что не слышу мыслей женщины.

— Какое удивительно потрясающее платье. Хочу себе такое же!

— Мой друг дизайнер. Если хотите, мы можем посетить завтра вечером его магазин в Мелфриде, если, конечно, вам некуда идти и вы не откажетесь переночевать у меня.

Сама не веря своим словам, я села в машину и вампирка, выправив небольшую вмятину на капоте, заняла место пассажира, рядом со мной.

— Ты уверена, деточка? Я, как-никак, вампир, — произнесла она изменившимся голосом. Но вряд ли с желанием меня напугать. Просто решила напомнить кто она.

— Тоже мне диво-дивное, — горько усмехнулась я, заводя мотор, — в последнее время я только и делаю, что общаюсь с вампирами. Пойдите, мы ведь даже не познакомились. Я Катилина Астрид Мередит, но можете звать меня просто Кати.

— О, в таком случае, я Мария-Элеонора-Элизабет фон Геттинген. Для тебя, моя дорогая, просто Лиззи. А почему Астрид Мередит? У вас разве дают двойные фамилии?

— Нет, просто Астрид — это фамилия, которую мне дали в приюте. А Мередит — фамилия тетушки, которая меня удочерила. Поскольку мне было уже 15, и я привыкла к Астрид, то получила вторую фамилию. А ваше имя?

— Ой, — отмахнулась она, — За время своего существования я сменила столько амплуа, побывала в разных ролях, от королевы Марии-Элеоноры до пиратки Элизабет, —

рассмеялась она, — моя жизнь полна приключений и мне это безумно нравится.

Да. Глядя на Марию-Элеонору Элизабет, я начинала немного по-другому относиться к вампирам и вечному существованию.

— А на счет того, что произошло. По вампирскому кодексу чести, какое бы существо ни спасло вампиру жизнь, оно становится как бы кредитором вампира. Таким образом, по кодексу чести я перед тобою в долгу за свою спасенную жизнь. «Ох, деточка, если бы ты знала больше».

Эти слова явственно прочитались. Не знаю как, но я снова смогла воспользоваться даром телепатии, который вырвал этот кусок из прочих мыслей.

— А чего я не знаю, и чего не должна знать?

Женщина загадочно на меня посмотрела и, изменившись в лице и образе своем, почти прошептала:

— Кажется, теперь я понимаю, почему Марк сохранил тебе жизнь...

— Он не знает, что я телепат... ну, или не знает наверняка.

— Неужели он так постарел. Что-то я его совсем не узнаю с твоих слов. Наверное, ты действительно особенная. Впрочем, не хочу знать, не говори. Ты мне и такой нравишься! Сама не знаю почему, — вновь повторила она. — Ты забавная.

— Из уст бывшего вампира это звучит как комплемент, — усмехнулась я, поняв, что больше положенного все равно не узнаю, и слишком измождена, чтобы читать мысли вампирки, — думаю, что спасенная жизнь надежная гарантия того, что ты не натворишь бед в моем доме, Лиззи.

Она улыбнулась, заметив, что у меня не возникло проблем с личностным барьером и переходом от «вы» к «ты». Все-таки я прекрасно сознавала, что передо мной не новорожденный.

— Лиззи, а сколько тебе...

— Когда перевалило за тысячу, я перестала считать, — откинув спинку кресла, и включив радио, отвязно улыбнулась женщина. У меня под ногами, казалось, провалился пол.

Остаток дороги мы провели в относительной тишине, поскольку каждой было о чем подумать. Мысли Элизабет я больше не пыталась прочесть, поскольку это отнимает у меня достаточно много сил, а именно их мне сейчас и не хватало. Лиззи немного ерзала, как будто ей было неудобно, но через некоторое время, она вытащила из-под себя шарф Валентина, который я кинула на переднее сидение, совсем забыв о нем.

— Тебе знакома эта вещь? — поинтересовалась я.

— Нет, — сдвинув брови, задумалась женщина, и я заметила, как ее ноздри расширились, вдыхая запах шарфа или ее владельца, — но этот запах... он определенно мне знаком.

— А можешь ли ты сказать — этот шарф принадлежит сверху?

— Однозначно, — буркнула вампирка и, безразлично кинув вещь на заднее сиденье, вновь вольготно растянулась и начала напевать мелодию, которая играла по радио.

Я неслась что было мочи, чтобы рассвет не застал нас в пути, все-таки посмотреть, как моя новая знакомая, к которой, стоит признать, у меня появилась некая симпатия, покроется ожоговыми пузырями и лопнет, заляпав обшивку машины и лобовое стекло... нет, это сверх моих сил сегодня. Содрогнувшись от этой мысли я подловила себя на том, что абсолютно ничего не чувствую по поводу того, что по самое не хочу загнала заостренную бейсбольную битку вампиру в спину... как я могла заколоть живое существо и остаться при этом настолько

равнодушной? Неужели это вновь так действует пресловутый адреналин? Или же кровь Лиззи так повлияла? Нет, признаться, ее кровь хоть и исцелила меня, но полностью обессилила, кажется, мне стало гораздо хуже, чем я ожидала. Впрочем, у меня был перелом позвоночника, так что следовало полагать. Стоп! Вернемся к тому, что я — заколола живое существо!

Нет-нет, секундочку. Живой — это тот, кто дышит, кушает на завтрак яичницу с сосисками и сыром, пьет на фэйв о клоч душистый шалфейный чай с тостом и черничным джемом, занимается сексом и заводит детей, ночью спит, а в конце жизни умирает. Я посмотрела направо. Мария-Элеонора определенно дышала, но начинала уже дремать, поскольку близился рассвет, причем близился катастрофически. Но мы были не так далеко от дома, чтобы бояться, что он нас застанет. К тому же, Александр говорил — рассвет не убивает, а лишь ослабляет. Не берусь судить, вкушает ли она сосиски на завтрак, но чтобы такая женщина сексом не занималась — это навряд ли... нет. Все равно одно это еще не делает ее живым существом.

Таким образом, логический вывод, леди Мередит, вы не закололи в своей жизни ни одно живое существо! Хотя как хрустнуло его тело, принимая в себя острую деревяшку, какое ощущение тугого сопротивления и какой липкий звук разрываемых в ключья органов... Брр.

Я помотала головой, чтобы прогнать от себя неприятные мысли и задала еще один, интересующий меня вопрос, который бы наверняка забыла задать позже. Видите ли, от природы я большая почемучка и болтушка, даже годы приюта не смогли это выбить из меня.

— Лиззи?

— М? — отозвалась она, не открывая глаз и продолжая мурлыкать песенку с довольной улыбкой чеширского кота. Хотя, если и сравнивать эту великолепную женщину с семейством кошачьих, то не иначе как гепард или пантера. Настолько она была изящна и грациозна, даже в такой абсолютно непринужденной позе и обстановке.

— Вы дышите...

Она удивленно приоткрыла левый глаз и, смерив меня ехидной ухмылкой, закрыла обратно.

— Насколько могу судить по наружному осмотру — ты тоже.

— Да нет, вампиры... но вы же мертвы. Почему вы дышите? А если вас задушить?

Мелодичный звонкий смех на секунду повис в машине, но тотчас же растаял. Женщина прекрасно понимала, что в вопросах вампиров я не была подкована и, казалось, ей было интересно и даже любопытно посвятить меня в некоторые аспекты своего бытия. К счастью, она была куда более разговорчива, чем Александр.

— Да, мы дышим. И, не поверишь, наше сердце даже бьется! Не так сильно и не так часто как у людей, но ударов с десятков за один вамдень можно насчитать.

Признаться, я была несколько обескуражена. Вампиры дышат, да еще и сердце у них бьется..., но ведь они же умерли, как все такое возможно?

— А что ты хотела? Если бы не кислород и не сердце, то наша кровь давно бы сошла в ноги, накопилась бы в органах и чем бы мы отличались от настоящего трупа? Так за жертвами не угонишься, — картинно выставив клыки, Лиззи мне подмигнула. — Удар сердца взбивает нашу кровь и заставляет ее сделать круг по организму, разнести по венам и органам новую кровь, омолодить кожу, затянуть раны. Когда вампир ранен, его сердце начинает работать не хуже, чем у живого человека.

— Что-то я уже начала сомневаться, что вы от нас вообще отличаетесь чем-то, кроме пристрастия в еде.

— О, многим, моя дорогая. Мы начисто лишены совести и каких бы то ни было, как вы это называете... а! Чувств! Да и физически, ума не приложу, зачем мне, к примеру, кишечник или поджелудочная железа... ну разве что на тот случай, если меня потянет на человеческую еду. Прости, детка, я так устала.

— Да, мы уже подъехали, — давая сигнал дворецким, которые распахнули перед нами массивные железные ворота, украшенные резным серебряным орнаментом, я подозвала одного из них, — Кристофер, если тетушка будет справляться, я приехала вчера около двух ночи. Про мою спутницу — ни слова.

Получив молчаливый кивок в знак согласия, я проехала вдоль водоема, в котором, еще дремля на плаву, слово листья деревьев, плавали утки и лениво, прячась за крупными листьями кувшинок, квакали жабы.

Лиззи, казалось, понравилось зрелище, представшее нашим глазам. После сегодняшней долгой ночи я совсем по-другому взглянула на наш особняк. За высоким каменным забором и воротами, закрывающими начисто от чужих глаз жизнь, бурлящую в Бенедиктовском поместье, названном так в честь отца леди Кэтрин, скрывался просто райский уголок.

Прямо напротив ворот, метрах в четырехстах, если напрямую через водоем, возвышалось величественное родовое гнездо Мередитов. Именно так я себе представляла всегда жилище вампира. Шик, роскошь с налетом темноты и намеком на жестокость. Ах, ну да, и с привкусом насилия, поскольку во времена, когда в этом поместье жил дедушка леди Кэтрин, в этом самом водоеме утопло несколько служанок. Ну, или точнее им кто-то помог утопиться. Тайна, по сей день покрытая мраком, но с тех пор, как мне это стало известно, я купаюсь в общественном бассейне или же в Мелсуотен-брейг, когда она наиболее благосклонна пустить мелфридян на свои пляжи.

Справа и слева от водоема, к поместью вела неширокая гравийная дорожка для машин, так что с легкостью можно было устраивать приемы, не опасаясь пробок. Ха-ха. За домом, для таких случаев, имелась достаточно вместительная стоянка. А что находилось за гравийными дорожками, просто не поддается описанию. Скажу лишь — это были великолепные сады, возведенные и взлелеянные еще первооснователями Бенедиктушки, как я ласково и иронично называла иногда место, где живу.

К счастью, я не заметила, чтобы в окнах зажегся свет, да и тетушка не любит вставать раньше полудня, что сейчас абсолютно на руку. В полумраке мы подъехали к крыльцу, освещенному парочкой активно потрескивающих факелов. Помнится, я говорила, что мое семейство не очень одобряет такое порождение сатаны, как современные изобретения. И лампочки тоже причислены к таковым.

Припарковавшись, мы вышли. Я не забыла прихватить с собой шарф Валентина, чтобы поработать с ним завтра. Проведя нас через черный вход, и дав указание встрепенувшейся Бэтти, что она нас не видела сейчас, ведь мы вернулись около двух. Точнее, я одна. Про Лиззи ни слова. Понятливо кивнув, гувернантка направилась спать, а мы на цыпочках прокрались на второй этаж по массивной лестнице из темно-красного дерева, обильно покрытого лаком и, для надежности и безопасности, застеленного красной ковровой дорожкой, с вышитым на ней узором из золотых ниток.

Пробравшись наверх, можно было расслабиться. Тетушка занимала первый этаж, Изабель третий, а в моем распоряжении был весь второй. Собственно, в нем я занимала

только три комнаты — это моя спальня, библиотека и, так сказать, что-то вроде рабочего кабинета, где стоял компьютер, небольшое, по сравнению с роялем на первом этаже, пианино, шкаф с наиболее излюбленными или ожидавшими очереди книгами и еще пара вещей. Собственно, мне очень нравилась эта комнатка, особенно в летние дни. Я любила выходить на уютный балкончик, включив приятную музыку, и тратить часы за чтением. Вот это было действительно наслаждением, учитывая погоду, открывавшийся вид и мою страсть к книгам, которую никак нельзя было удовлетворить в приюте.

Но вернемся к Лиззи.

— Какие тебе нужны условия для сна? — справилась я, подыскивая подходящую комнату на своем этаже. В половине из них не бывал никто и ни разу, включая меня. Точней, прислуга время от времени там прибиралась, чтобы не было излишней пыли, картинно свисающей паутины и затхлого запаха.

— Кровать, одеяло, простынь... — начала женщина с улыбкой.

— Понятно, — слишком усталая, чтобы оценить силу юмора, я открыла очередную комнатку. Она была практически в другом крыле от моей, и стоило надеяться, что в нее точно никто ненароком не заглянет днем и не откроет с радостным воплем «с добрым утром!» шторы, впуская палящее солнце. — Ну как? Кровать, постельное белье, в шкафу наверняка найдется, во что переодеться на ночь, там же полотенца, — все-таки для надежности раскрыв шкаф, перечисляла я. — тут душ, за этой дверью, — заглянув, я убедилась в своих пророческих возможностях, — надеюсь, работает. Шторы достаточно плотные, но лучше укройся с головой, хотя это не солнечная сторона так что, думаю, все будет окей.

Комнатка была замечательная. Я даже сама удивилась, почему живу не в ней, а в своей, которая в два раза больше, более пустая и безжизненная. Здесь же все было компактно и уютно. Тяжелые шторы темно-малахитового цвета, спускались до самого пола, дамский туалет с зеркалом в очень красивой раме, напомнил мне о временах Мерлин Монро. Я даже представила ее сидящей здесь, на этом маленьком пуфике и пудрящей щечки именно такой вот пудреницей, которая и стояла на нем. В общем-то, после смерти предков их вещи никем не разбирались и использовались либо нами, либо гостями. Не знаю, насколько это правильно. Не хочу думать об этом.

— Спасибо, Катилина. Все просто замечательно, — подмигнула Лиззи, и я закрыла дверь, шлепая в свою комнату.

Сон, он такой мягкий и пушистый, вы никогда не замечали? Как пекинес или пудель, ласковый такой, отзывчивый, с мокрым носом.

— Да дайте ж мне заснуть по-человечески, — недовольно пробурчала я, натягивая одеяло, которое с меня только что стянули. Не успела лечь, как уже пытаются растолкать.

— Женщина. Уже второй час, если ты будешь столько дрыхнуть, у тебя глаза станут такие же, как задница у шестидесятилетней миссис Норрисон до подтяжки. А ты помнишь прекрасно, какие уши спаниеля там болтались.

Я недовольно высунула из-под подушки один глаз и уставилась на Нефрита. Этого мужчину невозможно спутать ни с кем другим. Он был в ярко-красных, в шотландскую клетку штанах, чуть расширенных на бедрах и немного суженных книзу. Это великолепие держал на себе широкий, с не менее широкой же черной бляшкой ремень, а сверху небрежно накинутая в цвет клеток, темная майка. На шее нефрита по привычке, помимо моего камня, болталась еще куча дребедени, а голову украшала бондана, которая так шла к его красивым

раскосым глазам и подчеркивала его гомосексуальность.

— Ну, и что же тебе надобно, сын мой? Надеюсь, причина действительно стоящая...

Оторвавшись от созерцания залитой солнцем весенней улицы, Нефрит повернулся ко мне.

— О, святой Педру Хуан Сальваторе! Женщина, что у тебя с лицом? — мужчина, словно отобрал леденец у младенца, сорвал с моей головы подушку, и я осталась лежать растрепанная, полуголая и не выспавшаяся.

— Если я скажу, что вчера в галерее неудачно упала с лестницы, ты мне поверишь? — осторожно спросила я.

— Да чтоб у меня яйца отсохли, если это правда!

Я, что было мочи, потянулась. Как здорово было осознавать, что, несмотря на то, что мое лицо в ссадинах, позвоночник на месте жив-здоров, цветет и пахнет, и выдержит положенные пять тонн не знаю при каком там правильном применении... но этого знать Нефриту совсем не обязательно. Подумаешь, упала неправильно на асфальт, бывало в моем детстве и похуже.

— И вообще, видел я твои похождения в галерее! — он хитро мне подмигнул, — Я же говорил, что парень разденет тебя прямо там.

— Ты это откуда узнал? — я аж проснулась на мгновение и уставилась на гостя.

— На первой полосе всех ежедневных газет ваше милое фото. Жаль, такой лакомый кусочек был... — Нефрит вновь задумчиво уставился за окно.

Что-то не думаю, что прекрасный голубец явился ко мне самолично известить о том, что моя физия украсила собою обложки всех газет. Ой, только бы про платье не вспомнил... если он увидит то, что от него осталось, я же подвергнусь публичному пристыжению и буду занесена в список преступников моды.

— Чего тебе, все-таки, надобно, золотая рыбка?

— Вообще-то я пришел к горгоне, — вновь выглядывая кого-то в окно, протянул озадаченно Нефрит.

— Какой горгоне? — толком не проснувшись, я почесала лохматую голову. — Леди Кэтрин что ли?

— Да, к леди Кэтрин, — мужчина был явно чем-то озабочен и достаточно рассеян. — С твоим лицом определено что-то нужно сделать.

— Ну, что тут сделаешь, — я развела руками и медленно скатилась с кровати на пол, никак решительно не находя сил на то, чтобы проснуться. — Кстати, вечером я заскочу к тебе со своей новой подругой, Лиззи. Думаю, она тебе понравится. Хочет прикупить парочку нарядов, не окажешь чести?

— А? — обернулся мужчина, не слыша моих слов.

В него тут же полетела подушка, и мои рассерженные глаза удостоили его таким возмущенным взглядом, на какой только были способны.

— У тебя какие-то проблемы, чувак?

— Да не то слово, я просто по самые помидоры увяз... — вновь маяча из окна, волновался он.

— Чем-то могу помочь? — уперев щеку в ладонь, я беспристрастно воззрела на моего любимого мужеложца.

— Слушай, — присев ко мне на корточки, взволнованно начал он, — можно перекантоваться у тебя пару дней? Просто, боюсь, опасно мне домой возвращаться. Уверяю,

хлопот не доставлю, парней водить не буду, пьяные оргии под запретом, наркоточку не открою, дом не спалю...

— Не заболел ли ты часом, дорогой? — раз уж Нефрит ручается такими жертвами, дело действительно нешуточное. Что скрывать, он не был мальчиком-паинькой. В приюте ему здорово доставалось за то, что он «петух». И он всегда, до своего совершеннолетия оставался бессменным «петухом». К слову, таким прозвищем в приюте называли так сказать, отверженного. Того, над кем постоянно издевались, в которого постоянно швырялись чем попало, которому подкидывали жаб в постель, а с возрастом увеличилась и жестокость детдомовских детей. Нефрита часто избивали, портили его одежду, воровали заработанные им деньги. И, признаться, чтобы выжить ему приходилось совершать множество не очень хороших поступков. Слишком рано он начал торговать наркотой. Экстези, ЛСД, амфетамин и прочее. К счастью, если можно это так назвать, толкать более тяжелые он наотрез отказывался. И сейчас я думала, что у него проблемы именно с наркодиллерами, жаль, что не получается читать его мысли. Впрочем, в детстве он слегка и приворовывал, нанимался в «эскорт» богатеньким папикам, которые любили экзотику. Что ж, все это за Нефритом водилось. Но несмотря ни на что, он всегда был моим самым преданным другом и мы пережили с ним столько вещей, которые далеко не пахли фиалками, что нет человека, которому бы я могла доверять больше, чем ему.

— Слышала о кицунэ?

— Ты под кайфом? — я присмотрелась к мужчине. Он никогда не питал страсти к наркотикам или алкоголю, всегда вел трезвый образ жизни, если образ жизни подобно его можно вообще назвать трезвым. Но такое обилие непонятных слов при подозрительном поведении настораживало.

— Брось, Кати. Ладно. Я сейчас помогу тебе замазать твою красоту и пойду к Горгоне.

— Ладно, — безропотно повторила я, прекрасно зная, что если Нефрит захочет рассказать — он расскажет. И что бездумно втягивать меня в чужую кашу не станет. Потому как мне бы со своей кашей бы разобраться, — и на счет перекантоваться. Конечно, без проблем.

— Женщина, — он посмотрел на меня как никогда с серьезно и небывалой благодарностью, как будто в последний раз, — я тебя просто обожаю!

Одарив Нефрита улыбкой, я поплелась за ним в ванную комнату, где он, будучи шикарным визажистом, помог мне наложить такой слой косметики, который я никогда раньше себе не накладывала. Признаться, я была как фарфоровая кукла, с почти прозрачной кожей и розовыми щечками, теперь же моя кожа стала матово-белая, как у французских дамочек а-ля я-пекла-пирог-упала-в-муку. Теперь я знаю, что носит с собой в сумочке этот парень.

— Мы оба скрываем тайну, — начал мужчина, аккуратно втирая теплыми пальцами крем в мою кожу.

— И оба не очень хотим ею делиться, — заметила я. — Может быть это одна и та же?

Он едва слышно горько рассмеялся. Хм.

Больше мы не проронили ни слова на эту тему, понимая, что оберегаем друг друга. И впрямь, чем больше людей знает о вампирах и о том, что за ними кто-то охотится, тем больше людей находится в опасности. А раз у Нефрита и у меня без того проблемы, зачем их удваивать? Пускай прячется у меня, отсидится, и, глядишь, его наркодиллеры смилостивятся. Если это вообще наркодиллеры. Да и вообще, может его наркодиллеры побьют моих

вампиров, или наоборот, и тогда проблема так сказать, самоустранится.

— Все, красotka. Теперь уже сносно и есть шанс, что престарелая миссис Мередит слаба зрением и не заметит то, что ты скрываешь.

— Отлично, спасибо, Нефрит. Береги себя и приходи, когда тебе только заблагорассудится. Тетушка не будет против, она сказала, что второй этаж — мой.

Я быстро переоделась в домашнее — длинный шелковый халат в цветных разводах и спустилась вслед за мужчиной вниз, на кухню. Все-таки я не вампир и безумно хочу есть, а тетушка не приемлет, когда в доме разгуливают в одном нижнем белье, либо помятой ночнушке, потому даже халаты наши были как изысканные вечерние платья.

Нефрит и тетушка сидели в углу просторной гостиной, которая по совместительству была и столовой, но по оформлению разделена на несколько зон. Камин спокойно и умиротворяющее потрескивал. Мне не было слышно, о чем так обеспокоенно толкуют мои знакомые, да и не особо хотелось знать. Хотя, достаточно забавно, что Нефрит явился к ней, а не ко мне. Впервые вижу, чтобы у них были какие-то совместные дела.

— Бэтти, — позвала я свою гувернантку, которая сегодня, видимо, заменяла Клариссу, нашу домработницу. — Где Кларисса?

— У нее ребенок заболел, — встревожилась она, поглядывая на леди Кэтрин. Да что ж тут все такие скрытные и обеспокоенные, одной мне все до фени, как обычно. Ну да, бегает, возможно, за мной вампир, но днем и тем более, пока я дома, ему не дотянуть до меня свои клыки, какими длинными и кровожадными бы они ни были. Катилина, гроза нетопырей, — усмехнулась я.

— Ой, ну это грустно. Мы можем ей чем-то помочь? — старалась выглядеть участливо.

— Успокойте леди Кэтрин, чтобы она не волновалась, и этим вы нам всем очень поможете, — серьезно и полупшепотом попросила Бэтти, наливая мне чашечку кофе. Бэтти... сколько же ей было лет? Она выглядела лет на 45, как и моя тетя, но была проста, как теорема Пифагора. Если только сумма квадратов катетов каким-нибудь образом не может быть равна квадрату гипотенузы..., но мне все-таки хотелось думать, что это единственный простой, наивный и действительно обеспокоенный нами человек в доме.

— А где Изабелла? — действительно, моей сестрицы не было. Обычно я всегда считала, что у леди Кэтрин от природы вырос хвост. И этот хвост иногда называли Изабеллой, и даже изредка обращались лично к нему, однако сегодня ее нигде не было.

— Она еще на рассвете уехала в Рантон по поручению тетушки. К ее сестре.

— К Эвриле? — удивилась я, подув на горячий кофе и снимая ложечкой пенку, — слышала, что она мальчика... того, — я покрутила ложкой у виска. Заметив встревоженный взгляд леди Кэтрин, отсалютировала ей ручкой. Что-то у всех в этом доме сплошные проблемы. Сестрица свалила к полоумной матушке, или как ее там по дереву, Бэтти тревожится за леди Кэтрин, леди Кэтрин тревожится за Нефрита, Нефрит тревожится за меня, а я ни за кого не тревожусь и ржу над ситуацией. Хотя нет, я очень тревожусь за Лину, но думаю, умная девочка сможет справиться со всеми проблемами, а не сможет, так поможем.

Бэтти пожала плечами на мое замечание о блаженности Эврилы. Нет, не то чтобы она прямо олух царя небесного... хотя... в общем, если даже моя леди Кэтрин не смогла ужиться с ней под одной крышей дольше двух недель, а мы и подавно вешались и сходили от нее с ума, то тут и говорить нечего. Меня даже передернуло, когда я вспомнила 80 килограмм мяса на обеденном столе в 12 часов ночи, отплясывающих под барабаны танец поклонения

богине Коатликуэ. Это каким извращенным умом нужно обладать, чтобы придумать для поклонения богиню с таким имечком? Пфф.

Что ж, пора бы разделаться с завтраком, плавно перетекающим в поздний обед, и усесться за статью. Если я сегодня этого не сделаю, то завтра, возможно, уже и некому будет делать. У меня на секунду все съежилось в животе, но затем раскатилось щекочущей волной по телу. Ну, да и то хлеб.

Вот он — цветочный рабочий стол компьютера, с которым мы проводим вместе очень редкие часы и общаемся преимущественно на Вы и с отчеством. Его величество не-умеешь-работать-так-не-суйся и ее величество куда-ж-тебя-тыкнуть-чтоб-включился, все-таки встретились и, кажется, начали робкое общение. Отыскав документ, в котором можно написать текст статьи, я нажала энтер и задумалась. Чтобы такого написать про выставку? С чего начать? С того, что она была скучна, пока не появился вампир? Или с того, что мы целовались долго и страстно?

Хм...

Изоolda. Красота, слившаяся с вечностью...

Целый заголовок. Так, уже что-то. Дело движется быстрее, чем я ожидала. В этот момент безумно захотелось позвонить Александру. Но куда? В Октавианский дворец? И кто мне ответит? Сонный вампир? Сомневаюсь, что днем они вообще способны встать, иначе это в пух и прах разобьет все представления о вампирах, которые я имела на момент первой встречи с одним из них. С трудом подавив желание пробраться в комнату Лиззи, и подсмотреть одним глазком, как она спит, я невероятным усилием вернула свои мысли на написание статьи. Сосредоточилась. Поймала за хвост какую-то гениальную, но шаткую мысль, постоянно ускользящую... вот она, сейчас рожу...

— Вот шайтан окаянный! Кого порвать? — ошалело крикнула я в трубку, злая на весь белый свет, что моя охота за гениальной мыслью провалилась с треском.

— Кати? — из трубки донесся зареванный голос Лины.

По ходу у этой девицы все намного хуже, чем я могла себе представлять.

— Да, Лина, что случилось? Ты в порядке? Он тебя не тронул?

— Кати, я не помню, как я оказалась здесь, — она рыдала в трубку так, что я еле разбираю произносимые ею слова. — Помню, позвонил Валентин, сказал, что с ним случился несчастный случай и его не будет некоторое время, а потом я оказалась... здесь... я не помню, как я тут очутилась.

— Успокойся, Лина... перво-наперво успокойся. Все будет хорошо, слышишь меня? Я тебя вытащу! Где ты? Опиши место?

— Кажется, это какой-то подвал... тут сыро... я не знаю, что мне делать...

— Ты пробовала оттуда выбраться? — я не пыталась поставить Лину в неловкое положение этим вопросом. Чаще всего, когда человеком руководит паника, он не в состоянии трезво соображать и мне так часто не хватало, чтобы в такие минуты рядом оказался кто-нибудь сильный, способный заставить мысли идти стройным, спокойным рядом в нужном направлении.

— Нет, я очнулась и сразу позвонила тебе, что мне делать?

— Там сильно темно?

— Да, я почти ничего не вижу, — пытаюсь успокоиться, проревела она, и я услышала, как подруга налетела на какой-то железный предмет, который грохнулся и оглушил помещение гулким эхом. По мне так там темнее некуда.

— Может быть, в подвал откуда-нибудь проникает свет? Посмотри внимательно...

Она на минуту застыла. Я слышала, что она судорожно перебирала ногами, я прямо видела, как женщина, расширив глаза, вглядывалась в темноту, пытаясь не сойти с ума от страха.

— Да, вижу... лучик света из стены...

— Иди туда. Что ты видишь? Что это?

— Это щель, похоже, это дверь! Тут на ощупь дерево, маленькая щель.

— Попробуй найти замок, раз есть щель, значит, ты должна увидеть снаружи замок, или щеколду...

Лина изо всех сил боролась, чтобы не закричать от ужаса, я слышала это по тому, как усиленно она всхлипывала, и как воздух со свистом врвался в ее ноздри.

— Там шпингалет...

— Постарайся поддеть его чем-нибудь! — я закусывала нижнюю губу от бессилия. Вопросы и просто присутствие на линии, для создания ощущения того, что мы вместе и мы всеильны — это все, что я могла дать ей в тот момент. Как бы я хотела оказаться рядом, как супермен, который в самый нужный момент обязательно где-нибудь шляется...

— Я положу трубку на пол, только умоляю, не отключайся! — взмолилась Лина.

— Ни в коем случае...

Грохот и шорканье ног о, кажется, каменный пол — это все, что я слышала. Женщина отчаянно боролась за свое право жить на этом свете. Она пыталась поддеть и зацепить железную задвижку, которая была закрыта снаружи и пока ей это не очень удавалось.

Прошло около 10 минут, но я не смела положить трубку, лишь молилась, и прочитала все молитвы, какие только знала. А молилась об одном — что бы тот, кто похитил ее, не явился снова, чтобы проведать свою жертву. Лина начинала кричать и ругаться, борясь с дверью и, наконец, я услышала радостный стон облегчения.

— Я это сделала... — вновь обливаясь слезами, простонала подруга.

— Милая, а теперь ноги в руки и беги, беги так быстро, как никогда еще не бегала, родная, я с тобой! Найди трассу и направляйся в Мелфрид. Позвони, как будешь на подъезде, я встречу тебя. Родная, все будет хорошо, я верю в тебя.

— Кати...

— Я знаю.

Послышались гудки, и мне оставалось надеяться лишь на то, что она сможет добраться до трассы.

Все отголоски гениальных мыслей относительно статьи, окончательно пропали. Ладно, на худой конец, «Время Мелфрид» газета еженедельная и сдать статью мне нужно не позже, чем послезавтра. Так что успею еще написать.

Раздался очередной телефонный звонок и я, не мешкая, схватила трубку, будучи уверена, что это Лина:

— Тебе удалось вырваться?

— Куда вырваться? — послышался недоумевающий голос Кайла.

— Эм... ой, сори. Думала, что это кое-кто другой.

— А когда целовала хозяина выставки, то тоже думала, что это кое-кто другой? — с сарказмом протянул мужчина.

— Ой, вот здесь вы правы на все сто! — с заядлым энтузиазмом я подтвердила его слова.

— Хм, в общем, ты отлично пропиарила нашу газету. Александр известен далеко за пределами Мелфрида и даже Эйтингейла, — вот так-так, — так что у меня просто телефон разрывается от звонков. Все просят продать им ваши фото, договариваются об интервью с тобой. Естественно, я могу диктовать свои условия таким газетам, как «Вестник Эйтингейл» и «Первые лица». Как на счет сегодняшнего вечера для интервью?

— Кайл, я не уверена что...

— Вот и отлично. В 20 вечера в баре «у Каплана». Я специально выбрал место. Блеснешь заодно перед своим бывшим боссом.

Ой... и встречу заодно с так сильно любившей меня официанткой.

С другой стороны, почему бы и нет? Посетим с Лиззи Нефрита, зайдём выпить чашечку кофе, ответим на пару вопросов, а заодно и обсудим, как нам дальше поступить.

Бар «У Каплана» — место, в котором просто не могло быть сверхов. Уверена, проработав там энное количество времени, я руку бы на отсечение отдала, поскольку на лицах посетителей было так очевидно написано «моральный урод», «лживая сука», «трахни меня», «сороклетный девственник» и т. д., что ни один нормальный персонаж в здравом уме туда не сунется. Бар «У Каплана» — это убогое место для таких же убогих. Впрочем, нужно же им где-то собираться вместе и делиться новыми тенденциями в мире убожества?

Те, кто к чему-то стремился, либо имел хотя бы маломальскую, но цель в жизни, посещали иные места. К примеру, у нас было кафе «Элиот», либо Октавианский дворец, в который частенько приезжал театр, либо опера, либо местные устраивали традиционные выставки картин и фотографий, или иной местной самодеятельности, а еще ежемесячно Мелфридiane выходили на берег Мелсуотен-брейг и устраивали всем городом большую пляжную вечеринку в честь начала лета. Начиналась она днем, часа в два, после того, как по всему городу прокатится волна «Весенних очисток» и ненужные вещи, выуженные из закров одной семьи, по дешевке перекачуют в закрома другой семьи. Это был традиционный круговорот, во время которого можно было завести очень редкие, но новые знакомства. Поскольку все итак друг друга знали, можно было обмениваться новостями, и пр. А вечером, творилось нечто совершенно грандиозное на берегу Мелсуотен-брейг, которая по обыкновению в этот день была тиха и покладиста, и после всегородского празднества, с выпечкой, салатами и выпивкой, по реке пускали венки с первыми летними цветами и свечами. Это было поистине красивое зрелище. Особенно с моста. Смотреть, как необыкновенно тихая и покладистая Мелсуотен наполнена сотнями трепещущих светлячков, безмятежно тянущихся к горизонту.

Но в любом случае, до этого распрекрасного события оставалось еще около пары месяцев и пока что в повестке дня стояли события куда менее прекрасные.

Закрыв документ, я вспомнила, что хотела посмотреть кое-что в интернете. Точнее, мне было интересно узнать очень многое, но поскольку времени было в обрез, я начала с последнего. А именно, со слов Нефрита, который говорил про...

— Цикорий! — уверенно произнесла я, вводя в поисковике слово и нажимая «Поиск».

«Трава... Цикорий обыкновенный — хороший медонос, дает много нектара и пыльцы. А корень цикория, благодаря наличию легкоусвояемых веществ, служит ценным продуктом питания, особенно для диабетиков, широко применяется при приготовлении конфет и тортов...»

Бред какой-то. При чем тут цикорий... это было какое-то странное и заковыристое слово, которое, наверняка, имеет такое же заковыристое значение.

Коцуний! Искомая комбинация нигде не встречается... так, нет, по-моему, он что-то говорил... типа нэцкэ. Цэкунэ, некуци, цикун, конуц, цонек... казалось, я перебрала все варианты, которые только могла. Либо выходила бессвязная ерунда, либо искомая комбинация слов является порождением воображения пользователя...

— Все. Последний вариант! Коцунэ!

Возможно, вы имели в виду Кицунэ. Ишь, какая умная машина. Возможно, и имела, — подумала я, и прошла по предложенной ссылке.

«— Чернобурка? Это лиса, что ли?»

— Лиса... Девятихвостая. Оборотень. Тыщу лет прожила! Такое творила... Не одна сотня мужиков по ее милости раньше срока окочурилась!..Да и то сказать: замки заперты, решетки целы, а Чернобурки нет! Кто виноват? ...Я, что ли, ее стеречь должен?! Я только приказ об аресте оформлял! Вот, грозятся устроить мне земное перерождение, чтоб я ее и ловил! А почему я? Сексуальные преступления — это вообще не по моему ведомству!»

Г. Л. Олди «Мессия очищает диск»

Что за чертовщина? Ничего непонятно. Я прошла по другой ссылке. Хотя, сексуальные преступления, это как раз по части Нефрита. Он частенько играл с огнем.

«В японском фольклоре эти животные обладают большими знаниями, длинной жизнью и магическими способностями. Главная среди них — способность принять форму человека; лиса, по преданиям, учится делать это по достижении определённого возраста (обычно сто лет, хотя в некоторых легендах — пятьдесят). Кицунэ обычно принимают облик обольстительной красавицы, симпатичной молодой девушки, но иногда оборачиваются и стариками. Надо отметить, что в японской мифологии произошло смешение коренных японских поверий, характеризовавших лису как атрибут бога и китайских, считавших лис оборотнями, родом, близким к демонам!».

Так. Что-то я не понимаю. Кроме оборотней и вампиров еще и кицунэ какие-то существуют? На Нефрита это не похоже, да и, кажется, вряд ли бы он мог стать оборотнем. Или демоном, или кто они вообще эти лисы. Но раз он о них заикнулся, значит с ними что-то связано.

С минуту я размышляла, а так ли мне вообще нужно знать то, что я пытаюсь разведать? Решив, что нет, я с облегчением выключила компьютер и пошла в свою комнату. Проходя мимо лестницы, я заметила, как по ней на первый этаж спускают статую, покрытую белой простыней. Этот дом становится все интересней и интересней.

Дойдя до комнаты, я соизволила чуток прибраться. Во всяком разе, подушка под столом — это некрасиво, а одеяло как минимум должно лежать на кровати. Все-таки у меня гости. И, кажется, их уже скоро будет трое. К тому же, нужно было чем-то себя занять, иначе бы я просто с ума сошла от ожидания звонка Лины. Заскочив в джинсы и надев обтягивающий топ, я спустилась вниз, выпить чаю и закусить чем-нибудь сладким, потому что ожидание

стало меня нервировать. Положив на стол сотовый и ключи от машины, я отпила сладкого душистого липового чая, как вдруг услышала плач.

Обернувшись, я не заметила никого, кто мог бы его издавать. Леди Кэтрин и Нефрит, как сказала, наливая чай Бэтти, ушли в библиотеку. Изабелла так и не вернулась из Рантона, а Лиззи еще не встала. Бэтти была на взводе. С чего бы это?

Плач вновь повторился, на этот раз настойчивей. Оглянувшись еще раз, но уже придирчивей, я вновь не заметила никого. Заглянула на кухню, в комнатку прислуги, в летнюю опочивальню леди Кэтрин — нигде никого не было, кто бы мог издавать звук, хоть отдаленно напоминающий плач.

Когда же я умру? Когда? Матушка, отпусти меня, прошу!

На этот раз послышались слова. Шепот, отчаянный шепот. Кто так страстно хотел умереть в нашем доме, мне так и не было до конца понятно, подумав, что у нас, Боже упаси, еще и призрак завелся, я даже струхнула. Хотя, чего мне опасаться после вампиров? Все же в детстве, каждый раз, когда бежала из туалета в кровать, радовалась, что меня не съели...

Голос усиливался и, кажется, я начала понимать с какой стороны он доносится, но когда в комнату вошли встревоженная леди Кэтрин и Нефрит, едва ли не зеленого цвета кожи, то все голоса вмиг прекратились, прервав любую возможность найти их источник.

— Леди Кэтрин, у нас в доме призраков или барабашек не водится? — задорно спросила я, чтобы поднять им настроение и растормошить эти скисшие физии.

— Каких еще призраков? Здесь по определению не может быть призраков! — раздраженно начала она, — тут все заговорено еще со времен сотворения замка!

Хмуро сдвинув брови, я поняла, что мир сверхъестественного, казавшийся сказкой и вымыслом был всегда намного ближе, чем мне то казалось. И как бы леди Кэтрин, спохватившись, ни пыталась исправить положение и отшутиться, я уже прекрасно понимала, что она осведомлена о мире сверхов и Нефрит, по ходу дела, тоже. И они знали это прекрасно еще до того, как узнала я, тем не менее, оберегали меня от столько опасного, но интересного знания. Сложно сказать, какие чувства преобладали — обида или благодарность, но, взяв ключи и телефон, я развернулась на каблуках и пошла вновь в свою комнату, решив первая позвонить Лине.

К счастью, не успев добраться до комнаты, я услышала звонок в дверь и стремглав кинулась открывать. На пороге стояла перепуганная Лина, а за окном в вечерней дреме начинали сгущаться тучи. Лина была вся мокрая и дрожала, не то от холода, не то от леденящего страха. Я заключила подругу в крепкие объятия и прижала к своей груди, чтобы она, наконец, почувствовала себя в полной безопасности. Лина рыдала, и я знала, что больше всего ей сейчас нужен сон.

— Бог мой, милая, — поспешила к нам леди Кэтрин, — что же с тобой такое случилось? Бэтти, Бэтти, немедленно приготовь чай с ромашкой!

— Женщина, ты выглядишь так, будто бежала сюда от самой Японской границы...

Вокруг нас с Линой начинала собираться толпа из бегающей прислуги, и суетящихся родственников и друзей семьи.

— Так, тихо! — прикрикнула я, — Лине нужен покой. Пойдем, я отведу тебя наверх.

Выделив подруге комнатку поближе к моей, я хлопотала, пока женщина принимала ванну. Горячая вода с эфирным маслом эвкалипта и мяты — это то, что нужно для расслабления. И после всех передрыг, я прекрасно понимала, как нужно принять ванну, чтобы смыть с себя всю ментальную грязь, которая давит со всех сторон. А разговоры....

Нет, в такой момент слова не нужны. Нужна тишина и единение.

Приготовив постель, я помогла Лине переодеться и прилечь. Одеяло тяжелым пушистым облаком накрыло уставшую женщину.

— Сейчас я принесу тебе чай, попьешь, поспишь, и наутро станет легче. Тогда и поговорим, хорошо, родная?

— Спасибо, — одними губами сказала она, закрывая глаза.

Спустившись вниз, я пулей понеслась на кухню. Леди Кэтрин остановила меня, оторвавшись от беседы с Нефритом. И справилась о причинах столь плачевного состояния моей подруги. Она всегда любила Лину как одну из нас. Считала ее третьей племянницей, и время от времени финансово участвовала в делах ее семьи. Да, у Лины были родственники, но относились, скажем, к самым низким слоям общества и не только по социальному статусу. Потому я полностью поддержала стремление подруги переехать в другой город и жить отдельно от семьи и позора отца, который кидал тень на репутацию подруги.

— Леди Кэтрин, я отнесу ей чаю, а назавтра она нам сама все расскажет, поверьте, я знаю не больше вашего. Как Нефрит?

Притворившись внезапно оглохшей, тетушка вернулась к моему другу. Как удобно быть старой каргой, — злобно подумала я, но быстро остыла. В конце-то концов, сама недавно думала, что не хочу взваливать на свои плечи еще большие заботы. Мне нравилась моя тихая и размеренная жизнь. Обойдусь без дополнительных приключений.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Бэтти протянула мне большую глиняную чашку с благоухающей жидкостью, и я осторожно понесла ее в комнатку подруги.

Отворив двери, я чуть не пролила чай. Над женщиной склонилась вампирка.

— Элизабет, что ты такое...

— Тсс, — зашипела она, приложив палец к губам, — не видишь — она уснула.

— Боже мой, прости. Но что я должна была думать, увидев тебя, склонившуюся над моей подругой, — я поставила чашку на прикроватную тумбочку и присела на корточки рядом с вампиршей. Даже во сне у Лины было перепуганное и встревоженное выражение лица. Мне было действительно жаль ее. Столько трудностей свалилось на плечи. Почему трудно только хорошим людям? А плохим все дается с лихвой? Где же она — вселенская справедливость, где добро возвращается добром?

— Ею питались, — известила Лиззи, — это меня и насторожило.

— Вампир? — встрепенулась я.

— Не уверена... — лицо женщины выражало крайнюю степень озабоченности, если это можно было так назвать. Подобное выражение на лице тысячелетнего вампира повергало меня в пучину хаоса, — здесь что-то совершенно иного рода.

— Поделишься? — поинтересовалась я, не до конца уверенная, что мне следует знать.

— Мы вроде бы хотели заглянуть к твоему другу? Давай сначала расслабимся, а потом поговорим, окей?

Она вышла из комнаты прежде, чем я успела дать свое согласие. Она так же вышла из комнаты прежде, чем я поняла, что вампирка в черном кожаном комбинезоне, на высоких каблуках и очень похожа на меня. Надеюсь, Леди Кэтрин не хватит удар.

— Катилина Астрид Мередит!!! — взвизгнула тетя.

Ну да, как пить дать, решила, что это я сменила имидж.

— Тетушка, я здесь, — вприпрыжку спускаясь с лестницы, я встала слева от сияющей

Лиззи. Женщина излучала такой позитив, такие эмоции, что едва ли не вибрировала. Они с тетушкой сцепились взглядами. Леди Кэтрин была крайне встревожена, а Лиззи едва ли не смеялась. Затем она взглянула на Нефрита.

— Мм, твой друг-дизайнер? — осведомилась она.

— Да, леди Кэтрин, это Элизабет, Элизабет, это леди Кэтрин, — женщины поприветствовали друг друга, но между ними явно что-то было. Думаю, что обе они успели сложить друг о друге определенное мнение. Наверняка, леди Кэтрин подумала что-то вроде «Эта девица выглядит просто вульгарно. Если бы леди Мередит вырядилась в подобное, я бы незамедлительно до конца дней ее, заперла бы в башне замка», а Лиззи, наверняка, что-то наподобие «какая милая аппетитная старушка».

— Нефрит, — представился друг, учтиво чмокнув прохладную руку вампирки. Эх, знал бы он, кто она. Впрочем, ему же лучше, что не знает.

— Очень приятно, — расплылась лучезарная женщина, и, поведя носом, добавила, — какой милый зверек. Если бы знала, привела бы знакомую сучку.

— Сожалею, но я больше по кабелям, — подмигнул Нефрит.

Выражение лица леди Кэтрин нужно было запечатлеть. Я очень сожалела, что в нашем доме был один-единственный фотоаппарат, но далеко. Собственно, он был ничуть не моложе самой хозяйки дома и для того, чтобы запечатлеть свое изображение, нужно было вытерпеть 15 минут перед объективом без единого движения, иначе кадр может смазаться. Раритет.

— Полагаю, нам всем пора отправляться. Нефрит, это та самая подруга, о которой я тебе говорила.

— Только вот, почему-то, я о ней ничего не слышала.

— Тетушка, вы меня очень редко слушаете, оттого и не слышали. Идемте.

Когда мы стояли на крыльце и ждали, пока пригонят мою машину со стоянки, Лиззи шепнула мне на ухо:

— Ну и зверинец ты собрала в своем доме, минута к минуте, все веселее становится.

— О чем ты?

Мне ответил лишь лучезарный взгляд и улыбка удаляющейся к машине женщины. Так, понятно, еще одна решила скрывать свои тайны и решительно ни во что меня не посвящать. Что ж, если бы это было жизненно важно, мне бы рассказали. Наверное. Блин. Ну скажиите мне, любопытство так и распирает! Садясь в машину, я настолько нервно себя вела, что, казалось, все заметят мое ребяческое поведение. Ей богу, нужно успокоиться.

До магазинчика Нефрита я доехала молча, а мои друг и новая подруга беззаботно общались, словно они просто молодые люди, которые встретились у меня дома. Но это было не так, и я это прекрасно понимала, наблюдая за парочкой в зеркало заднего вида. Они правильно сделали, что сели назад и дали мне время остыть. Ведь он скрывал от меня тайну, она скрывала тысячи, а я старалась делать вид, что меня это не волнует.

— Приехали, — обозначила я, наконец, хотя мы стояли уже минут десять, просто никак не решалась вставить после обиды первое слово примирения.

А дальше час потехи. Нефрит кружил вокруг Лиззи, словно пчела вокруг клевера, примеряя на нее лучшие наряды, которые только были у него в магазине. Я начала сомневаться даже, что он действительно уранист [\[1\]](#), пока в магазинчик не зашел Вольдемарт де Март. Это его бывший парень. Точнее, это его первый парень, над чьим именем я громко смеялась около года, пока у них были теплые... эм, отношения. К сожалению, дружба между

ними не особо заладилась, поскольку Вольдемарт был из влиятельной семьи Мелфрида, его родители входили в попечительский совет города и не желали, чтобы их сын марал честь семьи нетрадиционной ориентацией. Тем более с таким выходцем из низов с плохой родословной (точнее, с отсутствием родословной, ведь Нефрита вообще подбросили в местную церковь в возрасте года) как Кевин. Расстались они весьма пафосно и мелодраматично. Его родители, скрывая сына за своей спиной, явились к Нефриту, тогда у него еще не было собственного магазина, и он работал помощником швеи в маленьком салоне. Они высказали, свои опасения по поводу нежелательной дружбы. В общем, разъяснили, что ему и Вольдемарту никогда не быть вместе. После этого Нефрит крепко поколотил отца своего бывшего любовника, за что на полгода попал за решетку. Хотя, в тот момент, когда мой друг давал тумаков этому мистеру де Марту, половина жителей города хотела быть на месте Нефрита. Слишком многие точили зуб на господина из совета попечителей. Вот такая история, хоть кино снимай. Прямо Ромео и Джульетта.

Нефрит и Вольдемарт отошли поговорить. Мой друг был явно настроен решительно и не собирался выглядеть кисейной барышней. Собственно, он никогда и не был таковой. Думаю, если рассуждать, что в паре всегда кто-то девушка, то он ею точно никогда не был. Полагаю, если бы Лиззи задержалась подольше, он бы и вовсе вернулся к нормальной ориентации. Хотя, мне кажется, его имиджу плохого парня-фрика это бы нанесло серьезный урон.

— Ну как ты там? — я плюхнулась на огромное красное нечто, выглядевшее как мешок, но на деле бывшее громадным и безумно мягким креслом, которое, когда в него садишься, мгновенно принимает форму твоей позы. Всегда обожала интерьер этого бутика.

— Должна отметить, что твой Нефрит — настоящая находка. Обаятельный, привлекательный, талантливый, правда, не без проблем, но у кого их не бывает.

Она вышла из кабинки в одном из нарядов. Это были красные, обтягивающие джинсовые брюки с тонким серебристым ремешком, в форме цепи и шелковый топ, свободного покроя в черно-серебряных тонах. Ее босоножки цвета агата были здесь весьма кстати.

— А что за проблемы? — стараясь быть как можно более непосредственной, поинтересовалась я.

«Ох, деточка, с кицунэ лучше не связываться...»

— Расскажи о них поподробнее... о кицунэ.

— Ах ты гадкая телепатка! — вырвалось у Лиззи. Она была не то расстроена, не то удивлена, не то разозлена.

— Кто телепатка? — заинтересовался Нефрит, надевая на шею Лиззи серебристое украшение, — вот так образ смотрится гораздо лучше. И все же, кто тут телепатка?

— Я тут телепатка, а кто такие кицунэ? — это был больше злобный рык, чем вопрос.

— Ты телепатка? — мужчина вздернул вверх бровь, что означало «Да иди ты, женщина!»

— О бог мой, о чем здесь можно разговаривать? Идем, Лиззи, нам пора в бар «у Каплана», к тому же у нас есть важный разговор.

— Сейчас, только расплачусь с твоим обаятельным другом, — обворожительно улыбнулась она, и, взяв сумочку, отправилась к стойке, за которой стояла опрятная Мина Норрисон. Внучка той самой миссис Норрисон, у которой до подтяжки была попа как уши спаниеля. Девочка глубоко несчастная в личной жизни, потому как мало нормальных парней в Мелфриде, которые бы ценили таланты и интеллект выше сексуальной привлекательности.

Чего-чего, а последнего ей не доставало.

— Вольдемарт приходил, — примирительно начал Нефрит.

— Видела.

— Хотел со мной поговорить, но я сказал, что слишком занят со своими подругами.

Хотел заставить ревновать этого кобеля.

— Что он?

— Сказал, что хочет поговорить о свадьбе и это сулит мне прорву денег.

— И? — когда я злилась на него, то всегда становилась неразговорчивой.

— Спросил, как я могу на этом заработать.

— А он?

— Сказал... сказал, что женится.

— Вольдемарт женится? — в этот момент я огласила бутик конским ржанием.

Поверьте, если вы когда-нибудь что-либо слышали о голубых, любые предубеждения, об их ужимках, их изящных манерах, привычках одеваться, жеманиться и говорить писклявым голосом, то все это в полной мере можно было отнести к Вольдемарту. Да что греха таить, у него даже имя пидорское! Родители сами обрекли его стать членолобом еще с того момента, как в графе имя прописали гордо Вольдемарт де Март.

— Он серьезно, женится. Сказал, что родители оставят его без денег и наследства, если он не сочетается браком до 25 с представительницей своего круга. И как дань пережитым нами минутам любви, он решил дать мне возможность прилично заработать на их свадьбе. Костюмы жениха, невесты, подружек невесты и друзей жениха.

— Ты возьмешь этот заказ? — я честно пыталась проявить сочувствие и не смеяться.

— Конечно, возьму, женщина! Эта сучка будет самой красивой невестой, уж я об этом позабочусь! А еще я бы позаботился о том, чтобы свалить отсюда. Пожалуй, с вашего позволения, леди, я присоединюсь к Лине и отправлюсь спать.

Подходило к восьми. Бар «у Каплана» находился через два квартала от «Нефрита», так что я особо не волновалась, что мы опоздаем. К тому же, людям из «Первых лиц» интервью со мной было нужно больше, чем мне пиар в их журнале, так что подождут.

Терпеливо дожидаясь в любимом кресле, пока Лиззи выберет, в какой из купленных ею нарядов переодеться, я едва не задремала. Но меня взбудоражило ощущение зова. Нет, это было не ощущение. Я просто знала, что сейчас должна встать и стремглав броситься в «Сверх». Марк взывал. Причем взывал достаточно грубо, властно и требовательно. Если до сегодняшнего момента я понятия не имела, как этот самый зов происходит, то сейчас ощутила его в полной мере. Не в силах безмятежно сидеть, я едва ли не подбежала к окну. На небо царственно выплыла луна, приветствуя меня мягким светом. В Мелфриде всегда рано опускалась ночь, и рано всходило солнце. Я смотрела на луну, а в низу живота сладко заныло. Я разрывалась между желанием стремглав кинуться к нему и желанием этого не делать.

Встряхнув головой, я твердо сказала себе — никаких! Пусть хоть завывается там у себя. Я прекрасно помню, как он разодрал мое запястье, как он сосал из меня кровь, какими хищными, нечеловеческими глазами он смотрел на меня, весь облитый моей жидкостью и такой блаженный. Он едва ли не испытал оргазм от боли, что пронзила меня. Нет уж. Пусть лучше придет и задушит меня, чем я еще хоть раз добровольно ступлю на земли этого проклятого «Сверха» с его полоумными озабоченными посетителями, которые хотят меня, если не выпить до последней капли, то поиметь во всех позах сразу. Кстати, Лиззи, хоть и

сверх, но точно не хотела накинуться на меня и раздеть. Я помню, как изменилось лицо Лорали, когда та впервые почувствовала мой запах.

— Я готова, деточка. Идем по твоим жалким человеческим делишкам? — подмигнула она.

— Ты меня хочешь? — вопрос сам слетел с губ, как продолжение моих мыслей. Мое подсознание порой бывает намного болтливее, чем здравая его часть, которая достаточно умна, чтобы заставить мой язык оцепенеть.

— Оу, это предложение? — она едва показала клыки и лизнула нижнюю губку.

Мне стало дурно.

— Успокойся, деточка. Считай, что я твоя фея-крестная. Да — я тебя хочу. В тебе есть то, что привлекает и сводит с ума. Заводит, заставляет думать о тебе... всякое, — она расплылась в многозначительной улыбке и пошла к выходу, всучив мне пару огромных пакетов. Ух, похоже, эта вампирка латентная миллионерка, вещи Нефрита не из дешевых.

Когда мы сели в машину, прежде чем вставить ключ в замок зажигания, я еще раз посмотрела на вампирку. Не сомневаюсь, на своем веку она переспала не с одной женщиной, так что наверняка чувствовала ко мне такое же притяжение, как и те озабоченные животные. К счастью, она прочитала немой вопрос в моем взгляде.

— Тысячи лет тренировок. Я научилась сдерживать свои порывы и обуздывать животные инстинкты. Не знаю кто, или что в тебе сидит, оно мне незнакомо, но учитывая, что на тебя не действуют вампирские чары, надо полагать, эта сущность достаточно могущественна. Либо, дело в тебе самой, — она говорила об этом так беззаботно, словно мы обсуждали купленные ею стрипы на высоченном каблуке и о том, как они будут сочетаться с тем алым сарафаном без бретелек.

— Вампирские чары? Как ты узнала, что вампиры не могут мне ничего внушить? Ты пыталась?

Мелодичный смех заставил меня чуть поумерить свою гордость и вернуться с небес на землю. Действительно, с чего ей пытаться мне что-то внушать.

— Помимо внушения существует довольно много способов воздействовать на человека. Извини, но ваша раса так и напрашивается стать жертвой экспериментов, ты представить себе не можешь, насколько легко вы поддаетесь манипуляциям даже без внушения. Но я не могу тебя читать и, признаться, это выводит из себя порою. А когда ты выхватываешь из моего подсознания довольно важные фразы, я готова выпустить клыки.

Нет-нет. Товарищ удача, пожалуйста, не покидай меня. Я больше не хочу выхватывать из ее подсознания ничего, чтобы мне хотелось прокомментировать. Слишком уж хорошо в прошлую ночь я поняла, насколько опасны и кровожадны вампиры, чтобы не подпускать близко к себе никого из них. Признаться, я уже опасалась, такой ли хорошей идеей было пригласить в дом Лиззи. И интересно, могу ли я отменить приглашение? Сможет ли она тогда зайти в мое жилище?

Женщина надела новые солнцезащитные очки, будто на дворе сияла не полная луна, а лучезарное солнце, и, откинувшись в кресле, скомандовала — поехали!

Собственно, ехали недолго — пара кварталов и вот он «у Каплана». Мне не хотелось выходить из машины. Причем, сложно сказать, чего не хотелось больше. Выходить из машины, или видеть все те же лица... Я не совсем хорошо рассталась с Доном Капланом — владельцем бара. В ту ночь, когда уволилась, я высказала ему все, что думаю по поводу его никчемного бара, его никчемных посетителей, никчемной выпивки и еще куче всего

никчемного. К тому же, перцу добавляла Конни. Глупая блондиночка, втыкавшая мне палки в колеса каждый раз, когда наши смены совпадали. Она всегда думала, что я волочусь за Доном, хотя прекрасно знала, что все было с точностью до наоборот. Надеюсь, сейчас они нашли друг друга в никчемных объятиях. Да, и сам бар стоило бы переименовать «Никчемность».

— Нам обязательно это делать? — она посмотрела на меня поверх темных очков в толстой серебряной оправе, под цвет разводов на топе, — дам совет — ваша жизнь настолько коротка, потому ты должна делать только то, что тебе хочется, иначе обернешься назад и обо многом пожалеешь.

— Звучит так, будто бы ты это проходила.

— Проходила, когда умерла... — довольно холодно и спокойно обозначила женщина, будто бы это произошло не с ней. Впрочем, это было столько человеческих жизней назад. Что мне стало интересно, помнит ли она вообще годы, когда была человеком, — и о многом пожалела.

— А знаешь, я действительно хочу этого! Давно мечтала утереть им всем нос! — гордо заявила я, и мы двинулись в сторону бара.

Кайл и мужчина в черном классическом костюме сидели за столиком возле окна и непринужденно беседовали. «Столик номер пять, Кати, им нужны еще салфетки. Они постоянно проливают пиво. Протри их столик!» воспоминания так и нахлынули, когда мы вошли внутрь и подошли к пятому столику.

— Кайл, это моя подруга Элизабет, прошу прощения за задержку, — улыбнулась я, а женщина закатила глазки, любуясь Кайлом. Действительно, мой шеф афроамериканец был хорош собой и очень добр ко мне всегда, в отличие от Дона, менявшего мое расписание, как ему будет удобно и лишавшего меня выходных.

— Ничего. Мы как раз уладили с Кристофером организационные моменты.

— Очень приятно, — мужчина поднялся, чтобы поцеловать мою руку. У меня даже дыхание перехватило. Не могла поверить, что существуют настолько прекрасные люди. Бесконечно черные миндалевидные глаза, мужественные скулы, красивая дуга губ и каштановые волосы, аккуратно зачесанные. Несколько секунд я, не отрывая взгляда и почти с открытым ртом, смотрела на своего нового знакомого. Но, почувствовав на себе лучезарный взгляд Элизабет, встрепенулась и убрала руку из его ладони. Он повторил жест любезности и с моей знакомой, после чего мы расселись и дождались, пока к нам подойдет официантка, принять заказ.

— Здрась, чебудете? — пожеывая жвачку и разрисовывая листочек в блокноте, не обращая при этом ни на кого внимания, протараторила Конни.

— Какое у вас здесь любезное обслуживание, — заметила Элизабет.

— Это точно. А не подскажите, — ехидно начала я, решив последовать совету Лиззи — делать то, что хочется, — из чего состоит ваше фирменное блюдо Акоро Мото?

Акоро Мото — это изобретение Дона Каплана. Пожалуй, единственное, за что его следует поблагодарить от души. Если я что и заказывала здесь, то только это блюдо. Но при этом прекрасно знала, что Конни так и не удосужилась выучить, из чего оно состоит.

Она, чуть не поперхнувшись жвачкой, вылупилась на меня. «Ах ты, сучка, ты итак прекрасно знаешь, из чего оно состоит».

У-ля-ля... неужели я слышу чьи-то мысли? Да как же, все-таки, это работает? Где выключатель?

Все же я не смогла удержаться от соблазна.

— Все же я хочу, чтобы *вы* просветили нас всех. Говорят, что это самое стоящее из всего вашего меню.

«Она что, мысли мои прочитала? Всегда знала, что эта девка ненормальная! Поэтому она и не достойна моего Дона...»

Четыре пары глаз с ожиданием глядели на белокурую официантку, которая пожевывала жвачку и выглядела совершенно потерянно.

— Ну рис, чёйще. Курца счеснком, это... — она никогда не утруждала себя проговариванием слов и желанием хотя бы казаться милой и вежливой девушкой.

— Пожалуй, мы возьмем 4 Акоро Мото и 4 чашечки чая, — нашелся Кайл, явно сжалившись над Конни.

— О нет, Элизабет не будет, — растерянно посмотрев на вампирку, сказала я.

— Нет? — переспросила Лиззи. — Конни, я бы с удовольствием узнала, а нет ли у вас меню чего-нибудь с кровью? Впрочем, может, ты мне принесешь бокальчик второй отрицательной?

Официантка чуть не выронила из рук блокнот и, окинув нашу компанию осоловелыми глазами, пошагала прочь, думая о каждом из нас и, в частности, о Лиззи, не совсем лицеприятные вещи. Как я поняла, Элизабет тоже прекрасно читала мысли Конни, потому и решила так подшутить над ней.

— Извините, мужчины, я должна припудрить носик, — ослепительная улыбка для мужчины и шепот для меня, — я скоро вернусь.

Воцарилось неловкое молчание. Но когда о наш столик сбрыкали чашки и белый чайник из толстого, не очень хорошего стекла, Кайл взял на себя руководство процессом, а Кристофер услужливо наполнил мою чашку жасминовой жидкостью. Этот запах сложно спутать с чем-нибудь другим.

— Какое милое место, — заметил он едва слышно, глядя прямо мне в глаза. Я лишь улыбнулась, кокетливо заправив за ухо рыжую прядку.

— Итак, Кристофер. Вы хотели задать Катилине пару вопросов, думаю, она с удовольствием с вами побеседует.

Моя улыбка означала знак согласия со всем вышесказанным, но, тем не менее, я решила еще раз подтвердить:

— Я с удовольствием с вами. Да. В смысле, побеседую с удовольствием, — Бог мой, когда я волновалась, то мой язык начинал заплетаться, а лицо покрываться краской.

— Что ж. Нам действительно интересно, что вас связывает с Александром Рихардом.

— Да можно сказать, что у нас с ним ничего общего, — честно ответила я.

— То есть вы не встречаетесь? — делая пометки в блокноте, улыбнулся мужчина.

— В известном смысле явно нет.

— Это значит?

— Это значит, мы не спим вместе и не смотрим кино в обнимку, — глядя, как в горячем чае тает кусочек рафинада, немного разочарованно ответила я.

— Судя по голосу, вам бы этого хотелось, — заметил журналист.

— Знаете, если бы все, чего мы хотим, тут же сбывалось, мир бы сошел с ума.

Я задумалась над смыслом того, что сказала. Интересно, как это раньше подобная мысль не приходила мне в голову? Ведь отчего мне осточертела моя жизнь? Потому что у меня было практически все, чего я когда-либо хотела и потому, что со мной происходило то,

чего я не хотела. Выходит, вся наша жизнь строится лишь на понятиях — хочу не хочу и нравится — не нравится? И все мерзости, и добродетельные вещи происходят лишь исходя из этих критериев?

А что касается Александра...

— Возможно, где-то в глубине души я бы и хотела разделить с этим вам... — я осеклась, заметив, что продолжаю мысли вслух.

— Вам... что?

— Вам знакомым человеком, — нашлась вампирка, присаживаясь рядом со мной и вытирая салфеткой краешки губ. В эту же минуту в зал вошла потерянная Конни, которая выглядела намного бледнее, чем обычно. Она больше не жевала жвачку, не вела себя как хамка и не выдавливала жалкую лицемерную улыбку.

В моей голове промелькнула ужасная мысль, и я уставилась на Элизабет. В эту минуту она была действительно Мария-Элеонора, а не моя знакомая Лиззи. Царственная, властная, невозмутимая, такая великолепная и всемогущая, что мне было даже не по себе находиться вблизи от самой истории. Она была вампиром. И она была сытым вампиром. Насколько мне вообще удастся судить о вампирах, она за один только взмах моих ресниц успела бы свернуть шею всем присутствующим здесь людям. В этот момент я поняла еще одну вещь. Для нее все мы — только забавные говорящие игрушки.

Не в силах больше игнорировать мой взгляд, она улыбнулась и ответила чуть слышно:

— Деточка, бокальчик второй отрицательной и только.

Придя в чувство, я отсутствующим взглядом уставилась на Кристофера, чувствуя себя просто омерзительно. Никак не могу привыкнуть к тому, что вампиру для поддержания жизни необходимо заимствовать ее у других. Впрочем, такова природа, она не создает ничего просто так и, в конце концов, мы обе имеем право на существование, просто я должна с ней считаться больше, чем она со мной.

— Простите, я задумалась. На чем мы остановились?

— Вы говорили, — журналист зачитал, — возможно, в глубине души я бы и хотела разделить с этим вам...

— Спасибо, — мистер Дотошность, — с этим вам... знакомым... человеком, — я запинаясь и пыталась прийти в себя, — часть своей жизни, но, думаю, что не в этом мире.

— Почему?

— Скажем, мы с ним слишком разные. Хотя, если бы наша встреча состоялась при других обстоятельствах, думаю, все сложилось бы совершенно иначе и у нас могло бы что-то получиться.

— А как вы прокомментируете ваш поцелуй?

Лиззи оторвалась от дегустации Акоро Мото, принесенного другой официанткой. Достаточно опрятной и вежливой (во всяком разе, она предусмотрительно не проронила ни слова).

— Поцелуй?

— Имя Александр Рихард вам о чем-то говорит? — вежливо поинтересовался журналист. Кайл уплетал Акоро Мото. Признаться, не понимала до конца цель его присутствия, но мне было комфортно рядом с ним, я чувствовала себя защищенной, не знаю почему.

— Александр Рихард? Художник? — Лиззи восхищенно вздернула бровь. — Да, я была знакома с Изольдой.

— Той, что изображена на его картинах? — восторженно уточнил Крис.

— Угу. С той самой.

— Но разве она не была превращена в вампира и впоследствии убита?

Лиззи и Крис скрестились взглядами, словно шпагами. Я понимала, что вампирка просто играет. Она могла бы сказать все что угодно, да хотя бы «розовый пушистый зайчик скачет по вашим штанам» и он принялся бы искать этого зайчика. Сдается мне, она любит ходить по грани, добавлять в свою жизнь немного перца.

— Разумеется. Все так, как нарисовал Александр.

Если бы не ироничная улыбка, клянусь, Кристофер бы поверил каждому услышанному слову.

— Что ж, если вы не против, я бы с удовольствием продолжил беседу и с вами.

— О, спасибо, но я не охотно делюсь своими знаниями. Лучше мы все-таки услышим ответ на вопрос о поцелуе. Кати?

— А как я могу его прокомментировать? Был настолько трогательный момент, что я не сдержалась.

— И все? — разочарованно протянул журналист. И тут я подумала, а, была не была.

— Шампанское было отравлено.

— Что?

— Возможно, вы заметили, как я выбила из его рук бокал, — заговорщически призналась я, — поцелуй был только для отвода глаз. Но какой это был поцелуй!

— Юные леди, сдается мне, что вы просто водите меня за нос, — захлопнув блокнот, мужчина улыбнулся и принялся за блюдо, смакуя его с большим интересом, чем наши с Лиззи слова. Вампирка поняла, что сказанное мною правда и, кажется, одобрила, что я поступила так же, как и она. Уверена, Изольда была ее знакомой, и Александр отправил вампирку к праотцам. Хотя, кто знает, все ли правда из того, что написал этот прекрасный мужчина.

— Но вам же нужно написать яркий и насыщенный сюжет, — мисс журналист как-никак, — мы просто подкинули пару идей.

— А до выставки вы были знакомы с Александром?

— Нет, признаюсь честно, когда я критиковала в пух и прах одну из его картин, я понятия не имела, что высказываю все это их автору.

— Оу, вот это интересный факт. И как отреагировал художник?

— С достоинством.

— И после этого вы его поцеловали.

— Да, почему бы нет? — после некоторой паузы обозначила я, — думаю, что он заслужил. Люди отчего-то с большим предпочтением выражают свои негативные чувства, я же предпочитаю делиться самыми позитивными. Странно, что присутствующие не сделали то же самое, а лишь восхищенно восклицали «божественно!»

— Он не назначал вам свидания?

Хм, можно ли совместный поход в бар «Сверх» назвать свиданием?

— В некотором роде, мы с ним расстались. Он ушел, но обещал вернуться, — только сейчас я задумалась, а скоро ли мы встретимся с этим обворожительным вампиром? Ведь он думает, что я зачарована и ничего не помню. Стоп! На мысль назад. Это когда я стала считать ходящих мертвецов обворожительными??? Кати, в тебе говорит вампирская кровь, ты ее перепила чуток за последние дни. Интоксикация крови... Вот начнется красный день

календаря, очистится организм и тогда можно будет трезво взглянуть на ситуацию и оценить масштаб катастрофы.

— Что ж, думаю, я достаточно узнал от вас. Если что-то понадобится, то я свяжусь с Кайлом.

— Разумеется, всегда к вашим услугам, — не отрывая взгляда от милого человечка, проворковала я.

Крис, словно читая мои мысли, протянул мне визитку, заверяя, что если я буду в Форт-Окридже, и мне понадобится помощь по делам журналистским или просто компания, то всегда могу рассчитывать на него. Кайл неодобрительно расценил этот жест, а Лиззи по обыкновению расплылась в довольной улыбке. Сдается мне, она умерла растаманкой.

Приглядываясь к Кайлу, точнее, причитываясь к его мыслям, я все чаще замечала в них отголоски желаний. Хотя внешне он был достаточно вежлив и корректен, в мыслях у него творился такой блуд со мной в главной роли, что мне стало не по себе, и я невольно отодвинулась от него. Наверное, этот жест был слишком явным, потому что Кайл объявил, что ему пора и поспешно вышел, вскоре, с нами попрощался и Крис, подарив мне на прощание долгий и полный надежд взгляд. Озарив мужчину самой теплой улыбкой, на которую только способна, я упала головой на руки и замотала головой.

— Мне непонятны эмоции, которые ты пытаешься выразить.

— Я в ступоре, Элизабет. С одной стороны, моя жизнь всегда была такой нормальной, размеренной, что становилось тошно, но сейчас, когда она стала ненормальной и когда за один вечер меня дважды чуть не убили, я, наконец, встретила парня, который мне не кажется законченным имбицилом, и не хочет раздеться на столе и заниматься развратом со мной на глазах у всех как...

— Как кто?

— Кайл, — я выплюнула это имя.

— Он тебе сам признался, — вскинула бровь женщина.

— Боже упаси, прочитала явственно как день.

— Ты прочитала мысли Кайла? Того Кайла, что сидел тут? Ну ты, сестра, даешь.

Вампирка поистине удивилась моим талантам, хотя я бы не была такого восторженного мнения о своих способностях. Они появляются когда захотят и в отношении кого захотят, и такое непостоянство меня очень изматывало. Я не знала чего ожидать от очередного знакомства или разговора, а еще — не знала как это остановить, если я не хочу знать мысли человека... или существа.

— Ты расскажешь мне о том, кто гнался за тобой в тот вечер? Это был охотник?

Вампирка встрепенулась, как сторожевая собака, услышавшая шорохи.

— Что тебе известно об охотнике?

— Тот вечер, когда мы с Александром познакомились. Тогда меня впервые посетило видение, что его захотят отравить. Потом видение, как его застреливают из пистолета, и пули разъедают его плоть, которая дымится и ужасно воняет, — я невольно содрогнулась и взглянула на серьезное и сосредоточенное лицо женщины. Она не была взволнована или тем более напугана. Это лицо хладнокровного убийцы, который ищет другого хладнокровного убийцу.

— Ты контролируешь свои видения?

— Нет, они произвольны. Тебя я увидела, прикоснувшись к своей подруге — Лине.

— Постой-ка, — встрепенулась она. — Видения обычно привязка к чему-либо. Они не

вспыхивают просто так. Если ты к чему-то прикасаешься, или на чем-то концентрируешься, тогда они появляются. Ты не была знакома со мной. Возможно, ты знакома с охотником?

— Или с ним знакома Лина. Нужно будет поговорить с ней. Я сделаю это завтра утром.

— Завтра утром может быть слишком поздно...

Раздался телефонный звонок и вампирка, показав мне жестом, что это очень важно и она должна ответить, подняла трубку.

— Виктор? Что? Когда?... Кто это был?... Удалось его выследить? — она издала звук, похожий на рык и гневно захлопнув телефон, кинула его на стол.

Я вжалась в стул и не произносила ни слова. Когда тысячетелный вампир рядом с вами, в таком настроении, как бы ни был мил он все это время, лучше все-таки не делать глупостей.

— Убит один зритель...

— Марк? — непонятно отчего, я встревожилась. Но, припомнив события в Форт Окриджском баре, я понадеялась лишь на одно — что это было долго и мучительно. Настолько мучительно, насколько вообще возможно.

— Нет, в другом округе. Это нехорошо. Начнутся волнения, — проговорила она тоном, будто у нее вскочил прыщ на носу перед свиданием, — Нам необходимо встретиться с Александром и Марком, объединить знания, которые у нас есть.

— И заскочить ко мне домой, у меня появились кое-какие догадки.

Оставив чаевые поверх того, что оплатили наши мужчины, мы пулей вылетели из кафе и направились ко мне. У меня была пара догадок, на счет того, кто мог напасть на Лиззи. Но необходимо было собрать все кусочки этой головоломки в одно целое. Если все так, как я думаю, нам не составит труда его выследить и убить. На этом все закончится и я смогу вернуться к моей относительно нормальной жизни. И продолжить знакомство с этим симпатягой журналистом.

Леди Кэтрин еще не спала. Она сидела за роялем и наигрывала Шопена. Музыка обволакивала дом и всегда делала его очень уютным и теплым. Бэтти собирала со стола, видимо, здесь был поздний ужин. Нефрита не было видно в гостиной-столовой, наверное, он наверху, спит себе спокойно. Увидев меня, леди Кэтрин остановилась и попросила подойти. Элизабет отправилась в мою комнату, а я послушно присела в ногах у своей тетушки.

— Ты хорошо знаешь свою новую знакомую?

— Достаточно хорошо, чтобы разрешить ей пожить здесь.

— Хм, — она задумалась и закрыла глаза. Ее лицо, казалось, осунулось и постарело, но через мгновение она вновь стала приветливой и добродушной тетушкой, — я очень за тебя переживаю. Всегда переживала и всегда буду. Просто, будь откровенна со мной. А я скажу лишь одно — эта женщина очень могущественна. Могущественней, чем ты можешь себе представить. И будь осторожна, пуская в дом незнакомцев.

— О, поверьте, я не заблуждаюсь на ее счет.

Не знаю, поняли ли мы друг друга правильно, но, кажется, никто из нас не хотел признавать и открывать друг другу тайну о мире сверхов. И меня это полностью устраивало.

Направляясь в свою комнату, я заметила стоящую у лестницы статую. Ту самую, которую несли закрытой белой простыней. Это была молодая девушка. Красивая, как и все греческие богини, потому что выполнена она была в греческом стиле. Наверняка из какого-нибудь мифа. Возможно, какая-то нимфа. Женщина, в легкой свободной тунике, подпоясанной ремешком, отчего-то с ужасом смотрела на того, кто стоит перед ней. Сейчас

перед ней стояла я и задавалась немым вопросом — чего ж во мне ужасного? Ее руки были вскинуты перед собой, будто она пыталась отгородиться от того, кто стоит перед ней. Странная статуя. Как будто бы живая. Мне кажется, задень ее, бетон рассыплется и женщина закричит.

— Тетушка, а что это за статуя? Никогда прежде ее не видела?

Леди Кэтрин гневно посмотрела на Бэтти и, ничего мне не ответив, вышла из комнаты. Пожав плечами, я направилась к входной двери, в которую настойчиво стучали. Серьезно, ну не бежать же мне за тетей и не умолять рассказать одну из семейных тайн. На нет и суда нет.

Я распахнула двери и едва не схлопотала разрыв сердца, которое заколотилось с бешеной скоростью, грозя вырваться из грудной клетки. Заметив это, Марк расплылся в довольной улыбке. Ему нравилось чувствовать чужой страх. Я видела, как его зрачки расширились, а ноздри стали раздуваться. Отметила для себя тот факт, что вампиры, как собаки, прощупывают носом ауру. Интересно, почему именно носом? И кем он был до того, как его обратили? Наверняка кровожадным убийцей, Джеком Потрошителем, или на худой конец, солдатом. Но умение наводить ужас, наверняка, тренировалось годами.

— Что тебе нужно, Марк? Все, что хотела, я сказала в баре.

— Я звал тебя, ты была обязана явиться! — гневно громыхнул он изменившимся басом, который пробрал до дрожи в коленках. Но меня грело одно — я знала, что он не может причинить мне вреда, не может прикоснуться, поскольку нас разделяла магия дома. Дом свят и неприкасаем, и вампир не может ступить за порог без разрешения хозяина. Прочитала об этом в интернете, не знаю насколько верно, но на всякий случай, я для надежности повесила над дверью веточку боярышника и, вроде бы, Лиззи спрашивала прошлой ночью разрешения войти, уже не помню.

— Значит, плохо звал, раз я не пришла! — я хлопнула дверью перед носом вампира и, развернувшись, врезалась в грудь Лиззи, которая захохотала от души.

Мне кажется, что я слышала, как гневно сопит за дверьми вампир, больше всего на свете желая вгрызться зубами в мою плоть и глотать вязкую гемоглобиновую жидкость. Я читала его мысли так ясно, как будто они были написаны на тетрадном листе передо мною. Сценарий для фильма ужасов, в котором крови больше, чем во всех частях фильма Пила сразу. Я сделала пометку — легче всего читать мысли, когда существо испытывает сильные эмоции. А лучше всего — в этот момент не читать.

— Здорово она тебя, Марк? — выглянув из двери, подлила масла в огонь Элизабет.

— Мария-Элеонора... — стушевался вампир.

— Эта девочка — моя. Ты меня понял? — властно произнесла вампирка. Я никогда не слышала, чтобы она разговаривала с кем-то подобным тоном.

— Да. Она ваша, — вампир едва ли не стелился перед ней. А я, до конца не понимая слов «она моя» сияла от счастья, что наконец-то этого в прямом смысле мерзкого кровососа поставили на место.

— Прекрасно, — женщина вновь стала веселой и существованиерадостной. Не поворачивается язык сказать — жизнерадостной. — Я хочу видеть всех у Александра. Через час. У меня есть очень важное объявление. И особо хочу отметить, чтобы все держали себя в руках. Я не допущу, если кто-то покусится на моего человека!

Закончив переговоры, Элизабет вернулась в дом, и мы прошли в мою комнату. У меня не было слов, оставалось просто восхищаться. Я никогда не видела между людьми подобных отношений, такого беспрекословного подчинения. Может быть, она была его создателем?

Или начальником? Или просто знала о нем что-то, что заставляло его бояться и подчиняться? Мне было очень интересно, но все, что вампирка сочла нужным мне сказать, уверена, она сказала. А меньше знаешь — крепче спишь... в этот момент я люто завидовала Нефриту и Лине, которые, наверняка, видели девятый сон подряд.

— Так что ты хотела сказать, деточка? Зачем мы пришли сюда? — вольготно развалившись на моей кровати, поинтересовалась Лиззи. Она была как тинэйджер, беззаботная, веселая и расслабленная. Я безраздельно ею восхищалась, поскольку она пребывала в таких разных ампулах, настолько легко менялась, что я не могла разгадать ее тайну. И даже тот факт, что Лиззи выпила кровь Конни, но оставила ее живой и даже зачаровала, чтобы та вела себя повежливей с посетителями, меня не оттолкнул. Она же не выпячивала это насилие, она им не кичилась, не заявляла миру о том, какое удовольствие доставляет ей чувствовать, как кровь, еще секунду назад текущая по живым венам живого человека, теперь наполняет ее вены и омывает ее разум, передавая безраздельный доступ к разуму и чувствам жертвы. И я понимаю, что после той жуткой аварии, где мы обе потеряли столько крови, ей необходимо было восстановиться. Все это делало меня спокойной рядом с ней.

— Я хотела еще раз показать вот это, — в моей руке оказался коричневый шерстяной шарф в зеленую полоску.

— Мм, тот самый из машины. И что это значит?

— Попробуй что-нибудь... разнюхать? — я не знала, как правильно назвать то, что делает Элизабет, когда ведет носом.

— Милая. Ты такая смешная. Я не ищейка, и даже не оборотень, чтобы разнюхивать. Но вот уловить след ауры, окружающей это существо, уловила еще в прошлый раз. Это сверх. Либо запах нечеткий, размытый, будто бы его трогали несколько существ, либо он принадлежит кому-то, кого я не могу идентифицировать. Почему это тебе так важно?

— Я долго думала над своим видением. Ну, тем самым, которое пришло, когда коснулась Лины. Если видения всегда связаны с нами, то я почти ручаюсь, что на тебя мог напасть... ее парень.

— Так, — она сдвинула брови и придвинулась ко мне, — продолжай.

— Валентин, так его зовут, не человек. Это она совершенно четко дала мне понять. И после той ночи, как я всадила кол в грудь вампира, напавшего на тебя, он пропал. Точнее, он позвонил ей и сообщил, что с ним что-то случилось и его не будет какое-то время...

— Действительно, после кола немногие могут выжить. Если ему до рассвета удалось где-то залечь, возможно, недели через две он и восстановится, а если нет. В любом случае, ему понадобится немало крови. Мы могли бы выследить его по жертвам около Форт-Окриджа, — она подорвалась, но я ее осадил.

— Ты же говорила, что ею питались...

— Да, но я не уверена, что пили ее кровь.

— Ты говоришь загадочно, я не понимаю, как можно еще питаться.

— Чувствами, эмоциями, страх — самая сильная подпитка.

— После звонка Валентина Лина очнулась в каком-то странном темном помещении, вдали от дома, совершенно не понимая, как туда попала. Она была так напугана, что даже я, сидя здесь, в безопасной комнате содрогалась от страха. Но разве вампиры могут восстановиться лишь от того, что кто-то боится?

— Ты очень много о нас не знаешь, и только это сохраняет тебе жизнь... — раздумывая

над чем-то, сообщила она, — все так ясно, но так запутанно.

— Боюсь, есть еще кое-что, — Лиззи повернула голову, давая понять, что она — одно большое ухо, — Лина видела его днем.

— Так!

Вампирка встала и подошла к окну, запустив в свою рыжую шевелюру пальцы и активно массируя кожу головы. Я частенько так делаю, пытаюсь успокоиться и собраться с мыслями. Но если так делает тысячелетний вампир... ну вы поняли.

— Нам нужно понять, где очутилась Лина. Извини, но я поднимаю твою подругу.

Элизабет уверенно встала и направилась в комнату моей подружки таким шагом, будто бы от того, разбудим ли мы сейчас Лину, зависит, наступит ли завтрашнее утро. Посеменив за этой властной и восхитительно царственной женщиной, я застыла в дверях, не решаясь нарушить сон моей подружки. Тем не менее, поняв, что вампирка настроена решительно, я приблизилась к кровати, чтобы успокоить женщину, когда она проснется. И я была права. Как только вампирка прикоснулась к Лине, та от ужаса закричала и задергалась, будто бы на нее прямо здесь напала бешеная собака с пеной у рта.

— Лина, спокойно, мы твои друзья, — спокойно проговорила я, поглаживая подругу по ноге.

— Отпусти меня!!! Не прикасайся, уйди, уйди!!! — в иступлении кричала она.

— Так, хватит! — громыхнула Элизабет вампирским голосом, — Лина, посмотри на меня.

В этот момент подруга замерла, успокоилась и повернула лицо, облитое слезами и немного злое в отблесках горящих свечей.

— Скажи, место, где ты очнулась, было тебе знакомо? — налаживая контакт с подсознанием своей жертвы, как змея прошипела Элизабет.

— Да. Это старый док на берегу Мелсуотен-брейг.

— Отлично. А твой парень — он сверх?

— Лиззи, мы не можем так с ней поступить, — взмолилась я, но на мою спутницу это не оказало ни малейшего воздействия. Будто бы я сидела и молчала.

— Да. Он демон.

Демон? Не, ребята, увольте. Еще скажите, что миссис Норрисон суккуба, и я вообще слечу с катушек. Есть в этом мире, в этом городе хоть один ЧЕЛОВЕК, кроме меня? Если моя тетушка вдруг обернется ведьмой, а Изабель ее ручным котом в образе человека, то ей богу, я вызову ноль три...

— Демон, — задумалась Лиззи, выходя из комнаты. В этот момент, придя в себя, Лина снова закричала и задргала ногами.

Разгневавшись на вампирку, что та настолько бесцеремонно обошлась с моей подругой, вторглась в сознание и бросила, использовала, вместо того, чтоб помочь успокоить и поговорить по-человечески. Все время забываю, что у сверхов сверхметоды...

— Лина, иди ко мне, девочка моя, — прижав подругу к груди, я очень злилась. Прошло некоторое время, прежде чем Лина смогла успокоиться и снова заснуть.

Закрыв за собой дверь, я с гневным шепотом обрушилась на вампирку. Но вместо раскаянья или извинений, я услышала холодное и надменное:

— Цель оправдывает средства. Все слишком серьезно, чтобы сюсюкаться с каждым смертным. Поехали.

Она в мгновение ока изменилась и перестала быть веселой, обаятельной и милой

женщиной. Вместо этого властная стерва. Неужели за 23 прожитых года я так и не научилась разбираться... пожалуй, за два дня я действительно еще не научилась разбираться в сверхах.

— Я не поеду, Лиззи. Можешь взять мою машину, но я остаюсь.

— Что? — она вскинула вверх бровь, остановившись на лестнице.

— Вторая ночь без сна. Мне не выдержать физически — глаза слипаются. К тому же, зачем я вам там нужна?

— Ты человек, волей неволей попавший в достаточно сложный водоворот событий, — скрестив руки на груди, она продолжила, — Можно сказать, на твоих глазах творится история, и хочешь ты этого или нет, но ты — в самом ее центре и здесь есть лишь два пути. Либо ты останешься в стороне и тебя убьют, либо ты будешь с нами и есть шанс, что ты останешься в живых. Выбор за тобой. Если, пока я спущусь по лестнице, ты не отправишься следом, я пойму, что ты сделала неверный выбор, но оставлю тебя в покое, потому что того требует кодекс чести. Но я не могу гарантировать, что на следующий день ты не будешь убита охотником, как приверженец нашей стороны, независимо от того, что ты захотела оставаться нейтральной.

Она развернулась на каблуках и, ступив на третью лестницу, услышала, как следом за ней направилась и я.

— Отличный выбор, деточка.

А что еще прикажете делать? Я жить хочу. И если такова плата за жизнь, что ж, плачу. Где подписаться кровью? Потому что уверена, скоро ее прольется немало.

Мы ждали, пока нам подгонят машину. Вампирка была хладнокровно величественна, я же была сонливо насуплена. Куда едем, зачем едем, какова моя роль в этой истории? Сплошные вопросы. Чувствую себя дерьмом, плывущим по реке, и знающим, что впереди водопад. Ох, как шлепнусь...

Посадив вампирку за руль, думаю, за тысячу лет у нее есть определенная практика, я плюхнулась на сиденье рядом и, пристегнувшись, мгновенно вырубилась. Наверное, именно поэтому мне показалось, что дорога заняла ровно минуту, потому что когда меня разбудила Лиззи, я была вне себя от злости. Всем, кто хочет со мной ужиться, нужно запомнить всего лишь две вещи. Первая — никогда не будить меня раньше, чем я сама встаю, потому, что в случае недосыпа я превращаюсь в фурию. Второе — никогда не просить советов или не разговаривать о чем-то важном со мной на голодный желудок, потому, что я превращаюсь в фурию. В общем, сейчас я была вдвойне фурией.

Хлопнув дверцей машины так, что последняя печально скрежетнула, я посеменила за Элизабет. Ой, как надеюсь, что эта вампирка не использовала меня для какой-нибудь своей тайной игры. Вот как представляю, что зайду сейчас в зал, а там сплошные вампиры и я одна человек. Вот как знать, что не сожрет кто-нибудь из них, учитывая, что вампиры до меня падки как пчелы до цветков клевера.

От злости и жесткого недосыпа я даже не удосужилась осмотреть здание и оценить его великолепие. Но, судя по количеству времени, которое мы шли до какого-то там зала, размеры к нему нехилые, а история длинная и очень пыльная. Вампирка усиленно мне что-то говорила, но в полудреме я схватывала лишь отдельные слова, потому лишь кивала головой и издавала почтительное «угу».

Наконец, двери в зал распахнулись услужливыми швейцарами, и моему взору предстало дивное зрелище. Около двадцати вампиров разных мастей, от худых до толстых, от высоких до низких, от рыжих до жгуче черных, от веселых до грустных, в общем, вы понимаете, что

публика собралась разношерстная.

Увидев нас, они мгновенно вскочили и склонили головы. Здрасьте, здрастьте, черти окаянные, — подумалось мне. Последняя выходка Лиззи вынудила меня снова сделать шаг назад в отношении моих симпатий к этим зверям. А холодные голубые глаза Марка так и вовсе заставили передернуть плечами от фантомного холодка. Не то, чтобы он был некрасив. Очень даже хорош собой, и если бы не его кровелюбительная сущность и богатый жизненный опыт в цифру с несколькими нулями лет, я бы первая выстроилась в очередь из его фанаток. Но то, что он вампир, и то, как он обошелся со мной — меняет коренным образом все. И сейчас, стоя здесь, в дверях перед толпой вампиров, которые все как один уставились на меня с выражением лица «да, детка, снимай свое платице», я испытала некоторый дискомфорт. А уж когда прочитала их мысли, которые посыпались мне в голову, как картошка из мешка...

— Шиздец...

Ручаюсь, еще пара минут и здесь начнется оргия, я даже отступила на шаг назад, при виде наступающих со всех сторон нетопырей.

— Первое, — спокойно изрекла Элизабет, — этот человек находится под моим покровительством. Любой, кто причинит ему вред, будет немедленно казнен!

Хрена се сколько чести. Но лучше уж так, чем без каких-либо гарантий. Во всяком разе, я буду знать, что если меня изнасилуют и убьют, то моя смерть будет отомщена. Если вампиры все-таки так хорошо держат свое слово, как мне это показалось на первый взгляд.

— Второе, Давид, подойди, — Элизабет повернулась ко мне и попросила шарф, который я так бесцеремонно скомуниздила из квартиры Лины. И тут из толпы уже рассевшихся вампиров, к нам двинулся дядя-шкаф. Нет, серьезно, при его росте два с лишком метров, он имел в объёме плеч никак иначе — две меня. С прямоугольной формой черепа, побритый, как бывалый зек и со странной татуировкой в центре лба. Давид был последним человеком, с которым я хотела бы встретиться в переулке темной ночью, или в списке недоброжелателей которого хотела бы оказаться. Мило улыбнувшись, я подала предмет гардероба амбалу по имени Давид.

— Что я должен с этим сделать, госпожа?

— Ты можешь определить, какому из сверхов принадлежит этот запах?

Она выжидательно уставилась на вампира, который, чуть оголив клыки, едва выглянувшие из-под верхней губы, закатил глаза и повел носом. Его клыки не были похожи на те, что я видела у Марка или Лиззи, или даже Александра. Они были больше, да и из самих было гораздо больше.

Не в силах держаться на ногах и валясь с ног от смертельной усталости, я пошла на свободный стул. Именно на него мне указала Элизабет — между Александром и Марком. Между двумя мне знакомыми вампирами, один из которых смотрел на меня с выражением недоумения, второй беспристрастно. Впрочем, нет, в его глазах на мгновение промелькнуло то самое чувство, которое я никак не могу разгадать. Но оно исчезло так же внезапно, как и появилось, и Марк устремил взгляд на Давида.

— Как ты здесь очутилась? Да еще и в компании с Марией-Элеонорой?

— Начнем с того, что твои чары на меня не подействовали. А теперь давай смотреть шоу, — я откинула голову на спинку стула. Благо, спинка была высокая и мягкая, а потому позволяла это сделать. Закрыв глаза, я почти мгновенно провалилась в сон. Но вновь меня вернули с небес на землю. Александр активно пихал меня в бок и, кажется, я даже открыла

глаза, но ничего не увидела.

— Что с тобой?

— Что с ней такое?

По залу прошла волна перешептываний, через несколько мгновений, и я присоединилась к этой волне.

— Что такое? Почему все перепуганы?

— Они несколько удивлены твоим воспитанием, — надменно изрек Марк, не оторвав подбородка от руки, облокотившейся на ручку стула.

Тем не менее, вампирское сообщество с недоверием косилось на меня. В числе оных была и Элизабет, которая быстрым шагом приблизилась. Понимая, что женщина вряд ли присядет, чтобы опуститься до уровня человека при всех, я встала и посмотрела ей в глаза.

— Ты забыла рассказать мне о чем-то? — требовательно спросила женщина. Здоровяк Давид стоял за ней, как вышибала в клубе, ожидающий щелчка пальцами. Активно соображая, не нашла ничего, что могло бы заинтересовать женщину, прожившую немного больше меня.

— Да что случилось-то вообще? Ну, моргнула чуть дольше обычного...

— Твои глаза... они закатились, словно ты была в трансе.

— Мария-Элеонора, — понимая, что вампирам может не понравиться панибратское отношение к им подобным, я выбрала ту форму, которую использовали Александр и Марк, казалось, она это одобрила и наверняка, пока мы шли и я дремала, речь Лиззи была наполнена именно этими тонкостями, которые бы помогли сохранить мир и спокойствие в вампирской общине. Ох, признаться за последние два дня вампиров я видела больше, чем людей... сомневаюсь, что люди вообще существуют, — я телепат, о чем вам известно. Иногда случаются видения. Меня ударила молния, возможно, это последствия...

— Молния говоришь? — она подозвала к себе молоденькую рыжеволосую вампирку. Женщины о чем-то посоветовались, роняя на меня взгляды, затем Лиззи вновь одарила меня вниманием. — Насколько понимаю, на тебя не действуют наши чары?

По залу прошелся ропот. Ну и чем, скажите, они отличаются от людей? Такие же впечатлительные. Но через мгновение до меня дошли тревожные мысли «она представляет для нас угрозу», «в ней может таиться погибель роду вампирскому», «я этого не делал, только бы она не рассказала княгине», «и все равно я бы раздел ее прямо здесь и...» ну уж нет.

— Нет. Александр пробовал, но из этого ничего не вышло.

— И на зов ты не отвечаешь, — она в этот раз без доли иронии обратилась к Марку, который ничуть не изменился в лице и сидел все такой же холодный и беспристрастный к происходящему, — интересно, действуют ли на тебя остальные вампирские возможности, Лорали.

— С удовольствием! — со стула, стоявшего рядом с Марком, встала вампирка, которую я видела в «Сверхе» на фейс контроле. Та самая, скрывающая от своего босса грязные делишки.

Вампирка заняла место Лиззи напротив меня и впилась своими едкими зелеными глазками в мои. Ощущение, словно ее взгляд был физическим контактом, и смотрела она с такой ненавистью, что я готова была сквозь землю провалиться. Простояв так несколько минут, я устала, к тому же безумно хотелось спать, и я, не удержавшись, стала часто и очень медленно моргать.

— Мария-Элеонора, — умоляюще простонала я, чем заработала вторую волну ропота с примерно таким же содержанием мыслей. Лишь Марк, Александр и Мария-Элеонора оставались спокойными. Впрочем, Александр пару раз впечатлившись, поерзал на стуле.

Лорали, одарив меня презрительным взглядом, заняла свое место рядом с хозяином. А королева бала — Лиззи, изумленно улыбнулась.

— Что ж... бесстрашных мы встречали и прежде. Марк?

— Обладает определенным иммунитетом.

Это на что, интересно мне знать.

— Говоря простым языком — не дала, — вампирка мелодично рассмеялась, а вампир чуть не зевнул, сочтя шутку либо неуместной, либо довольно неудачной, — Мелинда.

На этот раз, истязать меня подошла рыжеволосая девушка, с которой совещалась Элизабет. Эта самая Мелинда, внешне я всегда представляла ведьм именно такими, потечески окинув меня взглядом с ног до головы, закрыла глаза и сложила ладони к вискам. Не знаю, чего она добивалась, потому как через минуту, развела руками и вернулась на свое место.

— Понятно, делиться мыслями тоже не желаем. Ты более забавная, чем я себе это представляла.

Все это очень походило на цирк, где я была зверушкой, которую единственный раз за год разрешили потискать и сфотографировать на память. Не ожидала такой подставы. Кстати, больше никогда в цирк не пойду.

— Да в чем дело-то? И как это связано с охотником?

— Наша история знает всего один случай, когда на человека не действовали способности вампира. Увы, здесь не представлены все, поэтому сказать точно не могу, но уверена, что ты — второй случай. И это более чем забавно, — она задумалась и, не найдя ажиотажа с моей стороны, вернулась к теме охотника. — Так что ты думаешь по поводу сущности этого самого Валентина? Что ты расскажешь о нем?

Вспомнив, что этот момент я, кажется, проспала, мне пришлось выкрутиться:

— Ну, он демон...

Недовольно фыркнув, Лиззи отошла к дверям и заняла место на отдельном стуле. Давид, вернув мне шарф, так же уселся на отведенное ему место.

— Итак. Вернемся к сути. Мы имеем дело, судя по всему, с довольно сильным кланом демонов...

Договорить ей не дали. Двери судорожно отварились, и в зал ворвался запыхавшийся мальчик. Ни за что бы ни подумала, что у какого-то изверга хватит совести обратить такого юного человека. Он же совсем ребенок, ручаюсь, ему нет и 12 лет. Какого было родителям потерять свое дитя? А какого дитятке навечно остаться девственником?

Пытаясь отдышаться, он присел на корточки. Все взгляды, спокойно и величественно ожидавшие послания, были устремлены к нему. Видимо, подобное у вампиров дело обычное.

Наконец, отдышавшись, мальчик встал и подошел к Марии-Элеоноре.

— Боюсь, у нас плохие вести. Смотрители Торингейла и Даршинбира были убиты сегодня. Их представители не решились звонить, для надежности послали меня к Марку. Сказали, что приверженцы князя повсюду. И они настроены агрессивно.

— Что? — Мария-Элеонора вскочила и просверлила парня негодующим взглядом, — Это были одни из самых опытных вампиров, которых я только знала. Закаленные ни в одной схватке! — сделав глубокий вдох, она соизволила парню удалиться. — Господа, кажется,

нам объявили войну.

— В таком случае, не хватает всех представителей. Еще четыре зрителя должны быть здесь, — вставил слово худой вампир, очень похожий на англичанина. Со вкусом одетый, владеющий прекрасными манерами и часами за две тысячи долларов. Судя по тому, как он встал и склонился в глубоком поклоне, наверняка какой-нибудь лорд.

— Именно поэтому я просила никому не распространяться о нашем собрании...

— Бла, бла, бла, — все это мало меня касается, дойдут до самого интересного — разбудят. Думаю, что сверхи сами в состоянии разобраться со своими проблемами.

— Совсем недавно стало известно... на собрании... разведение людей... для пропитания.

Что? Разведение людей для пропитания? Я встrepенулась и осоловелым взглядом окинула присутствующих. Их лица не выражали каких-либо ярких эмоций. Их мысли были пусты и сосредоточены на говорящей. Сдается, она была на каком-то собрании, и там предложили внедрить новые методы пропитания. Видимо, я упустила что-то интересное.

— Поэтому, вампиры раскололись на три лагеря. Те, кто поддерживают княгиню, те, кто поддерживают князя, и те, кто нейтральны. Которых устроил бы любой исход дела.

Вот именно к таким я и отношусь на данный момент. Меня сейчас очень бы устроила кровать, мягкая подушка, одеяло, простынка... а можно и на теплом коврикe...

Когда я открыла глаза, то поняла, что мысль материальна и вселенная отвечает на наш зов. Во-первых, я действительно лежала, раскинувшись на персидском ковре Александра, но не припомню, чтобы обнаглела до такой степени. Во-вторых, надо мной склонилась Лиззи и Мелинда. В-третьих, выражения их лиц сулили мне неприятности.

— Давно ты жрица?

— Какая еще жрица? — переводя недоумевающий взгляд с одной вампирки на другую, пыталась сообразить я.

— Давно тебя ударила молния?

Хороший вопрос. В голове все настолько перемешалось, что сейчас я не вспомню точной даты своего рождения, хоть убей.

— Вроде бы недели две-три назад...

— Значит пока не страшно, — помогая мне подняться, улыбнулась Мелинда.

Я оглянулась, собрание, судя по всему, уже закончилось. И закончилось, либо, очень питательно, либо очень трагично, потому как стены комнаты орошала медленно стекающая кровь, а на нескольких стульях я разобрала очертания некоторых органов и куски омертвелой кожи. Запах в комнате стоял отвратительный.

— Это я сделала?

Как ни странно, я не чувствовала ничего и с опустошением глядела на потолок, откуда на меня упала пара густых прохладных капель. Размазав их по щеке, я повернулась к вампирам.

— Ты о себе довольно высокого мнения, — задорно улыбнулась Лиззи. Окровавленные ладони женщины говорили сами за себя. Я поспешила найти взглядом Александра, он угрюмо стоял возле окна, вытирая руки. Слава богу, жив, — подумалось мне, но вид окровавленных полотенец заставил внутренности сжаться. Марк невозмутимо стоял, облокотившись о стол, и о недавнем происшествии говорили лишь забрызганные кровью белокурые пряди мужчины.

— Что же, черт побери, здесь произошло...

— То, чему ты должна была помешать. Я просила тебя об этом, пока мы шли в конференц-зал, но, по ходу, ты пропустила все мимо ушей, — вампирка приблизилась ко мне настолько быстро, что я не успела опустить ресницы, как ее восхитительно прекрасное лицо было возле моего, — слушай внимательно. Теперь от тебя необходимо то, что ты умеешь и то, для чего ты здесь находишься. В соседней комнате сидят вампиры. Ты должна прочесть их мысли и рассказать о них нам. Это все, что от тебя требуется.

— Только прочесть и сказать вам? — сглотнула я, стараясь не выказывать клокотавших внутри меня эмоций.

Александр, закончив очищать руки, подошел к Элизабет, она мягко ему улыбнулась и что-то прошептала. Мужчина взял меня под руку и повел в другой зал.

— Мне стоит опасаться?

— Думаю, что самое страшное еще впереди. Увы.

Зал, в который меня привели, был наполнен страхом. Не умея читать ауру и даже не умея читать мысли, любой бы человек об этом догадался. Вампиры, сотнями лет топчущие землю, те, на чьих глазах вершилась история, сидят сейчас здесь и трясутся от одной мысли, что им предстоит пройти испытание мной... признаться, меня это будоражило не меньше. Что ж, просто прочту их мысли и пойду домой спать. Никаких обязательств.

В зале появился Марк. Я почувствовала его присутствие, даже не увидев вампира. Каким-то внутренним чутьем, будто внутри что-то екнуло. На всякий случай, обернувшись, я подтвердила свои опасения. Кажется, наша кровная связь начинает себя проявлять.

— Давид. Первого, — скомандовала Мария-Элеонора, встав у стены и сложив руки на груди. Она такая сосредоточенная и воинственная, словно здесь решается судьба мира.

Передо мной на стул посадили мужчину, обращенного лет в 45. Его черты лица были добрыми, как у мистера Берта, работавшего охранником в нашем детском приюте. Пожалуй, он был единственным человеком, о котором я могла вспоминать с любовью. Не считая, разумеется, Нефрита. И только он уделял достаточно времени для того, чтобы поболтать со мной после работы часок-другой просто о жизни и дать пару дельных советов. Кстати, именно он и обучил меня определенным приемчикам, которые не раз помогали выйти сухой из воды.

Сейчас же мне предстояло прочесть мысли мужчины, который как две капли воды был похож на моего давнего любезного друга. Я невольно прониклась симпатией к этому вампиру. К тому же, на его глазах выступили слезы, которые заставили мое сердце облиться кровью. Сжав губы, я процедила:

— Задавайте ему свой вопрос.

— На чьей вы стороне, мистер Колинз?

Мужчина зажмурился и замотал головой, стараясь ни о чем не думать. Я читала это «ни о чем не думать, ни о чем не думать, ла ла ла, ни о чем не думать, бла бла бла».

— Вы не сможете ни о чем не думать вечно, мистер Колинз, — мягко тронув руку мужчины, я улыбнулась. — Вам достаточно только сказать — на чьей вы стороне и это все закончится.

Я не знала, как все это закончится, но мне безумно захотелось успокоить вампира, который не менее безумно опасался за свою жизнь и за жизнь его новорожденной — новообращенной Луны. Его сознание распахнулось. Прочитав, я неуверенно вымолвила, не зная, что последует после моих слов.

— Он на стороне княгини.

Гневно фыркнув, Мария-Элеонора вынесла приговор:

— Давид!

Амбал, без тени эмоций, подошел к сидящему на стуле вампиру, который содрогался от страха и зажмурился, чтобы не видеть всех ужасов, которые могут произойти. Да и я сама не понимала, что произойдет, пока мое лицо не оросило кровью, а перед носом не колыхнулось сердце мистера Колинза, зажатое в волосатой и когтистой руке Давида. Закрыв рот руками, чтобы не закричать, я глядела на орган, безжизненно обмякший в руке существа, которое считала до сего момента вампиром. Это не вампир. На глаза набежали слезы... причиной каких жестокостей я стала? Когда случилось так, что из-за одной моей фразы стали прерываться жизни?

— Отнесите его и расправьтесь. Окончательно. Без права воскрешения, — таким тоном разговаривают отцы с сыновьями, чтобы поощрить за первую пойманную рыбу.

Меня вывернуло. Прямо на богатый ковер Александра. От вида крови, от вида внутренних органов, трепещущих в когтистой лапе невиданного мной ранее существа, от ощущения того, что это не единственная смерть на сегодня.

— Может быть, облегчите задачу моему человеку? — Лиззи закатила глаза, посмотрев на меня, и обратилась вновь к стусевавшимся вампирам. К слову, они были связаны и вряд ли могли оказать какое-либо сопротивление, — ну? Кто из вас на стороне княгини?

Тут я поняла, быть на стороне княгини — это неправильный ответ. Но только каково мое отношение? На чьей стороне я? Катилина! Из всех лекций, которые вы проспали на своем веку, это была самая важная!

— Что ж. Тогда вы, Миссис Донаван. Давид, помоги.

— Я больше не буду этого делать, — не в силах сдержать слезы, прошептала я. Уверена, каждый вампир прекрасно это услышал. Ведь вампиры не люди и слышат все, что нужно и не нужно.

— Что ж, я это предвидела, — улыбнулась Лиззи. — Твоя жизнь неприкасаема, и я перед тобой в долгу. Однако, не помню никаких обязательств в отношении Лины или Нефрита, — она состроила невинное личико, припоминая. — Нет, кажется абсолютно никаких.

И эту змею я пригрела на своей груди? Ее я спасла и уложила спать в собственном доме? Благодаря ей чуть не сменила мнение о вампирах на положительное? Вот ведь Сука! Как она вникла во все мои проблемы и прознала все слабости.

Уверена, Александр и Марк тоже участвовали в этом хорошо слаженном спектакле, наверняка они заранее задумали сделать меня оружием мести.

На стул, залитый кровью, посадили миссис Донаван. Спокойную, благородную вампирку с пышной каштановой копной волос и бюстом третьего размера. Пожалуй, это два ее выдающихся качества. В остальном же она была весьма посредственна. Даже не дожидаясь вопроса, я ответила:

— За Князя.

— Ты хорошо подумала, Катилина?

— За Князя, — сквозь зубы процедила я.

Женщину увели. Кажется, одно существо мною спасено. Однако же, врать вампирам я опасалась, прекрасно понимая, что шатко не только положение Лины, но и мое собственное, ведь передо мною в долгу только Мария-Элеонора и Александр, а тот же самый Марк или Давид с радостью разорвут меня на куски.

Оставалось еще пятеро вампиров. Среди них не было ни Мелинды, ни Лорали, ни других знакомых мне лиц. Еще два сердца на прощанье дернулись в сильной когтистой лапе амбала и оросили меня струями крови. Надеюсь, что на этом, наконец, моя миссия ангела смерти закончится, я обессилено обмякла и села на ковер, забрызганный и заляпанный всем, чем только можно. Мне было противно от себя самой и от ситуации, которая происходила.

Элизабет оживленно беседовала с Мелиндой и Давидом, Марк сверлил холодным взглядом Лорали, которая пыталась стелиться перед ним, словно ковер, а Александр потечески накрыл мои плечи своими ладонями. От неожиданности я вздрогнула и вырвалась.

— Спокойно, Кати, все хорошо.

— Что? — ошарашено взвизгнула я. — Ты говоришь, что это в порядке вещей???

Комната являла собой результат смертной казни. Она так и дышала смертью. Предварительной и окончательной. Как иначе назвать смерть неживого существа, кроме как окончательной? Как же я мечтала, чтобы в этот момент они все горели в аду и при этом громко кричали от боли. Причем, чтобы они прочувствовали боль всех своих жертв разом... уверена, ни один бы из них не перенес подобной пытки.

— Нет, разумеется, это нехорошо. Но то, что ты видишь — это необходимая жертва. Благодаря тебе мы сможем остановить куда большую катастрофу, — он заискивающе посмотрел в глаза, чуть коснувшись моего подбородка.

Его бархатистый голос убаюкивал и обволакивал покрывалом нежности и заботы. Припомнился наш первый разговор в галерее и этот нелепый поцелуй, с которого все и началось. Вновь вспомнив, что за существо сейчас вызывает во мне столь романтические чувства в такой момент, я оттолкнула его руку и шатающейся походкой подошла к Лиззи.

— Надеюсь это все, что ты хотела, сука? — злобно рыкнула я.

— Деточка, я вижу, ты устала, иди, поспи хорошенько, а завтра вечером нам стоит поговорить с Линой. Подготовь ее к тому, что она больше никогда не увидит Валентина. Все-таки это будет для нее удар, — казалось, Лиззи даже была искренней. Она заботливо погладила меня по волосам и, улыбнувшись на прощанье, вновь повернулась к Давиду.

Сказать, что я была немного офонаревшей — не сказать ничего. По ходу такое поведение считается нормальным и нелицемерным у вампиров. ТАКОЕ сочетание ангельской доброты и заботы и дьявольской беспощадности и злобы... при всем этом, ей удастся жить в ладах с собой. Любой психотерапевт вскрыет вены после общения с ней... Поймав себя на мысли, что я уже несколько минут ополоумевшим взглядом сверлю Марию-Элеонору, я развернулась на каблуках и, гневно сопя носом, пошла прочь.

— Постой, деточка, я совсем забыла тебя предупредить.

ЧТО ЕЩЕ????????????

— Да?

— Давид завтра заедет за тобой. Боюсь оставлять тебя одну без присмотра. Теперь, когда мы знаем, что Валентин демон — могут объявиться и другие охотники. Ты слишком ценна для нас, чтобы тебя терять.

Что? Давид ПРИСМОТРИТ за мной? Может быть, Давид присмотрит, чтобы я не собрала вещи и не сбежала от вас? Признаться этого мне бы хотелось больше всего. Что ж, я человек терпеливый. Покончим со всем этим, и я навсегда отрекнусь от мира сверхов. Вновь не в силах переварить сваливающийся на меня объем противоречивой и многозначительной информации, я стояла в ступоре и смотрела в сторону вампирской кампании, которая, кажется, праздновала первый этап своей победы.

— Так, пойдём со мной, — Александр взял меня под руку и всем видом показал, что никакие возражения не принимаются.

Мы вышли на улицу и сели на прохладный камень крыльца. Идеально чистое небо, без единого намека на перья облаков ошетинилось острыми звездами. Они, казалось, подмигивали нам. Какая-то в этом была ирония.

— Звезды, такие же бессмертные, как и вампиры, только первые не убивают, а просто дарят этому миру красоту и загадочность.

Он не знал что ответить. Да этого и не нужно было. Достаточно лишь то, что кто-то здесь и молчанием старается поддержать во мне хоть какую-то бодрость духа. Мой взгляд источал усталость и опустошение... его взгляд источал... ну вот, снова. Его взгляд источал желание, черные как бездна глаза изучали меня, и в этот момент я была не в силах сопротивляться. Но, что делало вампиру честь, он не воспользовался ситуацией, а лишь крепко меня обнял, позволив рыдать на его плече. Вот что называется — плакаться в жилетку. Сколько себя помню — слезы никогда не лились рекой в детстве, тем более не лились в юности, а сейчас, я просто раскисла. С другой стороны, такова реакция женского организма на стресс и этим мы выгодно отличаемся от мужчин — выпустив свои эмоции на свободу, мы очищаемся и успокаиваемся. Поглаживая меня по волосам, Александр создал тот тихий уютный уголок, который больше всего нужен был в эту минуту. Но все прекрасное быстро кончается.

— Давно ты стал подтирать человеческие сопля, Рихард? — сарказм Марка прямо-таки блистал остроумием. Но мы не обратили на него никакого внимания. — Мария-Элеонора желает тебя видеть.

Заметив, что вампир решил меня покинуть, я лишь одними губами прошептала:

— Не уходи...

Тем не менее, он ушел, оставив меня наедине с моими мыслями и ужасами произошедшей ночи. К тому же, мой кошмар наяву — Марк стоял за спиной и заставлял сердце усиленно биться. Сегодня вечером одиночество — самое страшное, что только можно себе представить...

— Что теперь между нами? — после долгого молчания в отчаянии спросила я.

— Узы крови.

— Почему я не могу тебя ненавидеть?

Он усмехнулся одними уголками губ. Мне не нужно было оборачиваться, чтобы понять это. Я просто знала, но почему так остро чувствовала все, что делает, переживает и хочет этот вампир, ни малейшего представления не имела.

— У нас сложные отношения. Мы семья, любовники, друзья и враги. Тебе незачем пытаться понять это... Езжай домой!

Он уже хотел уйти. Не знаю, что это было, я уже совсем ничего не понимаю в своей жизни, но я обернулась и остановила его.

— Проводи меня.

Мужчина поднял обе брови и с изумлением изучал мое лицо. В нем было столько незнакомых ему эмоций, точнее знакомых, но давным-давно забытых, что, возможно, это его разозлило.

— Ты дура, — рявкнул он и отвернулся.

— Мне это нужно! — настаивала я.

Постояв несколько мгновений и явно не зная, удовлетворить мою просьбу или отказать

в ней, он гневно хлопнул дверью перед моим носом.

Но на моем лице растянулась улыбка победителя.

Вскоре, машина неслась на предельной скорости по ночному Мелфриду, а я, сидя на пассажирском кресле, изучала Марка, решительно не желавшего обращать на меня внимание. Сдается, в этот момент он себя ненавидел, а меня грело ощущение этой маленькой победы над таким взрослым вампиром.

— Расскажи мне, что произошло сегодня?

— Что, сейчас вдруг любопытство пересилило сон? — вдавив педаль газа до предела в пол, огрызнулся он.

— Именно так, — улыбнулась я, скинув туфли и обняв колени руками. — Я имею право знать, за что моими силами убиты те вампиры.

— За их приверженность не той стороне.

— Ты милый, — усмехнулась я, считая, что раскусила его.

— А ты идиотка.

— Почему?

— Потому что связалась с нами.

— Это был не мой выбор. А будь он моим, то сейчас бы я лежала дома, в своей постели и видела хороший сон, не подозревая, что где-то там, в ночном мраке ходят создания гораздо ужаснее и кровожаднее, чем бабайка. Я должна знать, что это за война?

— Ты должна знать, что ты на правильной стороне и выполнять все требования старейшины. Тогда, возможно, тебе удастся сохранить свою жизнь.

— Старейшины? А кто это?

Марк впервые посмотрел на меня и снова ухмыльнулся лишь уголками губ. Это был его фирменный жест — не показать эмоцию, а лишь обнаружить намек на нее.

— Мария-Элеонора Элизабет — одна из пятнадцати старейшин. Одна из самых могущественных и влиятельных вампиров на этой планете. Деточка, — добавил он тоном Лиззи, явно намекая, что это прозвище касается не только людей, но так она обращается даже к некоторым вампирам. Выходит, у меня в доме была старейшина.

— Это должно меня впечатлить? — устало спросила я.

Вампир промолчал, но явно остался доволен моим бесстрастным отношением к подобной новости. Как бы то ни было, вампир он и есть вампир. То, что она старейшина, никоим образом не перевернуло всю мою жизнь. Хоть папа римский, мне чхать на это глубоко. Разбираться в вампирских должностях и политических связях мне хотелось меньше всего.

Машина остановилась около крыльца. Как будто бы зная мою привычку, вампир припарковался на заднем дворе, и все его существо показывало, что он решительно против того, что сейчас происходило и решительно против того, что находится здесь. Какая ирония. Ведь именно этого он добивался все время нашего знакомства, а сейчас вдруг застыл в нерешительности. Однако, моей решимости хватило на двоих...

Эта ночь была, пожалуй, самой странной ночью в моей жизни. В ней удовольствие и страх сплелись в одно, в ней исступление от ужаса и наслаждения шли рука об руку, наконец, в ней мои фантазии и мои опасения оправдались.

Впервые пробуждение было столь приятно и сладостно. Наверное, недели две я так хорошо не высыпалась и так сладко не потягивалась на утро, лежа... стоп! Лежа в кустах на сырой траве? Да, нынче чем дальше, тем все интереснее становится...

Городские часы пробили два часа дня и, сдув с лица непослушные пряди, я чуть раздвинула кусты, чтобы понять, где нахожусь, и что происходит вокруг. Совершенно точно я находилась в кустах, на клумбе, разбитой на центральной площади Мелфрида. И мне в нос пышут сладостью, кажется, маргаритки лилового цвета.

Ой, сдается, вчера вечером я натворила столько всего... плюхаясь обратно в траву, я просто не знала, что мне делать. Та новость, что я каждое утро просыпаюсь в новом месте, уже не столь удивляет меня. Во всяком разе, мне известно, где нахожусь. Но то, что вчера я переспала с Марком!!! Я же его терпеть не могу!!! Это же вампир!!! Причем, последний вампир, на которого бы я взглянула, будь в здравом уме, а вчера я в таком явно не была. Наверное, это сообщение о какой-то там жрице, закатывание глаз и вырывание сердец свели меня с ума. Помнится, я еще наглоталась крови вампиров... так вот в чем дело! Лиззи говорила, что наглотавшись вампирской крови можно сойти с ума. По ходу, это со мной и произошло. Что ж, с первым пунктом разобрались. Надо будет сразу расставить все точки над и, чтобы Марк не строил никаких далеко идущих планов на счет моей крови и на счет заявлений «она моя», а то, глядишь, уже и семью с домом, камином и босоногими вампирятами себе нарисовал. Надеюсь, у них «перепила вампирской крови и была неадекватна» является достаточным оправданием.

Действительно, Катилина Астрид Мередит, вам пора наводить порядок в вашем жизненном бардаке! Все. С этого дня расставляю все по местам, заканчиваю все свои дела и уеду на море вместе с Линой.

Черт!!! Они же с утра пойдут меня будить и застанут в моей кровати спящего вампира! Капец... Хотя забавный.

Телефонный звонок привел меня в полное замешательство. Приподняв голову, я заметила, что нахожусь хотя и в грязной от долгого лежания в сырой траве, но относительно приличной и не спальной одежде. Ну дела, как меня в клумбу-то занесло?

— А?

— Катилина? — спросил уверенный мужской голос.

— Ну, вроде, а вы кто?

— Я Кристофер. Помните, брал у вас интервью на счет ваших отношений с Александром?

Моих отношений с Александром? Так вы о другом вампире? В моей личной жизни столько вампиров, что немудрено запутаться в их клыкастых достоинствах...

— Мм, — только и смогла выдавить.

— Я не совсем вовремя? Вы где?

— В кустах, — бездумно ляпнула я, — ой, то есть... ээмм, ну в общем неважно, вы что-то хотели?

— Да. Кайл куда-то пропал. Он обещал мне скинуть фотографии сегодня утром, но их до сих пор нет. Его домашний и мобильник не отвечают, рабочий тоже, может быть, вы знаете, где находится ваш босс?

— Ну явно не со мной, если вы на это намекаете...

— Нет, что вы. Просто я в замешательстве. Газета должна быть сдана в печать в течение часа, но без фото мы прогораем, это первая страница.

— Ох, хорошо, я посмотрю, что могу для вас сделать.

— Спасибо Катилина, вы очень милы. Буду ждать от вас вестей.

Отлично. Теперь еще и мой начальник куда-то свинтил. Ладно. Надо выбираться отсюда

и проведать место своей работы. Заодно спокойно напишу свою статью, иначе, чую, действительно не судьба ей увидеть свет, а моему литературному дебюту состояться.

Мое выныривание из кустов в самом центре площади заставило Мелфридьян изрядно удивиться. Кажется, я говорила, что наши жители — порядочные любители посплетничать и поглазеть на какое-нибудь зрелище, хоть сколько-нибудь занятное. Так вот выползание из кустов девушки из высшего света было более чем занятным делом и более чем пикантной новостью для сплетен. Уверена, уже через час Леди Кэтрин сорвет мне мобильник своими звонками и криками по поводу моих половых извращений в центре города с бездомными зверями среди бела дня. Мелфридяне такие мелфридяне...

Стараясь не обращать внимания на глазающих на меня людей, я гордо вскинула голову, однако, не забыв отсалютовать ручкой миссис Норрисон — нашей вездесущей старушке, первой сплетнице Мелфрида и подмигнуть Конни, которая, завидев меня, шарахнулась как от прокаженной. Похоже, она спешила на работу, судя по форме.

Мой офис находился в двух кварталах от Центральной площади, потому я решила прогуляться и подышать свежим воздухом, заодно и мысли привести в порядок (да и одежду подсушить). Все-таки редакция «время Мелфрид» неплохое местечко. Кайл владел телестанцией и газетой, которые раз в неделю выходили в эфир с местными новостями и развлекательными программами. Работать журналистом в кадре я еще не была готова, а вот попробовать себя в газете всегда мечтала, еще со студенческой скамьи.

Судя по всему, кто-то наверху был очень зол на меня. Непонятно откуда со всех сторон налетели грозовые тучи, за минуту небо из кристально голубого превратилось в свинцово — черное и раздался первый раскат грома, принесший с собой штормовой ветер. Еще никогда прежде не видела, чтобы погода меньше чем за минуту изменилась подобным образом, словно по взмаху волшебной палочки. Ледяной ливень тоже не заставил себя ждать, и уже через пару шагов я промокла насквозь.

Кое-как, едва разбирая дорогу и передвигая ногами, в борьбе с ветром за каждый метр, я добралась до редакции газеты «время Мелфрид». Только за моей спиной спасительно закрылась железная дверь, как в нее с грохотом ударилось что-то тяжелое. Я попыталась открыть ее, но не вышло. Этот предмет заблокировал выход. Что ж, во всяком случае, я на своей работе, а здесь полно мужчин, которые тоже хотят домой.

Сырая, как рыба, и продрогшая до мозга костей, я поднялась на второй этаж, где меня дружелюбно встретила Пуффи, завившая свои короткие волосы в крутые кудряшки. Сухая и приятно пахнущая румяная особа. Мне стало завидно.

— Ой, леди Мередит, да вы же продрогли насквозь, сейчас я сделаю вам горячий кофе. Можете обсохнуть в офисе Кайла, его сегодня нет, и по ходу, не будет. Там есть сухие полотенца, а в туалете сушилка для рук.

Она убежала суетиться с кофе, а я благодарно прошла в уборную, при кабинете начальника. С упоением наслаждаясь горячими струями воздуха, я мечтала о пляже средиземного моря, о красавцах-мулатах и о мохито с трубочкой.

Вместо этого, но и на том спасибо, на стол брякнулась чашка с кофе и два кусочка рафинада.

— Ты любишь сладкий? Я еще не знаю твоих пристрастий, так что положила сахар, — улыбнулась женщина. Действительно, в должностной обязанности «угождать» она была лучшей и вряд ли ее повысят когда-нибудь, слишком выгодно за относительно невысокую плату иметь при себе настолько исполнительного работника.

— Спасибо, Пуффи. А куда пропал Кайл? — встряхивая влажные волосы, поинтересовалась я.

— Он вчера вечером позвонил мне, и предупредил, что придет сегодня пораньше. Попросил, чтобы я приготовила фотографии для какой-то шишки из столичной газеты, но сам не явился. Это на него не похоже. Ни мобильник, ни домашний не отвечает. К тому же Лара заболела. Я не знаю, что делать с номером, который выходит уже завтра. Сегодня нужно закончить все приготовления, а завтра сдавать в верстку. Это сведет меня в могилу. Кати, ты бы не могла мне помочь?

— Бог с тобой, Пуффи, я в этом вообще не разбираюсь. Впрочем, мой посильный вклад — это написание статьи и отправка фото этой вашей шишке.

— И на том спасибо, — раздосадовалась женщина, закрывая стеклянную дверь кабинета. Из-за двери уже, она показала, что если мне что понадобится, то нужно лишь помахать, или нажать кнопку на телефоне. Натянуто улыбнувшись, я плюхнулась на мягкое крутящееся кресло начальника, больше похожее на трон. Если бы меня спросили, хочу ли в будущем занимать такое положение, вряд ли бы я ответила сразу же и утвердительно. Все-таки это было не мое. Вычурно деловой стиль кабинета, стол из темного лакированного дерева, в рамках дипломы «Журналист года» и «Лучшая новостная газета месяца», не такой уж великий повод для гордости, учитывая, что существует газета около сотни лет. Впрочем, то, что под руководством Кайла удалось заслужить две награды, говорит об уровне его мастерства.

Включив компьютер, я в ожидании загрузки, уставилась в окно. Там по-прежнему люто бушевала стихия, пригибая к земле деревья, срывая с крыш домов черепицу, стуча в окна мусором и обломками веток. Еще никогда не было в Мелфриде такого сурового урагана, во всяком случае, никогда на моем веку... только я захотела погрешить на сверхов, как мои раздумья прервали.

— Кати, звонят по третьей линии, ответь.

— «Время Мелфрид», Катилина, добрый день.

— А где Кайл? — послышался возмущенный голос молодой девушки.

— Извините, но его сейчас нет на месте. Если вы обладаете какой-то срочной информацией, то оставьте ее мне, передам.

Женщина напряженно задумалась, а я усидчиво ждала, пока она определится, какие эмоции возьмут верх — ревность или чувство долга:

— Передайте, что в местной школе рухнула крыша, имеются пострадавшие. Спасатели, в связи с погодными условиями не могут пока отправить туда команду. Ветер такой, что людей просто сносит. Нам остается лишь ждать улучшения погоды.

— Кто сообщил? — я судорожно записывала данные.

— Позвонила учительница, которая возвращалась с обеда и застала трагедию.

— Ее имя.

— Бонетта Стоун.

— Спасибо, держите нас в курсе, — только положив трубку, я сразу же бросилась к Пуффи.

— Что случилось?

— Обрушилось школьное здание. Операторы на месте?

— Да, но диктора нет... программу же выпускают раз в неделю.

— Так... тогда свяжись с программистами, пусть выкладывают эту информацию на

нашем сайте, — я положила перед побледневшей девушкой исписанный листок, — и все, у кого имеются хоть какие-то данные, пусть сразу же сообщают тебе.

— А ты куда? — спохватилась секретарша. Но мне было не до этого. Только от одной мысли, что там, под развалинами сейчас умирают дети и кричат от боли, мое сердце разрывалось на тысячи осколков.

Вырвавшуюся на улицу через запасный выход, меня едва не сбило с ног бурным потоком грязевой жижи, стекающим прямо по трассе. Заскочив в машину Пуффи и мысленно поблагодарив женщину за ее доверие жителям и гостям города, я достала из-под водительского сиденья ключи и рванула с места. Машину заносило, потоки воды хлестали так, что сложно было разобрать дорогу, повороты, знаки, свет светофора. Спасало одно, что ни один псих не рисковал в такую погоду выйти на улицу. Потоком воздуха сорвало работающий дворник, и разобрать что-то было практически нереально. Тем не менее, я не могла оставаться и сидеть на месте, зная, что могу спасти чью-то жизнь, зная, что я должна. Почему? Хотя бы потому, что на мне было слишком много крови за последние дни. Зная, что на моей стороне врожденный идиотизм и бесстрашие после удара молнии.

Не оставляла в покое мысль — почему я не смогла увидеть этого в видении? В борьбе с муками совести я провела большую часть дороги и, наконец, добравшись до школы, чуть не закричала от ужаса. От двухэтажного здания в самый разгар учебного дня остались одни лишь развалины, которые еле угадывались сквозь плотную коричневатую пелену ливня. Сквозь гул льющей с неба воды не было слышно чьих-либо криков. Понятия не имея, как я буду помогать людям, когда сама еле стою на ногах от ветра, я, борясь со стихией, пробиралась к развалинам. Боже, ты наделил меня даром, так сейчас самый нужный момент позволить мне воспользоваться им!

Запнувшись о кусок стены, скрытый под мутными струями текущей жижи, я упала на развалины, расшибив до крови бровь. Теперь стало понятно, почему спасатели в такую погоду отсиживаются в своих теплых норках. Дождавшись, пока гул в голове уляжется, а кровь перестанет заливать глаз багровой струей, я вновь начала карабкаться к развалинам. К счастью, почти сразу под одним из камней я увидела маленькую детскую ручку. Закусив до боли нижнюю губу, чтобы не разрыдаться, я с остервенением стала срывать камни, завалившие тело мальчика. Его рука, такая маленькая, невинная, заляпанная чьей-то кровью, врезалась в память и стояла перед глазами, пока я не добралась до его лица.

— Мальчик, эй... милый, как ты?

Ударяя парня по щекам, я пыталась привести его в чувство, совершенно не зная, что делать в подобной ситуации. К счастью, его ресницы задрожали, и он устремил на меня замученный взгляд.

— Где больно?

— Нога, — простонал он.

Воодушевившись, я кинулась скидывать камни с его ног, но один, который, судя по всему, и придавил мальчику ногу, никак не подавался. Мне не хватало сил, вот если бы кто-то поднажал с той стороны...

— Я помогу, — донесся мужской голос. Кусок, бывший, судя по всему, кирпичной стеной, поддался и тяжело перекатился, плюхнувшись в дождевую жижу.

Времени на то, чтобы рассыпаться в благодарностях перед пришедшим на помощь не было, мы подхватили мальчика, словно читая мысли друг друга, и аккуратно понесли. За школой, на возвышенности, находилась лужайка, потому что в отличие от прочей местности,

вода туда еще не добралась.

— Сколько там детей? — крикнул мужчина. Я не могла разобрать его лица из-за свинцовых струй, стеной вставших между нами.

— Не знаю, но в будний день их там, должно быть, не меньше сотни.

— Господи, нам надо поспешить!

Мы разбирали завалы и скидывали камни в стороны, чтобы ненароком не наделать еще больше вреда. Здание местной школы давно находилось в аварийном состоянии, и мэр отшучивался, мол, оно простоит еще сто лет, если только сама стихия не придет, чтобы его разрушить. И вот, пожалуйста, пришла стихия и сложила школу, словно карточный домик. Видимо ветер, обрушил крышу, а она послужила причиной того, что трещины в стенах раскололись и раздробили все здание на каменные глыбы. Думаю, что такую халатность нашему доброму мистеру Мэдисону не простят никогда. Особенно родители тех, кто не дай бог, погиб под этими развалинами.

Стихия продолжала бушевать, сошвыривая нас с камней, и, не давая разглядеть в руинах человеческие тела и расслышать крики помощи. Прильнув к камню, я взмолилась, чтобы мой дар, который посещал меня время от времени, вновь вернулся. Настроившись и сосредоточившись на то, чтобы увидеть, где могут находиться дети, я не увидела ничего. От бессилия ударив камень, я поспешила к найденному мною мальчику, который истекал кровью на опушке. Хотя мы и завязали его рану рубашкой подошедшего мне на помощь мужчины, кровь не желала останавливаться.

— Парень... эй, мальчик, — он едва прохрипел, — скажи, когда здание начало рушиться, где все были?

— Нас куда-то повели, — я едва разобрала его слова, лишь прочтя по губам.

— Куда вас повели?

Больше мальчик ничего не мог сказать. От бессилия и болевого шока его сознание провалилось. Взяв в свои руки маленькую детскую ладонь, я закрыла глаза, в надежде, что раз могу видеть будущее, то, возможно, при сильных эмоциях и должном настрое и прошлое поддастся.

На этот раз не прогадала. Голову словно прострелило болью, а перед глазами выстроилась нечеткая картина. Грохот, здание сотряслось. Учитель стала выводить всех из класса. Вот они спускаются по лестнице, выход завалило... о боже, они в катакомбах!

Когда-то давно практически под каждым зданием Мелфрида строились катакомбы на случаи землетрясений. Раньше они частенько бывали в этих местах, но вот уже около сотни лет земля не дрожала, и одному господу было известно, что и кто теперь в этих катакомбах. Одно было ясно — вентиляции там не было, к тому же два этажа здания обрушилось на них сверху, практически отрезав все шансы на спасение. Именно потому мы не смогли найти никого. А мальчик, которого удалось вынести, он упал, запнувшись о развязавшийся шнурок, и толпы перепуганных ребят просто бежали по нему.

Едва сдерживая бушевавшие во мне эмоции, я набрала номер службы спасения и заорала в трубку:

— Немедленно пришлите сюда технику!!! Вы не понимаете, что под обломками дети? Их эвакуировали в катакомбы и сейчас они в плену собственной ошибки!

— Мэм, успокойтесь, наши люди уже выехали, но как скоро придут в таких условиях, мы не можем сказать, и у нас нет техники. Ближайшая техника в Форт Окридже, это четыре часа езды. Их тоже затопило, поэтому все силы брошены на спасение там. Мы очень

сожалеем.

— Что за черт! — гневно схватившись за голову, крикнула я.

— Здесь еще один! — крикнул мужчина, подзывая меня на помощь. Вода все прибывала, я была по колени в грязной и вязкой жиже, тем не менее, пробиралась, чтобы попытаться спасти чью-то жизнь.

— Надо позвать людей! — крикнул чей-то знакомый мне голос. Обернувшись, я заметила женщину. Очертаниями она была весьма похожа на Конни. В такой момент, любая помощь была бы весьма кстати.

Втроем мы вытащили девочку на возвышенность, к которой опасно близко подступали грязные воды. Еле находя силы, чтобы стоять на ногах, мы решили посоветоваться.

— Втроем нам не справиться. К тому же, мы не знаем, где искать.

— Часть успели скрыться в катакомбах, — просветила я, с ужасом представляя, что, должно быть, вода ринулась в подвал и наверняка с каждой минутой шансы на спасение тают. Медлить было нельзя.

— Я знаю, где они находятся, — сказала подросевшая незнакомка. — Я проработала там уборщицей 15 лет. Нам нужно созвать людей, вместе мы сможем разгрести завал.

У меня появилась идея.

— Пуффи?

— Черт побери, где тебя носит??? — крикнула она в трубку.

— Пуффи, сейчас не до этого, срочно выходи в эфир с экстренным сообщением. Детей эвакуировали в катакомбы, нам нужна помощь в разборе завала. Дорога каждая минута. Их затапливает и воздух, должно быть, на исходе. Пусть на сайте тоже разместят информацию! Сообщи мэру, нужно подключить все СМИ.

— Но я не диктор...

— Пуффи!!! Дети умирают!!!!!! — я орала как ошалелая, пересиливая слезы и истерику.

— Все поняла, выхожу в эфир...

Люди начали подтягиваться к месту происшествия, но что радовало, не для того, чтобы поглазеть, а для того, чтобы внести посильную помощь в предотвращении трагедии местного масштаба. Кто-то приходил с аптечками и уже оказывал первую медицинскую помощь спасенной паре малышей, а кто-то с ломиками и прочими инструментами, чтобы хоть как-то облегчить разбор камней.

Женщина повела нас к месту, где находились катакомбы и мы, выстроившись в дружную систему, начали разбор, выбрасывая камни, доски, мебель и прочие предметы, чтобы расчистить путь к пострадавшим. Женщина верно указала место и уже через пару минут мы смогли извлечь тело мальчика, которому, к сожалению, мы опоздали помочь... Трупы складывали в одну сторону, те, кому еще можно было помочь, в другую, где с ними работали женщины с аптечками. Мы не знали, насколько правильно действовали, однако в данной ситуации лучше было делать хоть что-то, чем бездействовать и ждать, пока стихия смилостивится, а камни сами собою откатятся в стороны.

Вскоре подросла бригада скорой помощи. Где им удалось достать лодку, оставалось догадываться. Вода подступала все выше и выше и мы уже по пояс утопали в мутной жидкости. Как ни странно, никто и не подумал об испорченной одежде, или возможности подхватить воспаление легких. Все были объединены целью, которая оправдывала любые средства и жертвы. Казалось, горе сплотило весь Мелфрид, который стряхнул с себя личину сварливости сплетничества.

До катакомб оставалось немного. Совместными усилиями мы смогли организовать быстрый разбор, хотя попадались тяжелые части здания, но взявшись все вместе, мы могли сдвинуть, или оттолкнуть мешавшие раскопкам детали. Но разгребая завал, мы не подумали о том, как открыть дверь в катакомбы и при этом не затопить находящихся там.

Часа три два мы расчистили проход на первый этаж, глубокую яму в двухэтажной куче строительного мусора, спасая всех, кто найдется по пути к цели — к темнице, в которой оказались заперты дети и взрослые. Мы нащупали люк, ведущий в катакомбы, но открывать его не торопились. Воды здесь должно было быть меньше, но она так хлестала сверху, что в колодце, который мы расчистили, она прибывала с опасно большей скоростью, чем в других местах.

— Надо смастерить навес и вычерпать отсюда воду, иначе мы их затопим.

— А как знать, что они там уже не утонули? — крикнул кто-то.

— Люк плотно прилегает к полу. К тому же, они наверняка заткнули щели одеждой.

— Хватит болтать, нам нужно что-то делать!

— Тут только чудо поможет!

И чудо случилось. Точно так же быстро, как и началась, буря прекратилась. Меньше, чем за минуту, свинцово-черные грозовые тучи рассеялись, и выглянуло, лучезарно сияя, солнце, мгновенно решив проблемы пребывания воды.

Опустилась минута тишины. Мелфрид застыл в шоке. Настолько резкая смена погоды никогда не была обыденным делом в здешних местах, как никогда не было подобных бурь и наводнений. Разве что разливалась Мелсуотен-брейг. Погода установилась чудесная, запели птицы, зашелестела влажная листва, словно не было этих часов страшнейшего урагана, словно не стонали на опушке от боли дети, словно не лежала куча трупов...

Только сейчас я увидела, что стою в расчищенном колодце по пояс в черно-коричневой жиже вместе с Кристофером, Конни, мистером Мэдисоном, нашим мэром и Капланом, бывшим боссом. Их бар находился напротив школы, видимо поэтому, заметив нас, они сразу же поспешили на помощь. Несомненно, это делает им честь.... пожалуй, я даже возьму обратно слова об их никчемности.

— Нужно вычерпать воду, — прервала я тишину, — эй, там, наверху, нам нужны ведра.

Не прошло и минуты, как к нам на веревках спускали со всех сторон ведра, которыми мы вычерпывали жижу. Наконец, можно было в грязи разглядеть ручку люка, за которую все дружно и потянули.

Я не смотрела вниз. Просто отвернулась, потому, что могла догадаться — то, что увижу, не доставит мне ни малейшего удовольствия. Мое сознание посчитало так же.

— Вы заметили? Ураган будто бы по мановению волшебной палочки прошел, — заметила Лина, положив на стол девятку пик. Они с Нефритом и Бэтти сидели в столовой и играли в карты. Нефрит страстно не желал оставаться в одиночестве ни минуты, Лина была очень слаба, но слишком напугана, чтобы держаться вдали от общества, а поскольку Бэтти была гувернанткой Катилины, то в ее обязанности так же входило развлекать ее гостей. Правда она находила это более своим собственным развлечением, нежели тяжелой обязанностью.

Из соседней комнаты раздался шум и в столовую, которая являлась и гостиной, зашла леди Кэтрин, весьма расстроенная и обеспокоенная, но как всегда величественная и сохраняющая на лице беспристрастное выражение. Впрочем, не надо быть доктором

Лайтманом, чтобы понять ее настоящие чувства, прячущиеся за извечной маской миссис «У меня все под контролем».

— Ураган прошел?

— Да, как по волшебству, — повторила Лина.

— Леди Кэтрин, позвольте мне заметить, — Бэтти была обеспокоена не меньше самой хозяйки, но не отрывалась от игры, — что вы должны быть более спокойны. От вас зависят судьбы слишком многих, — она внимательно посмотрела на Нефрита, который ответил ей взглядом, и на бледную Лину, которая была больше похожа на труп, нежели на цветущую восточную красавицу.

— О чем это ты? — грея руки у камина, она внимательно посмотрела на Бэтти.

— Ураган разрушил местную школу прямо в разгаре учебного дня. Там были сотни детишек. Мне позвонила моя подруга, у которой под завалами оказался малыш. Звала помогать разгребать руины школы. Говорит, что там весь город. А в числе самых отважных спасительниц ваша Катилина.

— Кати?

— Отважная женщина, я всегда знал.

— Выпорю эту девицу!

— Теперь вы понимаете, что вам нужно быть осмотрительней? Да, то, что происходит с Катилиной не совсем приятно и не должно было случиться, но это не повод делать то, что вы делаете, — она кинула взгляд на белоснежную статую, стоявшую у лестницы.

— Я поняла Бэтти, довольно грубых намеков!

Леди Кэтрин подошла к этой самой статуе и с грустью на нее смотрела. Проведя по щеке застывшей в ужасе женщины, она отвернулась и быстрым шагом вышла в библиотеку, решительно не желая продолжения темы и отгоняя плохие мысли.

У Лины зазвонил телефон и, заметив на экране, родное имя — Валентин, она кинула на столик карты и отошла к диванчику у камина.

— Извините, я вне игры.

— Ох уж эта женская любовь. Сыграем в очко?

— Валентин? Как ты? Где тебя носило все это время???

— Как ты, любовь моя?

— Не очень, меня похитили, и держали в здании дока на берегу Мелсуотен. Я в очень плохом состоянии, но надеюсь, что справлюсь. Но сейчас мне важнее знать, где ты? Что с тобой?

— Лина... прости меня... я тебя очень люблю...

— Я тоже тебя люблю... Валентин... Что происходит?

— Это моя последняя охота... на этот раз мне не удастся выкарабкаться... И ты права... ненависть двигала мною сильнее, чем любовь... прости, если сможешь, родная. Я осознал это тогда, когда стало поздно что-либо изменить...

Она не находила сил, чтобы ответить что-то на слова, которые в одно мгновение разбили ей сердце на тысячи мелких осколков, которые разошлись по венам и кололи кожу изнутри. С каждым новым словом он приближал ее к смерти. Моральной и быть может физической — настолько тесно они были связаны с ним.

— Агат при тебе?

— Да. Я прекрасно помню все, чему ты меня учил и храню твое письмо. Помню наизусть каждую строчку оттуда, — на ее глазах стали появляться слезы, — Валентин...

— Да, я знаю, Лина... еще раз, прости. И прощай любимая.

На том конце раздалась гудки. Она с минуту смотрела на телефон и, осознав, что произошло, швырнула трубку в стену. Лина зарыдала, упав на диван и закрыв лицо руками.

— Прости подруга, но девочке требуется жилетка... — Нефрит положил карты и поспешил к Лине. — Родная, что случилось?

— Валентин...

— Что сделал этот подонок?

Она была не в состоянии говорить, лишь рыдала, царапая ногтями грудь... там, где сердце. Словно стараясь не дать Валентину уйти из нее... Мужчина присел на диван и, глядя как в камине пляшут языки огня, поглаживал женщину по спине. Пламя завораживало, его танец, как древняя магия — привлекал, манил, кажется, огонь начинал нашептывать что-то.

«Мы придем за тобой... мы уже здесь... от нас не спрячешься... мы повсюду!!!» по комнате стали метаться тени, предметы на столах и камине задрожали, люстра стала со скрипом раскачиваться, а свечи с нее падать на пол, на стол и поджигать бумаги, лежащие стопкой на столе. Дом наполнился ужасным визгом. Внутри мужчины все задрожало, он хотел припомнить молитву, но как назло, за свою жизнь так и не удосужился выучить ни одной. Крепко сжав в ладони камень нефрита, висевший на его шее, он крикнул, что было сил:

— Ступайте прочь!!!

— Нефрит? — Лина размазывала по щекам слезы, и с недоумением смотрела на растерянного мужчину. Он шокировано озирался по сторонам и видел, что камин как потрескивал, так и потрескивает, люстра на месте, бумаги на столе не горят, а Бэтти вновь принялась за вязание. Бэтти, ко всему привыкшая и все повидавшая Бэтти.

— Прости дорогуша.

Он стремглав кинулся в библиотеку как раз в тот момент, когда двери распахнулись, и в дом вошла Изабель с каким-то амбалом.

— Какой сегодня удивительный день, — спокойно и многозначительно протянула Бэтти и отправилась встречать гостей. Изабелла выглядела бледной, как призрак. Не проронив ни слова, лишь стряхнув с волос капли дождя, она отправилась к леди Кэтрин.

— А вы к кому, молодой человек? — гувернантка едва была выше пупка неизвестного мужчины, обивающего порог дома, но авторитет дамы был выше нее ростом в два раза.

— Мне нужна Катилина.

— Зачем она вам нужна? — спокойно и нудно поинтересовалась Бэтти.

— Слишком много вопросов, женщина. Она здесь?

— Если вы продолжите в том же тоне, я позову охрану! Вы должны немедленно покинуть этот дом!

Мужчина вышел, но как Бэтти заметила из окна, он не ушел, а пристроился возле дома, принявшись держать его осаду. Здесь творилось что-то невероятное и, казалось, одна Бэтти сохраняла необычное спокойствие, будто она была спокойной хранительницей, знающей, как все это обернется. Окинув дом спокойным взглядом, она заметила рыдающую Лину, одиноко распластавшуюся на ковре возле камина. Она никак не могла успокоиться. И возможно ли успокоиться, лишившись самой себя?

— Дорогая, я принесу тебе успокаивающий отвар, все будет хорошо... когда-нибудь, — добавила она еле слышно, удаляясь на кухню.

В больнице было тепло и сухо: пахло спиртом и какими-то лекарствами. Открыв глаза, я обнаружила, что все, что находилось слева, было размытым и нечетким и больше напоминало пятна, чем предметы. Голова и лоб плотно стянуты белым бинтом, остро пахнущим какой-то мазью. Станным образом приятный запах. Понятно, видимо мне залатали боевую рану. Взглянув на часы, висевшие напротив кровати, я с трудом разглядела, что уже около девяти вечера. Должно быть леди Кэтрин вне себя от волнения.

Заметив, что все мои вещи лежат на тумбочке, рядом с койкой, я неуклюже дотянулась до телефона и набрала номер.

— Поместье семьи Мередит, чем могу служить?

— Бэтти?

— Катилина!? Где тебя носило? Леди Кэтрин уже собралась вызывать полицию! В списках погибших тебя нет, в больнице тоже!

Я быстро прикинула — где же я тогда в действительности нахожусь, от удивления даже приподняла голову, чтобы убедиться, что это как пить дать больничное помещение.

— Это долгая история. Передай тетушке, что я жива-здорова, лежу в больнице. Скоро выйду и вернусь домой. Лина далеко?

— Нет, она как раз изволит ужинать, вместе с леди Кэтрин.

— Пожалуйста, не говори тетушке, что это я. Позови Лину, хорошо?

— Хорошо Кати, но ты поступаешь некрасиво. Здесь такое творится...

Ой, чья бы корова мычала, — подумалось мне. Все-таки пособничество тоже карается, так что кто из нас не без греха. И здесь творятся дела почище, чем в поместье.

— Да.

— Лина?

— О, Кати! Мы тебя все обыскались. Ты где? — ее голос был непривычно угнетенным и обессиленным.

— Я в больнице, вроде бы в Мелфриде, но не узнаю этих стен. Не суть. Ты как там? Пришла в норму?

— Почти. Просто описать не могу, как я тебе благодарна. Леди Кэтрин очень ко мне добра, разрешила пожить у вас какое-то время, пока кошмары не пройдут. Я отказалась от таблеток и завязала с той жизнью. Мне нужна перезарядка, иначе слечу с катушек, — последние слова она выдавила сквозь слезы, но сделала вид, что просто закашлялась.

— Знаешь, как только все это закончится, мы с тобой рванем на море, как ты на это смотришь?

— Что именно закончится? Твои проблемы? Кстати, тут тебя весь день какой-то амбал дожидается... ты что-то натворила?

— Амбал? — я попыталась нахмуриться, но это мгновенно отразилось болью под повязкой, — а, должно быть, это Давид. По идее, это тот, кто меня должен был... хм, охранять. Кстати, вы утром, случаем, в моей кровати никого не обнаружили?

Я вспомнила про Марка. Достаточно странно, что Бэтти или Лина не начали с воплей в трубку относительно того, что в моей кровати вместо меня лежит белобрысый труп. И не засыпали вопросами, как он туда попал и так ли он хорош в постели, чтобы не рассказывать об этом леди Кэтрин.

— Кати... — издали начала женщина.

Значит, не находили. Должно быть, он предусмотрительно ушел под утро. Господи, почему я не помню события той ночи... и почему мне кажется, что это незнание еще дорого

мне обойдется? Может зритель зачаровал меня?

— Нет, ну мало ли, — я решила отшутиться, но видимо вышло не очень удачно. — Ты только не говори Давиду, где я, хорошо?

— Мы не пускаем его в дом. Тетушке он очень не нравится. И вообще все поместье словно с ума сошло. Нефрит с обеда не выходит из своей комнаты, тетушка обвешала все какими-то травами, Изабелла вернулась из поездки сама не своя. Ходит бледная, словно смерть. Приезжай скорей, думаю, нам будет о чем поговорить.

— Да, думаю, действительно будет.... ты не расскажешь мне о Валентине?

В трубке повисла тишина. Судорожный вдох. Протяжное э-э... я поняла, что мне собираются наврать. И не просто наврать, а с чувством и от души.

— А что рассказывать? Мы с ним попрощались. Он позвонил, сказал, что у него проблемы, и он не хочет меня подставлять. И что нам лучше расстаться. Ну, знаешь, все эти красивые фразочки, мол, ты не виновата, тебе нужен кто-то, кто сможет сделать тебя счастливой. Я решила выкинуть его из головы...

Отчего-то мне казалось, что Лина врет не только мне. Но и самой себе.

— Ты его любишь?

Долгая пауза.

— Да, Кати. Безумно. Это первый мужчина, который мне полностью подходит. Надеюсь, как только он разберется со своими делами, он вернется ко мне. Наверное, проблемы с теми, кто крышует его бизнес. Ну, ты же знаешь этих бандитов.

— Да уж, — задумчиво протянула я, вспоминая, что наверняка за мной скоро придет Лиззи и заберет на очередное дело, которое меня не особо-то и касается. — В общем, не сходите там особо с ума, ко мне доктор пришел, созвонимся еще.

Отодвинув шторку, в мою мини-палату заглянул мужчина в белом халате. Довольно симпатичный, молоденький. Должно быть, совсем недавно устроился мед братом. Но, должна признаться, руки у него достаточно приятные и теплые. Да и голос располагал к себе. Словом — типичный шаблон врача. Я приготовилась услышать шаблонные фразы, и не ошиблась.

— Вам здорово досталось, — поставив мне градусник, улыбнулся мужчина. А то я сама этого не заметила. Тем не менее, я выдавила пародию на любезную учтивость.

— Думаю, что остальным повезло куда меньше, — я вспомнила, как на моих глазах из развалин извлекали окровавленные безжизненные трупы совсем юных ребят. Сдержав слезы, я чуть улыбнулась.

— Если бы не вы, все было бы намного хуже. В больнице все только о вас и говорят.

Он достал градусник и, кажется, остался недоволен.

— Температура не спадает. По-прежнему высокая. Нужно поставить вам физраствор с витамином С.

— Подождите, я что-то вас не припомню. Мы в Мелфриде?

— В Форт Окридже. Вас по ошибке отвезли сюда вместе с тяжелоранеными.

Тяжелоранеными... должно быть, все намного серьезнее, чем я могла себе представить. Кто бы мог подумать, что обычный день обернется такой страшной трагедией? Что родители, в очередной раз отправляя любимых детей в школу, кладя им завтрак и целуя на прощание — прощаются с ними навсегда?

— А как они? Выкарабкаются?

— Думаю, что да. Хотя нельзя сказать наверняка. Вы вовремя открыли люк. Многих

удастся спасти, — он задумался, и лицо его осунулось. Надо полагать, молодой доктор впервые видел так много покалеченных маленьких судеб. Признаться, я тоже и в эту минуту была очень рада, что никогда не хотела быть врачом, — У вас сотрясение и сильный жар, так что лучше просто полежать, чтобы не было никаких проблем и не забывать пить лекарства, — он указал на таблетки, лежавшие в пластмассовом тюбике на прикроватной тумбочке, — и через пару дней, если вам станет лучше, мы сможем отпустить вас домой на амбулаторное лечение. А теперь оставлю вас с вашим гостем.

Каким еще гостем? Может меня, наконец, оставят с самой собой? Как-то это подозрительно напоминает зоопарк, в котором я удав за стеклом. И сейчас удаву требуется время на саму себя. А еще требуется прикорнуть, минут этак на сто шестьдесят.

— Привет, ты как?

В палате появился Кристофер. От умиления я даже улыбнулась и вздохнула с облегчением. Его боевые травмы скрывал бандаж на руке и пластыри на лице. Все-таки странно, что именно он первым оказался на месте происшествия. И, постойте, он ведь должен был находиться в Форт Окридже. Невозможно физически так быстро добраться до меня... неужели он тоже один из сверхов. Ну, сколько можно, есть в этом мире хоть один нормальный человек, как я... как я? Да, не очень удачный пример.

— Как вы... — я растерянно смотрела на мужчину. Учítывая то, что я видела его по пояс голым и то, что несколько часов мы под проливным дождем спасали чужие жизни, думаю, я имею все право обращаться к нему на ты, — ты не мог так быстро очутиться в Мелфриде.

— Когда звонил, я был еще там. Чтобы газета вышла в свет, не обязательно мое личное присутствие.

— Ой, я не успела отправить фото...

— Пуффи сделала. Вот, этот экземпляр для тебя.

Он положил на кровать газету с глянцевой обложкой, на которой красовалось наше с Александром фото. Признаться, это было впервые. Раньше я никогда не светила на желтых страницах с различными знаменитостями в весьма компрометирующих позах. Интересно, читал ли это Александр? «Новая Изольда». Нет, заголовок явно неудачный. Не хочу быть новой Изольдой. И тем более не хочу повторить ее судьбу — стать вампиром — страшнее кары и придумать нельзя. Прочитав заметку, я улыбнулась. К счастью, либо из приятельских симпатий ко мне, либо из вежливости, либо из природного благородства, Крис написал весьма объективную и красивую заметку, которая наверняка исполнит половину женского населения Эйтингейла романтических чувств, а вторую половину зависти.

— Очень мило, но заголовок отстой, — возвращая газету, ухмыльнулась я.

— Нет, оставь себе. Так все-таки, как ты?

— Врачи говорят, что сотрясение, но вроде бы с этим живут и даже долго. Как сам?

— Вывих плеча. Неудачно поскользнулся... когда Пуффи сказала, что возможно ты поехала на место катастрофы, я подумал, что ты сумасшедшая.

— А сейчас ты так не считаешь? — мягко улыбнулась я, не в силах оторвать взгляд от израненного лица мужчины. Теперь он казался мне таким родным и близким. Все-таки подобные вещи сближают людей. Даже к Конни и Дону Каплану у меня больше не было ненависти или злобы. В сложный момент люди иногда открываются совершенно по-новому и меня немало удивили жители Мелфрида, показав чудеса отваги. Уверена, многие из них сейчас сами лежат в больнице с воспалением легких или переломами.

— Нет. Сейчас я знаю, что ты отважная, отзывчивая, чуткая и очень сильная женщина. Этим ты мне и нравишься.

Только не говорите, что в этот момент мои глаза снова наполнились слезами. Неужели отсутствие слез в моем детстве и юности решило компенсироваться сейчас? Вспомнив, какие ужасы и мерзости творились еще прошлой ночью и, понимая, насколько я не хочу, чтобы они повторились вновь, я уткнулась в подушку. Я не хочу возвращаться к вампирам, не хочу никуда бежать, никого спасать, я просто хочу побыть счастливой с тем, кто меня понимает и любит за то, кто я есть, а не за то, что у кого-то встает на мои сверхъестественные качества.

— Эй, ну что ты?

Крис присел на чуть скрипнувшую и просевшую под ним кровать. А я чувствовала себя маленькой беззащитной девочкой, но никак не сильной и отважной женщиной. В конце-концов, сильные и отважные могут позволить себе слабость.

— Я просто так устала, ты представить себе не можешь...

— Да, мы все пережили многое, но ты достойно с этим справились. Слышишь? Ты молодец.

— Нет.... я монстр. Мои руки по локоть в крови, и это только начало!

Он накрыл теплой ладонью мою щеку и провел большим пальцем по моим пересохшим губам. Могу представить свой видок. Опухший глаз, лицо в синяках, но меня это не волновало в данный момент.

— Ты прекрасна, Катилина.

Вновь виски прострелило от боли и в глазах потемнело. Яркая вспышка показала мне, как в чью-то квартиру врываются вампиры. Это квартира Кристофера. Кажется, он только что из душа. Его отшвыривают к стене... господи, он ударяется головой об угол тумбочки и белоснежный ковер заливают кровью. Они хватают меня за грудки и выволакивают из квартиры...

Придя в себя, я с ужасом уставилась на мужчину, глядевшего мне прямо в глаза.

— Тебя ужаснуло мое предложение?

— Какое предложение? — отмахиваясь от видения, как от навязчивой мухи, переспросила я.

— Я спросил — может ты хочешь пожить эти дни у меня. Все-таки в моей квартире комфортней, чем в больнице, а уж накормить таблетками, я всегда смогу, но ты посмотрела на меня, как на призрака.

— Нет, Крис. Это плохая идея...

Я отвернулась, чтобы не показывать своего страха. Все-таки ему лучше не знать, что в комплекте с сильной и отважной девушкой идут сверхъестественные странности.

— А, — он отошел в соседний край палаты и сел на стул, — Это из-за Александра?

— Что? Александр тут ни при чем... поверь, я бы с удовольствием приняла твое предложение, но не могу, это сулит неприятности нам обоим. За мной скоро придут...

— Кто придет? — встрепнулся он.

— Друзья... скоро придут и увезут меня в Мелфрид. Тетушка беспокоится... Она уже в возрасте, я должна о ней заботиться...

— Да, конечно, — кажется, его огорчили мои слова. Признаться, мне самой не хотелось их произносить, но как иначе я могла уберечь Криса от того мира, от которого сама стремлюсь укрыться? — Отдыхай, я пойду.

— Крис..., — я заискивающе посмотрела на мужчину. Но что можно было сказать? Что благодарна? Что не хотела его обидеть? Что его предложение было для меня лестно? Что мне больше всего сейчас хотелось оказаться с ним на необитаемом острове и продолжить знакомство с этим самоотверженным спартанцем?

Кажется, он прочитал это в моих глазах и, перед тем как выйти из палаты, бережно поцеловал в лоб и улыбнулся. Жизнь начинает налаживаться. Наконец-то я встретила парня, которого мне не хочется проткнуть колом, или переехать на машине, или всадить серебряную пулю в сердце. Наконец-то я встретила мужчину, который видит во мне не мою красоту, а мои внутренние качества. Я нащупала на тумбочке зеркальце, чтобы оценить масштабы катастрофы. Признаться, ожидала лучшего. Раньше и подумать не могла, что от удара лбом о камень может посинеть глаз. Абсолютно точно, вокруг моего ока зиял огромный иссиня-фиолетовый синяк. А сам глаз от припухлости был открыт лишь наполовину, отчего все, что слева и виделось размытым. Замечательно. Я залпом выпила таблетки и повернулась набок, чтобы вздремнуть пару часиков перед тем, как в мою палату ворвутся разъяренные вампиры и, схватив меня за грудки, вытащат из палаты. Ну хоть самой никуда тащиться не придется.

Вопреки моим ожиданиям, в палату ввалился Давид, не дав мне вздремнуть и минуты. Как-то он подозрительно скор в пространственных перемещениях...

— Собирайся. Госпожа ждет тебя в машине.

— Лиззи? — я с прискорбием посмотрела на Давида. Мой вид заставил его шарахнуться и оглядеть меня с не меньшим прискорбием.

— Мария-Элеонора. Кто вас так?

Посчитав, что амбал, которому было положено не опиваться весь день возле моего дома, а следить за сохранностью меня прекрасной и телекинетичной, не заслуживает ответа, я осторожно присела в кровати и постаралась натянуть джинсы, лежавшие неподалеку.

— Отвернись! — сурово потребовала я, натягивая кофту. Мысли Давида раздавались в комнате словно радио. И мысли эти, после приятных слов и тишины Криса били словно серпом по яйцам. Полагаю, что это весьма неприятно.

Ну что ж, мисс Мередит, кажется, нам пора. Едва переставляя ноги, я держалась за кровать, чтобы не упасть от головокружения. В палату ворвался молодой доктор, который меня осматривал:

— Катилина, вам нельзя вставать! Вам только что сделали капельницу, и температура еще не спала! Перевозка крайне нежелательна!

Ах, если бы он знал. Если бы он хоть как-то мог мне помочь остаться...

— Эй, мальчик, — прохрипел Давид таким тоном, от которого становилось ясно все, что он хочет сказать и сделать впоследствии, — мы уйдем без лишнего шума.

— Все нормально, — с жалобным видом заверила я, когда незнакомое существо подхватило меня, готовую свалиться от бессилия, и едва ли не поволокло за собой.

Молодой доктор ошарашено смотрел вслед, но ничего не мог поделать. Наверное, ему тоже было непонятно, почему я вышла из больницы не с милым и добрым Кристофером, а с отвратительным, вселяющим ужас хамом амбалом. Еще и по своей воле. Впрочем, скажи я нет, возможно, пришлось бы выйти в окно четвертого этажа... и вновь хлебать вампирскую кровушку.

Когда мы сели в красивый ярко-синий ламборджини, Лиззи сразу же накинулась на меня с расспросами:

— Ты куда пропала? Тебя весь город обыскался. После твоего дневного героизма все только о тебе и говорят.

— Об этом я думала меньше всего в тот момент.

— Ты чем-то недовольна?

Кажется, она снова была искренна и действительно не понимала, чем может быть недоволен человек, которого выдергивают из больницы, чтобы покатать на красивой эксклюзивной спортивной машинке с одним из самых влиятельных вампиров мира.

— Пожалуй, тебе не понравится мой ответ. Что вам нужно от меня сегодня?

— Давид, езжай. Скоро должны привезти Валентина. Он скрывается где-то на окраине Форт-Окриджа, но его выследили.

— И что? Вы сами не можете с ним покончить?

— Ты должна сказать — он это или нет, — она глянула на меня и ахнула, — Господи. Что это с твоим прекрасным лицом? Ничего, мы тебя подлатаем.

— Нет, я обойдусь своими силами. Хватит с меня крови. Неужели ваш носатый помощник не определит тот ли это, кто вам нужен.

— Понимаешь ли, мой носатый помощник не в силах читать мысли сверхов. Собственно, никто не в силах, кроме тебя, — без тени иронии и довольно дружелюбно прощбетала Элизабет.

В абсолютной и гнетущей тишине мы доехали до места назначения. Я сознательно старалась не читать мысли Давида, которые были отвратительней, чем бородавки на ногах миссис Норрисон. Нефрит рассказывал мне, что когда он создавал для нее образ обольстительной шестидесятилетней красавицы, то не обошлось без педикюра и это были самые ужасные пятьдесят минут в его жизни. Пожалуй, я бы готова подписаться делать ей педикюр ежедневно, лишь бы не слышать мысли этого чудовища и не видеть его отвратительного лица.

— Кто он?

— Давид? Он оборотень, — потрепав своего подручного по довольно жидкой растительности на голове, улыбнулась женщина, — угадай, в кого он перекидывается.

— Неужели в гиену или скунса?

— Нет. В мишку.

В мишку. Как мило. Эй, где мое розовое платье?

— Идем, я помогу тебе, деточка. Выглядишь ты ужасно, а пахнешь и того хуже. Как мумия прямо.

Она помогла мне выкарабкаться из машины. Все-таки выползть из машины с такой низкой подвеской достаточно сложно, учитывая мое неуверенное состояние здоровья. Практически повиснув на руках нежити, я перебирала ногами без особых усилий и тем более без особого удовольствия. Вернее, мои ноги решительно отказывались идти, повелеваясь доводам разума, однако силы моих товарищей хватило, чтобы дотащить меня до комнаты, которая была весьма похожа на комнату для допросов. В которой я была заключенной, но никак не фрейлиной при королеве вампиров. Все-таки, если у вас появятся какие-то сверхъестественные способности — ни за что не рассказывайте о них никому, иначе вас непременно впрягут в какое-нибудь дело, с которым вы абсолютно никак не связаны. И поверьте мне, удовольствие от этого вы получите довольно сомнительное. Разве что вы не любитель боли и сексуальных извращений однополых и не очень.

Как я поняла, мы оказались в Форт-Окриджской резиденции вампиров. Это было что-то

вроде правительственной квартиры, в которой останавливались старейшины, приезжавшие навести порядок в округе города. И сейчас, похоже, венником была я.

Меня посадили на лавочку из дорогого блестящего дерева (во всяком разе, оно выглядело дорогим, возможно на фоне всего шикарного интерьера) и заставили ждать. Чего-чего, а времени у меня навалом. Куда ж мне спешить. Мне же больше нечем заняться. Одно спасение сидеть здесь и бороться с головной болью и головокружением.

За дверью слышались шаги и голоса. Разобрать о чем они переговаривались не было ни желания, ни возможности. Мой мозг пытался привести себя в порядок, так что заглядывать в мозг других мне сейчас не особо хотелось.

Двери распахнулись, и Давид с незнакомым мне вампиром втолкнул в комнату Валентина. Я подумала, что это мог быть Валентин, поскольку никого другого мы здесь не ждали. Его руки были связаны сзади веревкой, а на ногах нацеплены кандалы. Как будто бы три сильных вампира не в состоянии справиться с юным и милым парнем. Я поняла, почему он так приглянулся Лине. Валентин тоже имел внешность восточного типа, смуглую кожу, темные глаза, черные, густые волосы, которые чуть вились. Его рот был завязан грязной тряпкой. Мужчину заставили сесть на колени передо мной.

— Это он? — требовательно спросила Элизабет.

— Не знаю. Я не обладаю такими способностями, чтобы определить кто он.

Мне кинули шарф и приказали хорошенько подумать, прежде чем сказать еще что-либо. Достав из пакета предмет гардероба, я всесторонне изучила его. Понюхала, потянула, потерла, но решительно никаких новых знаний от этого не получила. Впрочем, нет. Я поняла, что шарф из шерсти с примесью нейлона. Тот ли, кто охотился за нами, был сейчас передо мной... от моего ответа зависела судьба юноши и счастье моей Лины.

— Это... вряд ли это он, — неуверенно протянула я.

— Кати, деточка, я понимаю, что ты волнуешься за подругу. Это прекрасно. Но сейчас от тебя зависит судьба чуть ли не всего человечества, ты это понимаешь?

Ах, они расу вампирскую так романтично называют человечеством. То, что сейчас происходит здесь — в этой комнате, разве можно назвать человеческим?

— Не могу ничего сказать, что бы вас обнадежило.

— Что ж, — она развернула голову демона к себе и спросила строго, — ты работаешь на княгиню?

«Что б ты сдохла, сука». О, в данный момент я полностью разделяю его мысли.

— Нет, я не работаю на княгиню.

— Кто нанял тебя, чтобы убить нас?

«Во всяком разе, Княгиня не такая лживая и двуличная тварь как ты».

Похоже, Валентин дал неправильный ответ... и, похоже, все-таки они не ошиблись с его личностью. Наверное, его мысли отразились на моем лице, поскольку Лиззи, довольная результатом, отошла и позволила Давиду продолжить беседу.

— Сколько вас и какова ваша цель?

— Вы действительно не знаете их цель? — плюнул в лицо Давиду демон.

Ох, я бы сейчас присоединилась и к этому поступку.

«Их цель не лучше вашей, и я истребил бы каждого из них! Точно так же, как истребил бы каждого из вас!» я решительно запуталась и ничего не понимала. Походу он из нейтральных, но агрессивно настроенных нейтральных. Его мысли медленно меня убивали. Кажется, милая Лина влюбилась в плохого парня. Вряд ли тот, кто в принципе желает

смерти может быть уравновешенным и любящим человеком. От такой любви и умереть не сложно.

— Сколько вас?

— Их сотни, тысячи. Их больше, чем вас. И у них больше шансов победить.

Элизабет, сощуриив носик, дала Давиду команду.

Боль едва не разорвала мою голову, как воздушный шарик от давления. С криком, я повалилась на паркет и провалилась в видение.

Квартира Лины. К ней заходит мужчина, в этом самом шарфе, снимает его, вешает на крючок, они беседуют на кухне. Он уходит, но шарф оставляет. Это НЕ Валентин! Его сознательно подставили!

Прежде, чем я успела сообщить об этом вампирам, я увидела содрогающееся тело демона и сердце, облитое черной кровью, которое билось на когтистой лапе Давида.

— Нет!!! — закричала я в исступлении, бросившись к телу Валентина, — Почему ты не сказал раньше, что тебя подставили!!! — в исступлении и от злости я колотила безжизненное тело демона кулаками.

— Его... что?

— Что ж вы за звери такие? Это не он! Его просто подставили!

— Кому бы это нужно? — Лиззи недоверчиво вскинула бровь и уставилась на меня.

— Мне было видение. Этот шарф принадлежит иному существу. Он вампир, но не вампир. То есть он приходил к Лине, показывал клыки, но не был вампиром, я не слышала о чем они точно разговаривали, но что-то связано с Валентином. И он ушел, оставив шарф, словно нарочно.

— Даже если этого жалкого демона подставили, зачем бы им это нужно? — она задумалась, не находя удовлетворительного ответа.

— Для того чтобы выиграть время... чтобы направить вас по ложному следу. Для чего еще подставляют?

— Черт! — выругалась она. — Я их недооценила, похоже. Сможешь нарисовать его?

— Кубизм удовлетворит?

— Тогда тебе придется его опознать, — рявкнула она, — И нам все же понадобится побеседовать с твоей подругой.

Это было крайней точкой. Свои муки вытерпеть я была еще готова, но подставлять подругу, с которой мы столько пережили вместе?

— Нет, Элизабет, только не втягивай Лину в это! Она итак слишком много пережила! Вы убили ее мужчину! Мужчину, которого она любила больше жизни. Делай со мной что хочешь, используй меня, издевайся, но только не трогай ее, — я выглядела действительно жалко. Остатки моей былой красоты вместе с достоинством и самообладанием спешно сбежали от своей обладательницы, а слезы прокатились по щекам.

— Вот как ты на это смотришь? — казалось, я задела ее за живое. — Ты думаешь, что я издеваюсь? Использую тебя? Я плохо с тобой обращаюсь?

— А ты думаешь иначе? Я — человек, Элизабет!!! А ты убиваешь на моих глазах, поливаешь меня кровью, заставляешь быть оружием в этой войне, хотя я вообще не уверена, что это моя война. Я спасла тебе жизнь, а вместо этого перед моим носом бьются вырванные из чужой груди сердца, вампиры пьют мою кровь, а я пью кровь вампиров. До встречи с тобой я ни разу не получала травм сильнее, чем сломанный ноготь. А теперь, вся моя жизнь похожа на ад! Я не могу сказать, что она принадлежит мне. И думаю, а стоило ли вообще

тебя спасти? Чем ты лучше него?

— Но, Катилина, ты стала свидетелем истории! Ты попала в первый ряд, и я думала, что это сделает тебе честь, думала, что тебе будет приятно видеть, как все, кто встает на нашем пути и хотят задушить человечество, падают жертвой собственных же амбиций!

— Задушить человечество? О каком человечестве ты говоришь? Вы не люди! И вы никогда не сможете жить с нами в мире рука об руку, пока будете такими... такими... — я не могла подобрать слов, которые бы в полной мере отражали бушевавшие во мне эмоции.

— Я поняла тебя, — безжизненным и отстраненным голосом проговорила Элизабет. — Прости, если была излишне жестока. Я из лучших побуждений. Если тебе так угодно, мы оставим тебя в покое. Давид, проследи, чтобы Кати добралась домой в целостности и сохранности. Прощай, Катилина.

Последние слова она произнесла с достоинством и, не глядя на меня, развернулась на своих каблучках и изящно удалилась. Если это занавес, поздравьте меня, я добилась, чего хотела. Только почему на душе так хреново?

Отчего-то вспомнилось видение, которое являлось в больнице. Расширив от удивления глаза, я провела параллель между видением с шарфом и больничным. Существо, которое было в обоих, стояло за спиной Давида. Я не успела вскрикнуть, один из них заткнул мой рот огромной ладонью, скрытой за черной перчаткой, а тот самый, который подставил Валентина, меньше чем за мгновение обезглавил тело оборотня, которое рухнуло тяжелым мешком на пол и забрызгало меня кровью, хлеставшей из артерии как из шланга. Она поливала меня до тех пор, пока существа не выволокли из комнаты меня и тело Валентина.

Да, сегодня чем дальше, тем действительно интересней. Чьей еще кровью будет окроплен мой путь и мое существование?

Отдавшись в руки судьбы, я бессильно обвисла в цепких руках моего похитителя. А что оставалось делать? Попытаться его убить? Попытаться вырваться и быть убитой при попытке к бегству? Вырваться и ползти с сотрясением мозга, не разбирая дороги? Может я и не самый умный из живущих ныне людей, но жить мне еще хотелось, как ни крути. А раз меня не убили сразу, то решили немного помучить и у меня еще появится возможность проявить чудеса изобретательности, чтобы оказаться на свободе.

Нас везли куда-то. Причем, везли довольно долго. Нас — это меня и начинающее вонять тело Валентина. Я не знаю, как становятся демонами, но готова поклясться, что сейчас мой нос упирается явно в человеческую подмышку. Приподняв голову, чтобы оглядеться, я обнаружила, помимо мертвецки-бледного лица Валентина, какие-то пыльные мешки и пару пустых бутылок. А над дверьми, скрипящими и дрожащими от каждой кочки, виднелось грязное, заляпанное окно, в которое едва просачивался свет.

Хм, мне кажется, или когда нас увозили, была еще ночь? Видимо, сотрясение мозга дает последствия более серьезные, чем простая головная боль и чувство тошноты. У меня было стойкое желание разбудить Валентина и обсудить с ним план побега, но чем реальнее я сознавала, что еду в каком-то фургоне в обнимку с трупом, бывшим парнем моей лучшей подруги, тем хуже мне становилось. Наверное, я сейчас напоминала точно такой же труп, потому что еле сдерживала себя, чтобы не расплескать содержимое желудка по фургону.

Приподняться на локти удалось с трудом. Фургон дребезжал и трясся, словно мы ехали в лошадиной повозке по проселочной дороге. Я прекрасно знала это ощущение, правда, чаще всего мы ездили в повозке, набитой сеном и это было самое прекрасное ощущение. Тишина, пение птиц, солнце, палящее прямо в глаза и Нефрит, безмятежно посапывающий рядом, и,

конечно же, этот блаженный и несравнимый ни с чем аромат сена. Здесь не было и половины той детской романтики. Только бешеный адреналин и желание выжить, с терпкими нотками смерти и привкусом разлагающегося демона.

Только запах разложения, назойливо жужжавшая вокруг рваной раны муха и побрякивающие пластмассовые бутылки вернули меня с небес на землю. Мне не вырваться. Возможно, это вообще моя последняя поездка...

Вместе с тряской фургона, тряслись и без того сотрясенные мозги, отчего становилось несравнимо сложно не то что видеть, слышать или ориентироваться в пространстве, но и дышать, а потому я оставила любые мысли о побеге в данный момент и позволила себе отрубиться. Во сне организм человека восстанавливается. Как от вампирской крови, а восстановление и отдых именно то, что сейчас нужно.

Меня разбудили не особо любезной пощечиной, если таковая вообще может быть любезной. Рассудок отказывался возвращаться при такой постановке вопроса и постоянно уплывал, тем не менее, обливая меня ледяной водой и неустанно ударяя по щекам, похитители добились, чего хотели, я еле слышно простонала:

— Что вам от меня нужно?

Вряд ли в данный момент можно было спросить что-то умней.

— Где она скрывается?

— Кто?

— Не шути с нами, вампирская подстилка!

— Эй, я к вампирам имею отношения меньше, чем вы к рекламе детских памперсов!

Наверное, им не очень понравился мой саркастический фристайл, потому что меня вновь принялись избивать. В последнее время это происходит в подозрительно возрастающей прогрессии.

— Ладно, ладно, хватит, — я сплюнула собственную кровь.

— Говори!

— Сначала задайте свой вопрос так, чтобы я поняла, о чем вы...

Парень снова замахнулся на меня огромной волосатой рукой, и я даже сощурилась, чтобы не видеть, как она пройдет по моему лицу, но другой, из моего видения, осадил его и подошел ко мне, принимая на себя роль следователя.

— Итак. Катилина Астрид Мередит. Сирота. Привязана к двум смертным — Нефриту и Лине. Это наибольшая слабость. Особым жизнелюбием не отличается — на счету несколько попыток самоубийств, — он взял стул и, повернув его спинкой ко мне, оседлал, словно лошадь. — Недавно устроилась работать журналистом, что не согласуется с ее политикой жизнелюбия. И на первом же задании связалась с вампирами. Вопрос: как же вас угораздило?

— Я сама очень часто задаю его себе...

Он с сарказмом усмехнулся и уставился на меня кристально-невинными голубыми глазами. Благодаря его блондинистой шевелюре и юношески-детскому выражению лица, он казался совсем мальчишкой. Но почему-то я была уверена, что его возраст гораздо больше, чем возраст всех присутствующих здесь, вместе взятых. У меня бы язык не повернулся назвать его мальчиком...

— Что-то вы много обо мне знаете.

— Вижу, вы действительно не особо цените свою жизнь, леди Мередит.

— Отчего же? Только она одна у меня и осталась.

— В таком случае, нам лучше сотрудничать. Кто знает, быть может вампиры оценят ваши старания и оставят в живых, когда наступит ВЗ.

— ВЗ?

У существа на лице отразилась такая гамма эмоций, что я почувствовала себя полной дурой.

— Вам что, не рассказывали о Всемирной Зачистке? — поняв по моему лицу, что я впервые это слышу, мужчина рассмеялся и решил поведать мне о великом секрете, — Вот это да! Всемирная Зачистка — это время, когда вампиры заявят людям о своем существовании. Заявят смертью, кровью и болью. Они не оставят в живых никого. Времена меняются и на земле должны править иные существа. Вы, люди, годитесь, разве что, для пропитания. И то для вампиров. Поэтому в целях экономии места, средств и полезных ископаемых вампиры решили от вас избавиться. И начнут — с этой страны. Здесь хороший климат. А дальше, как знать, может быть, другие сверхи поддержат вампиров.

Вот жуть! И я это упустила, когда спала на конференции вампиров??? То, что они хотят уничтожить человечество? Что-то я вообще не понимаю, кто за кого в этой войне миров, которая, судя по всему, уже становится моей. Вот никто по-человечески сразу не мог объяснить? Катилина — помоги прищучить человечество, а то всем только драться и ругаться.

— Стоп! Стоп, стоп, стоп! Если они избавятся от людей, то чем будут в таком случае питаться?

— Вы серьезно не догадываетесь?

— Если вы имеете в виду животных, то я вас умоляю...

— Моя дорогая, мы живем в эпоху высоких технологий. И головы некоторых вампиров — это хранилища таких знаний, каких вам за всю вашу жалкую короткую жизнь никогда не постичь. К тому же, современные ученые добились определенных успехов в евгенике.... когда все вопросы будут решены, наступит ВЗ, как я и говорил.

— А какова ваша роль в этой войне? Вы же, вроде, не вампир. Я видела вас днем.

— Так, где находится Мария-Элеонора Элизабет? Судя по всему, у нее к вам некоторая привязанность, — он резко сменил тему. Я не могла логически объяснить этот скачок в поведении мужчины, источающего такой поток самообладания и уверенности в себе, что он вполне мог бы затопить одну небольшую страну типа Англии.

— Оу, так вы знаете все о моей человеческой жизни, но об общении со сверхами вам неизвестно ничего?

— Леди Мередит, вы искушаете судьбу подобными ответами, — он повернулся в сторону амбала, который так отчетливо запечатлел в моей памяти и на моем лице силу своих рук. Отчего-то все властьпредставляющие считают своим долгом иметь при себе душегуба с внешностью эдакого людоеда-убийцы. Я, конечно, понимаю, что дядя шкаф за спиной, с кулаком, размером с мою голову добавляет авторитета, но зачем же быть такими варварами? Мы же в цивилизованном мире живем... Уже придумали пистолеты...

— Но где находится Мария-Элеонора мне действительно неизвестно. За несколько мгновений до того, как вы убили Давида, она расторгла со мной любые отношения и сказала, что вампиры больше никогда не появятся в моей жизни.

— Ну, здесь она слегка преувеличила. Сторонники Княгини достаточно могущественны и, думаю, именно они одержат победу в этой войне. И человечеству придется пережить... — он задумался, — достаточно сложный момент. Который они по праву смогут назвать концом

света.

— Вы говорите так, будто меня здесь нет. И говорите так, будто вам совершенно безразлично кто победит.

— Да, это действительно так. Мне безразлично, кто победит. Моя выгода очевидна.

— Неужели деньги — это все, о чем может мечтать сверх? Как тривиально. Признаться, я разочарована в мире сверхов.

— Вы сделали этот вывод за меня и за этот самый вывод еще и окрестили недалеким и тривиальным. Помимо денег есть вещи гораздо более важные и привлекательные...

— Ах, сила и власть...

Существо рассмеялось, а в этот момент в комнату вошел недовольный карлик. Причем, на своем веку мне довелось повидать карликов, когда в Мелфрид с гастролями приезжал цирк из Рантона, местной столицы, но с этим явно было что-то не то. Его толстая, необычайно грубая кожа, практически ороговевшая, настораживала своей неестественностью, огромный нос, жесткая рыжая борода и доспехи средневекового рыцаря, в уменьшенном варианте, и вовсе заставили мою челюсть отвиснуть...

— Гном? Вас же не существует...

— Человек? Ой, а мы и не подозревали, что существуют люди, что вы умеете, люди? Брюзжать, мнить себя важными персонами и губить недра?

О-хре-нет. Нет, действительно охренеть. Если свыкнуться с мыслью о том, что существуют вампиры и демоны я еще могла, но что гномы населяют эту планету — уже запредельно сложно для понимания. Скажите еще, что все мифы, о которых нам рассказывали в школе и все страшилки, которыми в детстве забавлялись у костра — это чистая правда. Единственное, во что я не отказываюсь верить, так это в существование Деда Мороза и Крестной Феи, которая всегда вытаскивает непослушную задницу крестницы из передрыг, одним лишь взмахом магического сучка.

— Она забавная, Мефистофиль, где ты ее откопал?

— Элизабет привязана к этой девчонке дурацким кодексом чести вампиров и должна за ней прийти. Нам остается лишь ждать.

— Во всяком разе, мы можем скрасить ожидание, — глаза гнома плотоядно сверкнули красным огнем. Интересно, если бы братья Гримм когда-нибудь увидели гномов, рассказ о Белоснежке по прежнему бы оставался в разряде «сказки для детей», или бы перекочевал в разряд «ужастики на ночь»?

Глянув на массивный кинжал, массивный даже для человека, а не только для гнома, полурослика, я струхнула. Все, что относится к колюще-режущим предметам, с самого детства вызывало у меня панический ужас.

— Так, ребята, будем благоразумными. Я скажу вам все, что хотите. Я в этой истории тоже не имею приверженности к какой-либо стороне, да и не обладаю знаниями, которые вы бы сочли важными.

— Откуда тебе знать, что для нас важно? — существо изогнуло бровь. Все-таки на минутку стало интересно, кто он. Тоже демон, как и Валентин? Это бы объясняло то, что он мог находиться днем под солнцем и то, что его кровь пахла жизнью, как говорила Элизабет. Что ж, пусть будет демоном, так он в моих глазах менее обезличен.

— Ну, учитывая то, что идет невидимая нам война, и вампирский мир разделился, по ходу, на приверженцев Княгине и приверженцев Князю... и кто-то хочет уничтожить весь людской род... Боже, да все как обычно сводится к доминированию и порабощению

человечества!

— Да она, по ходу, вообще не въезжает, — рассмеялся гном, поглаживая рыжую бороду и тыкая локтем в щиколотку Мефистофиля.

— Просветите? Раз уж мы сторонние наблюдатели?

— Допустим, мы определенным образом служим Княгине, а ты определенным образом жертва войны.

— Ой, да бросьте, — усмехнулась я, пытаюсь ослабить веревки, которые спутывали мои руки за спиной.

— Грюнвальд, сними ей путы.

— Что? — гном был явно не в восторге от этой идеи. У него на меня были далекоидущие планы, даже не нужно уметь читать мысли, чтобы понять степень извращенности его мышления. Что-то мне подсказывало, что с этим вредным существом мне еще придется прожить не самые замечательные минуты моей жизни. О них вряд ли потом захочется с гордостью упоминать в моей автобиографии...или некрологе...

— Сними, — мягко и властно приказал Мефистофиль. Гном подсуетился и вскоре мои руки стали насыщаться кровью, отчего по ладоням забегали мурашки.

— Спасибо. Все равно сбежать от вас мне вряд ли удастся. Да и куда идти?

— Это ты верно подметила. Здесь на квадратный метр сверхов больше, чем в клубе вашего зрителя. Да и с головой у тебя проблемы. Сотрясение, — корректно добавил похититель в ответ на мой гневный взгляд. Все-таки это не было похоже на стандартное похищение. Рассуждая логически, можно понять, что я им нужна, иначе бы мне вышибли мозги на месте, как прихвостню Элизабет. Другой вопрос, в каком качестве я им необходима? Если как средство для обмена, возникать особо не стоит, меня и вперед ногами могут обменять, или, на худой конец, в беспамятстве, или по частям, а если им нужна информация (но, Боги, что я могу знать?), то в таком случае мне можно попробовать искутить судьбу.

«Да у этих людей от рождения сотрясение мозгов. Сомневаюсь, что они у них вообще есть. Как грабить наши недра и губить природу, это так они могут, а как сделать что-то хорошее, так мозгов не хватает. Когда придет эта старейшина, круг замкнется и...»

— Эй. Ты чего так на меня пыришься? Прожечь взглядом пытаешься, ты, колдунья?

— Кто вас так обидел? Я, кстати, два дерева посадила, когда была в приюте. И природу люблю... Ну... это так, для галочки, — замялась я. Поскольку мистер «я убью тебя взглядом» по праву может стать обладателем самого убийственного взгляда, который я когда-либо видела.

Гном с негодованием просверлил во мне дырку глазами и, сопя, отошел в угол комнаты. Не знаю почему, но эта компания, вдруг, показалась мне более человеческой, чем компания вампиров и не вызывала стойкого отвращения. Наверное, хотя бы потому, что сердца их бились, и внешне они выглядели весьма живыми, наполненными эмоциями.

— Так вы просветите меня?

Демон мягко улыбнулся и протянул мне ладонь. Поколебавшись, я протянула ему руку в ответ, и он помог мне подняться. Голова мгновенно дала о себе знать потерей ориентации в пространстве, но мужчина мгновенно подхватил и, оказавшись неприлично близко, сделал тот же жест, что и Марк в клубе. Он прильнул к моим волосам и вдохнул мой запах. Казалось, он пытается, как пес, распознать во мне какую-то сущность.

— Что-то в тебе есть, ты знаешь?

Да, знаю. Это мой новый шампунь от продвинутой фирмы, на который я угробила нехилое количество денег, кондиционер для волос, а еще много-много негодования. Пожалуй, стандартный комплект того, что на данный момент во мне есть.

— Во всяком разе, вы не накинулись на меня, явно обозначая свое желание... эмм... разделить со мной постель, значит, вы более человечны, чем вампиры. Потому что на них мое присутствие действует как валериана на кошку. Уж не знаю, с чем это связано.

— С жизнью. В вас она словно ключом бьет. Когда вы так близко, даже мне сложно удержаться, хотя я не совсем вампир...

— Вам сложно удержаться, чтобы не испить меня, — безуспешно стараясь отстраниться от мужчины, предположила я, — или...

— Хм, — он бережно провел ладонью по моим волосам и устало заглянул мне в глаза.

— Боже...

Я ахнула. Казалось, на меня свалились все годы, что остались далеко за его плечами. Все пережитые им смерти, все несчастья, радости и печали, все ошибки и неудачи, взлеты и падения. Будто все его сознание свалилось на меня и заставило сопереживать. И чувство родства. Чувство связи, незримой нити между нами. Что это было? Вдруг взявшаяся из ниоткуда эмпатия? В любом случае, отчего-то я прониклась к этому существу небывалым доверием и теплом. Новое ли это умение, или же манипуляция демона, но за это мгновение я поняла куда больше, чем за время всего нашего короткого знакомства.

— Кто-то из ваших родителей — человек? Я права? Я чувствую, что в вас есть человек...

Он так же по-отечески улыбнулся и, отвернувшись, зашагал прочь. Я так и осталась стоять на месте, но, заметив, что он в ожидании оглянулся, засеменила за мужчиной, поддерживая себя благодаря близко расположенным стенам узкого коридора. Интересно, где мы находились? Судя по тому, что нас немного качает, можно сделать предположение, что на воде. Неужели все настолько банально, что мы около старого дока качаемся на волнах родной Мелсуотен?

Да. Я была права. Мужчина вывел меня на палубу. Уж не знаю для чего, чтобы я помимо сотрясения заработала еще и морскую болезнь, или для того, чтобы утопить и дать сигнал чувствам и ощущениям Элизабет. Он казался совсем ребенком, стоя здесь, в лучах заходящего солнца и любуясь ими с улыбкой озорного мальчишки. К слову, одет он был весьма странно, в мешковатую одежду, наподобие рясы. Она была настолько белой, насколько может быть чистым и сверкающим белизной снег, едва выпавший на поверхность мест, где не ступала нога человека. Тряхнув пшеничными прядями, он изрек, не оборачиваясь:

— Ты хочешь знать кто ты?

— Да. Я хочу покончить со всем дерьмом, что творится вокруг меня.

— Боюсь, это только верхушка айсберга. Ты не видела даже половины того, что могло или должно случиться, благодаря тому, что ты...

— Жрица?

Он саркастически вздернул уголком губ и кинул на меня иронический взгляд.

— Что ты об этом знаешь?

Поняв, что мои скудные догадки на предмет того, о чем я совершенно не знаю и что до недавних пор я считала уделом поврежденного рассудка писателей-фантастов, как минимум неуместны, я устроилась у ног моего похитителя, не в силах оставаться на своих двоих.

Прислонившись спиной к борту, и прислушиваясь к голосу Мефистофиля, который едва не сливался с приятным рокотом волн, я чувствовала себя в полной безопасности.

— Говорят, об этом месте ходят мифы, — то ли сменил тему, то ли начал издали он, — ты наверняка знаешь один из них?

Этот взгляд предлагал мне поведать одну из историй, которая известна коренному жителю Мелфрида. Только сейчас я обратила внимание, что мы и впрямь находимся у здания заброшенного дока, неподалеку от которого виднеется тот самый злополучный мост, на котором меня ударило молнией.

— Да. Эти легенды передаются от отца к сыну, от матери к дочери и так далее. Рассказываются как байки у костра под гитару и жареные сосиски. Ну, вы знаете... — последнее замечание показалось мне неуместным. Представить не могу Мефистофиля у костра с сосисками.

— Тогда поведай ту, которая запомнилась больше всего.

— Хорошо, — я прокашлялась, приготовившись к долгому рассказу и собираясь с мыслями. — Когда-то давно, задолго до появления Мелфрида и прочих городов, на этом самом месте была только вода. Была только Мелсуотен. Но взбунтовалась земля и вступила в схватку с водой. Они долго боролись друг с другом и, в конце концов, воде пришлось отступить. Вместо огромного и глубокого моря, покоряющего своим величием и невиданными просторами, на этом месте осталась лишь река, хотя не менее впечатляющая своими размерами, глубинами и тайнами. Вода еще долго пыталась отвоевать свои позиции, нападая на землю наводнениями, но земля диктовала свои права и ее гнев, ее дрожь ощущалась в этих местах еще во времена наших прадедов. Лишь около века назад землетрясения исчезли и больше никогда не появлялись. Тем не менее, когда Мелсуотен-Брейг разлилась в последний раз, из ее вод вышла необычайной красоты женщина. Ее волосы были как само солнце, огненные, солнечные, кожа, как кожура персика — бархатная и румяная, речь струилась, словно трель соловья, а поступь грациозная, как у лани. Это была Ева. Богиня жизни и всего живого, некоторые считают ее дочерью самой Мелсуотен. Она примирила тогда воду и землю, которые жили в мире какое-то время. Они стали ее верными спутниками. И тогда Ева основала здесь город, назвав его Мелфридом, что на языке древних означает... Место, где все началось... постепенно, город стал наполняться людьми и Ева жила здесь много веков, но была одинока. Ни один смертный не был достоин того, чтобы стать ее супругом и продолжить божественный род. Однако одной лунной ночью Ева встретила мужчину и в тот самый момент поняла, что именно он тот, кто может стать ее суженым. При всем при том, то был сам приспешник Дьявола. Дитя Ночи, как зовут его легенды. Ева привела его к Мелсуотен, своей матери, чтобы та благословила их. Но благословения не было. Вместо этого, Мелсуотен была разгневана тем, что ее дочь — сама Жизнь добровольно выбирает саму Смерть. В тот день она прокляла свою дочь, сделав ее... кто-то говорит, морской пеной, кто-то облаками, кто-то ветром, кто-то камнем, но суть в том, что Ева перестала быть самой прекрасной из бессмертных в человеческом воплощении. Прошли годы, затем десятилетия, и Мелсуотен раскаялась. Мир перестал радовать ее сердце. Взмолилась она, обратилась к земле, с которой боролась долгие века. Просила помочь вернуть ее дочери живое воплощение. Но, конечно же, земля отказалась и разразилась между ними очередная война, в которой Мелсуотен одержала победу. Именно так объясняется прекращение землетрясений и появление наводнений жителями Мелфрида. Земля согласилась помочь, но заклятье, которое могло вернуть Еву, ставило практически

невыполнимые условия. Земля сказала. «В тот день, когда само небо своим гневом отметит самую прекрасную из здесь живущих в том месте, где была рождена богиня, ее часть вернется в эту женщину. Но чтобы Ева вернулась полностью...» ох, здесь уже столько интерпретаций легенды, что я теряюсь.

— Позвольте, здесь продолжу я. Для того, чтобы богиня вернулась, нужно было следующее. Тринадцать поколений той, которую пометило небо, должны были пройти через этот ритуал. Тринадцать поколений самых прекрасных, каждая из которых все больше приближала Богиню к жизни... через смерть...

— Да, все просто.

— Не совсем, — улыбнулся он. — Здесь начинается самое сложное. Люди не могли оплодотворить меченую небом. Она не могла понести ребенка от них — их семя недостаточно жизнеспособное для этого. Но, тем не менее, отцом мог стать лишь тот, чье сердце бьется. Самый лучший из тех, кто не был человеком. Заклятие земли становилось проклятием для детей Ночи, которые страстно желали быть с воплощением Евы — самой жизни, но не могли себе этого позволить. Рано или поздно, это их убивало.

— Что именно? Жажда? Кровь? Секс?

— Жажда крови во время секса, — улыбнулся он. — Думаете, почему они мечтают испить вас во время совокупления?

— Ни одной идеи...

— В этот момент, когда все естество готово к появлению новой жизни, ваша кровь наиболее всего наполнена жизненными элементами, магией, которые позволяют вампиру существовать. Которые дают ему неограниченную силу... и которые, в конце концов...

— Убьют его...

— Именно.

Медленно, очень медленно, до меня стала доходить суть происходящего. Как Марк нежно целовал мое запястье, из которого испил, словно это было самое ценное и самое необыкновенное, что он видел в своей жизни, то, как взбудоражились все сверхи в клубе зрителя, даже то, что говорила Лиззи.

— Стойте, притормозим на поворотах... это все... что... неужели оно...

Его спокойный и уверенный взгляд, в котором уже сверкали отблески лунного света, говорил красноречивей самых громких слов.

— Да иди ты... но ведь.... а как же тогда...

— Леди Мередит, это лишь самая верхушка айсберга, как я и говорил. А детали, думается, вы уже успели ощутить на себе. Но это тоже лишь малая их часть...

Не в силах что-то сказать, я распласталась по палубе и хватала ртом воздух, как выброшенная на берег рыба. Ладно, то, что существуют вампиры, демоны, гномы, черт бы их побрал, все это можно принять, но что я какой-то там отпрыск некоей богини из мифов? Пристрелите меня, а?

— А как тогда...

— Сэр?

На палубу поднялся недовольный гном и, просверливая меня плутоватыми глазенками, он стал перешептываться с Мефистофелем, игнорируя мою растерянность. Читать существо у меня не было сил, желания и возможности, поскольку мой мозг был до предела перегружен свалившейся информацией. Как могла я использовать или адаптировать к своей жизни то, что стало известно? Я жрица богини Евы, то есть я та, в которой эта самая богиня

сидит и жаждет, чтобы я родила еще одну такую же как я... брр, запуталась. Капец, первым же делом я найду хорошего экзорциста, который выгасит из меня эту паршивку!

— Леди, вас проводят в каюту, где вы сможете отужинать и переночевать. Для вашей же безопасности каюта будет заперта снаружи.

— А если пописать захочу?

Просьбу мою проигнорировали. Да бросьте, с таким багажом знаний желая уплыть от вас, я потону — он словно камень на шее.

Только за моей спиной звякнул железный затвор, ноги подкосились, и сознание ушло далеко в царство Морфея. Наконец-то долгожданный сон, в котором, надеюсь, мне приснится абсолютно нормальная жизнь!

— Лина? Деточка, пойди сюда, — добродушно прошептала леди Кэтрин, подзывая меня к себе, — ты выглядишь такой бледной. В чем дело? Тебе все еще плохо?

— Я не знаю, что со мной такое... — я присела на диванчик, возле камина, который был излюбленным местом леди Кэтрин. — Который день мне снятся кошмары. Они настолько ужасны... настолько реалистичны, кажется, что они становятся частью моей новой жизни. И просыпаюсь в царапинах, синяках, без сил, словно и не ложилась вовсе.

— Ох, милая... не переживай. Я смогу тебе помочь. Готовься спать, а я принесу один отвар, после которого ты уснешь сном младенца без всяких кошмаров, — улыбнулась женщина, добродушно обняв меня своими теплыми руками и прижав к груди. В этот момент я почувствовала себя в объятиях матери. В таких безопасных, теплых и уютных объятиях.

Я поднялась и, едва передвигая ватными от усталости ногами, зашагала в свою комнату. Тем временем, Кларис неосторожно брякнула чашками по столу, явно чем-то огорченная.

— Кажется, этот дом посещает одна беда за другой. Кларис, в чем дело?

— Все хорошо, Леди Кэтрин.

— Как твое дитя?

— Идет на поправку, — прислуга, не поднимая взгляд от пола, теребила белый передник, аккуратно отглаженный и делающий образ хозяйки очень опрятной.

— Так что, в таком случае, тебя беспокоит?

— Отсутствие Мисс Мередит. Младшей Мисс Мередит, — добавила она, уточнив, что заботится отсутствием Катилины, поскольку Изабель вернулась, однако не так уж часто выходила из своей комнаты.

— Действительно, Катилине давным-давно пора вернуться, — задумалась леди Кэтрин. Заметив, что меня задержали внизу дела, она поспешно обратилась с вопросом, зная, что мы с Кати лучшие подруги и знаем друг о друге буквально все и даже больше, от чего зачастую и страдаем. — Душенька, ты вестей от Катилины не получала?

— С момента прошлого звонка — никаких. Должно быть, ее все же решили оставить в больнице Форт Окриджа. Пока здоровье не окрепнет. Перевозка может отрицательно сказаться на ее самочувствии, — одарив тетушку фальшивой улыбкой, я поспешила подняться в свою комнату.

Сердце чувствовало, что здесь что-то не ладно. Повинуясь чутью, я набрала номер госпиталя, который оставила Катилина, однако, вести, которые получила, ничуть меня не утешили, а лишь наоборот — разожгли беспокойство. Катилина покинула больницу вместе с мужчиной, вызывающим большие подозрения в его благонадежности.

— Во что же ты вляпалась. Гадкая девчонка?

Не имея никаких зацепок, я направилась в комнату подруги, в надежде, что там может отыскаться хотя бы маленький намек на то, где может пропадать Кати. Впрочем, искать там зацепку то же самое, что спрятать слона на кухне. Безнадежно, но попытаться стоило.

Проходя по пути мимо комнаты Нефрита, я с удивлением заметила. Что дверь приоткрыта, хотя он всегда плотно запирает ее. Аккуратно, чтобы мужчина меня не услышал и не заметил, я заглянула в щель. Он, обхватив ноги, сидел в углу комнаты, за стулом, с выражением застывшего ужаса на лице. Я хотела приоткрыть дверь чуть больше, но половица предательски скрипнула, и мне пришлось отскочить в сторону, чтобы мой шпионаж не заметили. Что заставило Нефрита, грозу всех бандформирований Мелфрида, грозу наркоторговцев и просто крутых ребят прятаться и сжиматься в комок, как беззащитного котенка перед мордой собаки?

Что ж, он взрослый мальчик, надеюсь, сам разберется. А если ему потребуется помощь — обратится за ней. Вмешиваться в чужие дела как минимум некрасиво. Я искренне корила себя, за то, что подглядывала и увидела Нефрита в таком состоянии. С другой стороны, зачем еще нужны друзья? Кто, если не они постоят на страже и проследят, чтобы ты не свихнулся окончательно?

Кроме порядка и пары оброненных тюбиков с кремом, ничего подозрительного или бросающегося в глаза в комнате Катилины не наблюдалось. На прикроватной тумбочке лишь пара пустых бумажек, подсвечник и будильник, дамский туалет в косметике, в ящичке стола... стоп.

— Александр Рихард, художник... быть может ему что-то известно? — она перевернула визитную карточку, на обратной стороне которой был написан номер телефона. Хотя время и было позднее, тем не менее, в рамках приличия. И как бы то ни было, ситуация не терпела отлагательств.

После нескольких длинных гудков на той стороне послышался слегка обеспокоенный бархатистый мужской голос.

— Слушаю.

— Александр? — после некоторого замешательства, нашлась я.

— Да, с кем имею честь?

— Это Лина, подруга Катилины, извините, что беспокою в столь поздний час... — я задумалась, пытаюсь в спешке подобрать нужные слова. С той стороны послышалась ухмылка. То ли это относилось к имени, услышанному мужчиной, то ли ко времени, в которое я звонила, это было уже не важно, шаг сделан и нужно было довести его до конца. Ох, мне бы твою уверенность сейчас, Кати! — Понимаете, моя подруга пропала из больницы... я хотела поинтересоваться... может быть... случаем, она....

— Нет, она не со мной и я не имею ни малейшего представления, где она может быть. Но спасибо за звонок. Если что-то прояснится — непременно наберу этот номер, мисс...

— Просто Лина.

— Лина.

Короткие гудки послышались неприлично рано. Кажется, он даже не успел до конца произнести мое имя, прежде чем повесить трубку. Что ж, должна признаться, что и разговор вышел не ахти какой элегантный. Тем не менее, не оставалось ни малейшей надежды на то, что я могу узнать, где сейчас Кати. Думаю, в такой ситуации, она бы отправила меня спать. А я бы не стала возражать. Сил нет дожидаться тетушки. Еще одна ночь кошмаров.

Он повесил трубку и осмотрел всех отсутствующим взглядом, отложив газету на тумбочку. Она многое для них значила, и она слишком много сделала для того, чтобы Кодекс позволил им бросить ее в трудную минуту.

— Элизабет, позвольте вас на пару слов?

Не оставалось ничего, как обратиться к старейшине. Они с Катилиной всегда были привязаны друг к другу. К тому же, препираться и рвать глотки пару минут вампиры смогут и без старейшины.

— Да, Александр, — она выглядела необыкновенно усталой и озабоченной. Кажется, эта война измотала ее. Постоянные подозрения в измене, неясность намерений, кому можно верить. Вампир и сам не был до конца уверен, что сделал верный выбор и она та, за кого себя выдает. Но в их ситуации остается полагаться на природный инстинкт.

— Есть вести от Давида?

— Нет. Он уже давно не выходил на связь, хотя должен был вернуться едва ли не сутки назад. Возможно, его задержали наши дела или рассвет.

— Возможно, нам стоит начать беспокоиться. Катилина не добралась до дома.

— Что? — взревела она. Внутри мужчины все сжалось. Он лишь однажды видел это выражение лица у вампира, прожившего не меньше тысячи лет, и после этого едва остался жив.

Эта женщина была неподражаема. Глубоко вдохнув, она взяла свои эмоции под контроль. Мало кому из вампиров удастся настолько хорошо владеть своими эмоциями. Именно поэтому единицы доживают до такого возраста, именно поэтому старейшины одни из самых уважаемых и влиятельных вампиров.

— Узнайте, что случилось после моего ухода в нашей резиденции в Форт Окридже. Через 15 минут у меня должна быть полная информация, — она обратилась к толпе вампиров, ведущих ожесточенные дебаты позади нее.

— Но леди, этого времени недостаточно, чтобы...

Через мгновение она вцепилась в глотку Гледис и подняла вампирку на метр от земли. Та беспомощно болтала ногами и часто хлопала длинными накладными ресницами.

— Две из них, — голос Элизабет был хриплым, но до ужаса спокойным и властным, — уже прошли.

Гледис обрушилась на пол, растирая горло дрожащей рукой и в страхе глядя на свою госпожу. Кажется, старейшину разозлили не на шутку. Что ж, игры закончились, пора отбросить маски, которые они надевают для людей и показать миру кто такие дети ночи, и какова их суть. Он чувствует, как голод и ярость внутри него ждут выхода, как сдерживаемые вот уже десятилетия естественные животные позывы убивать и питаться рвутся на волю, как границы размываются, и наружу выходит что-то страшное. Эта ночь будет полна крови.

Пятнадцать минут прошли, кажется, быстрее, чем должны были и Элизабет, оторвавшись от роли полководца, перешла к роли следователя на допросе. Гледис стояла перед ней, в страхе склонив голову и не смея поднять ресниц. Еще пара вампиров поспешили присоединиться к этому жесту.

— Итак? Какие новости?

— После того, как вы покинули вашу резиденцию в Форт-Окридже...

— Не томи, — она театральным жестом приложила руку ко лбу.

— Как нам доложили, в живых не осталось никого... — Гледис едва ли не встала на колени, чтобы не видеть тот гнев, который исказил прекрасное лицо вампирки. Ее глаза

налились чернотой, белок совсем пропал, только ярко сверкнули красноватые радужки, нос женщины, сморщившись, приподнялся, и она обнажила клыки. Когда вампиры теряют контроль, когда вампиры готовятся испить или желают устрашить свою жертву, они меняют свою сущность. Они убивают в себе человека каждый раз, когда на волю должен вырваться вселенский ужас. Теперь она стояла перед ними, великолепно воинственная и окидывала взглядом жалкое сборище вампиров, вынужденных прятаться, как затравленные псы, вместо того, чтобы гордо вскинув подбородок рассекать ночную тьму на черном Бентли, — они уничтожили стражников, казначеев, курьеров, связных, всех, кто находился в резиденции...

— Что ж. Они хотят войну — они ее получают. Мы больше не будем прятаться.

Послышались ликующие крики. Кажется, предмет полемики, из-за которой присутствующие чуть ли не рвали друг друга на куски, исчез сам собой. Старейшина сказала свое слово, значит, так оно и будет.

— Госпожа... должны сообщить, что Давид среди погибших...

Она издала звук, похожий на рычание собаки, но взяла себя в руки.

— Катилина?

— Ее тело не нашли.

— Что ж. Свободны. Марк, Александр. Вы мне нужны.

Она, запахнув полы длинного малахитового плаща, проследовала сквозь красиво изогнутую арку в другую комнату. Это была библиотека Александра. Элегантно обставленная по высшему разряду и переполненная редчайшими коллекциями книг первого выпуска. Присев на обтянутый черной кожей диван, она запрокинула голову и уставилась в потолок, на котором была изображена картина из библии. Каин убивает Авеля.

— Какая ирония, — усмехнулась она, опуская взгляд на стоящих перед ней мужчин.

— Вы уверены в том, что мы делаем, госпожа? Слишком опасно сейчас показываться... вы же знаете, что за каждым из нас ведется охота, — робко начал темноволосый вампир. Он впервые за все свое существование оказался загнанным в угол, как мышь. И чувствовал сейчас то же самое...

Но когда мышь загоняют в угол, она поворачивается и начинает атаковать. Мария-Элеонора не хотела сидеть на месте, она бы хоть сейчас бросилась и перегрызла глотку всем, кто посягнул на заведенный испокон веков порядок.

— А что ты предлагаешь? Сидеть здесь и ждать, пока нас перебьют, или закатают, как сельдь в бочку? Благодаря Катилине у нас появились зацепки. Если бы мы только знали, как ее вновь найти. Все-таки, нужно было обменяться с ней кровью, для большей безопасности, — это были, скорей, мысли вслух, чем обсуждение сложившейся ситуации, — Наши враги наверняка сейчас там и дожидаются, когда я приду спасти ее. Кто-то из вас должен направиться немедленно в Форт-Окридж и любыми способами узнать, кто это был и где они сейчас.

— Думаю, в этом нет необходимости, миледи, — наконец, в разговор вступил Марк, сделав шаг вперед. Он не испытывал особого желания говорить то, что сейчас скажет и предлагать свою кандидатуру в качестве спасителя, но се ля ви. Это просто стечение обстоятельств и он должен позаботиться о своей шкуре и шкуре еще сохранивших свои клыки.

Элизабет вскинула бровь и внимательно уставилась на вампира.

— Мы обменялись кровью.

— Что?? — послышалось с двух сторон. Александр был удивлен и раздосадован не

меньше, чем Элизабет. В конце концов, Марк был меньше всего связан с Катилиной привязанностью, чувством или кодексом, но, тем не менее, она теперь находилась под его властью, и даже старейшине приходилось считаться с узами крови.

— И ты до сих пор молчал? — кажется, это была ревность, или чувство собственности.

— У меня был повод рассказать вам об этом? — его доводы разбивали все остальные расспросы и окончательно ставили все точки над і.

— Хорошо. Марк, определяешь местоположение Катилины. Александр — тебе придется поговорить с Линой. Ее подругой и сделать это необходимо прямо сейчас. Как только Марк узнает, где они ее прячут, нам понадобится знать, против кого мы идем. А я пока соберу тех, кто остался предан, и мы разработаем план действий. И, Александр, — мужчина развернулся и в ожидании замер. Женщина, после некоторой паузы, неохотно произнесла, — возможно, придется обратиться к Горгоне, — он, сдерживая возражения, едва кивнул и отправился вслед за Марком.

Она старалась не смотреть на Марка, но прекрасно понимала, то, что обмен произошел, был на руку всем. Катилина будет спасена, а они имеют возможность убить двух зайцев — освободиться от долга кодекса и наступить на глотку своему врагу. Женщина смотрела вслед мужчинам, которые были полной противоположностью друг друга, и ее сердце сжималось каждый раз, когда она вспоминала, что все они когда-то были людьми... и на нее обрушивалось сознание всего, чего она лишилась, благодаря сделке с дьяволом. Но, будучи сильной женщиной, она заглушала эти чувства сознанием того, что приобрела. И с этими мыслями старейшина вошла в зал, кишащий нежитью. Глаза ее горели огнем, и каждый из присутствующих знал, что это значит.

Я почувствовала, что мой сон вновь стал уплывать сквозь пальцы. Это то невесомое состояние, когда ты осознаешь, что спишь, но от этого осознания не просыпаешься. Ты идешь по грани, боясь шелохнуться, чтобы не свалиться в одну или другую сторону, которые в равной степени нежелательны. Ощущение присутствия не покидало меня. Он снова здесь, он снова наблюдает. Сейчас начнет испытывать на мне свои новые способы устрашения. Что будет на этот раз? Укусы змей, которых я всегда боялась? Или падение с высоты? Может быть, стены начнут сдавливать и душить? Зачем ты меня мучаешь?

Ничего не происходило. Я лишь чувствовала, как он на меня смотрит, и как в области солнечного сплетения щекочет поток энергии. Это было похоже на мурашки, бегающие под кожей, но то, что происходило, высасывало из меня силы, как вампир высасывает кровь из своей жертвы... силы, их больше нет. Он всегда мог манипулировать эмоциями других, ведь они — его жизнь.

Вдруг грань нарушилась, и я оказалась в своей комнате, в полной темноте, кто-то навалился на меня сверху и зажал рот.

— Тсс... если я уберу руку, ты станешь кричать?

Он что, debil? Кто задает такие вопросы своей жертве? Конечно стану! Но естественно, я активно замотала головой, понимая бесперспективность подобного поступка. Когда мой рот оказался на свободе, я гневно прошептала:

— Как ты здесь оказался? Кто тебя пригласил???

— Прислуга очень восприимчива к просьбам... стой. Ты знаешь кто я?

— От таких, как ты за версту несет. Слезь с меня и выкладывай, чего тебе?

Его глаза сверкнули в темноте, показывая, что вампира не устраивает тон, которым я с ним общаюсь. Но ничего, у меня для таких как он припасен сюрприз.

Вампир мгновенно приблизился и, глянув золотистыми радужками в мои глаза, чарующе произнес:

— Ты должна мне кое-что рассказать. Мужчина, который подставил Валентина-демона. Кто он?

— Что с моим парнем???

— Отвечай на вопрос!!! — гроыхнул вампир.

— Да засунь ты его себе в задницу, что с моим парнем?

— У вас тут что, кружок молодых ведьм? С девизом «вампирские чары нам нипочем?»

— Ты живешь уже сотни лет, а так и не врубился? — я была зла не на шутку от тупости незнакомого мне вампира, неизвестно зачем очутившегося в моей комнате и от упоминания о моем парне. Достав из-под ночной рубашки светящийся камушек, я ткнула им в лицо мужчины, который тут же отпрянул, — что, пропала спесь? Вампиры в этом мире не имеют никакой реальной силы. Вы одно из самых слабых звеньев эволюции сверхов. И ваше влияние годится лишь для ни о чем не подозревающих слуг.

Кажется, мне удалось его задеть, потому что без раздумий он сжал мою тонкую хрупкую шею в своей крупной и сильной ладони. Я чувствовала спокойствие, но положение было шатким. Психика вампиров как море, сейчас штиль, но в следующую секунду может обернуться девятым валом.

— Что, теперь я не кажусь тебе нижней ступенью эволюции? От этого твой камушек тебя не спасет, — он гневно шептал мне на ухо, а меня пробирал смех.

— Вот это уже убедительней, — согласилась я, лихорадочно соображая. — Да, но ведь ты пришел сюда не за этим. Иначе бы давно испил или убил. Ты пришел за информацией, а сплющив мою шею, информации ты не получишь. И твой зритель сделает с тобой тоже, что и ты хочешь сделать со мной.

С минуту в комнате искрило. Тишина была наэлектризована.

— Еще несколько секунд и у меня начнется гипоксия, — вежливо напомнила я, что его рука все еще сжимает мою шею.

— Что ж, и впрямь. Хватит мериться причиндалами, — разжав ладонь, согласился он.

— Учитывая, что ты по любому в полете, ведь у меня их два!

Ирония разбила воздух, который можно было резать ножом, и атмосфера стала более-менее подходящей для ведения конструктивных диалогов.

— Откуда ты так...

— Валентин поднатаскал. Где он сейчас?

— Я не знаю, — он что-то скрывал. А я разрывалась между двумя желаниями — выведать все, что ему известно о моем бывшем и навсегда вычеркнуть из памяти этого демона. Но прежде, чем я успела продолжить тему, он перехватил инициативу, — мы должны сотрудничать потому, что это спасет жизнь твоей подруге.

Я улыбнулась, отметив про себя, что с точки зрения ведения переговоров, в которых я была сильна благодаря своей работе в рекламном агентстве, это было правильное начало. Мой кивок в темноте не заметил бы человеческий глаз, но вампир прекрасно распознал этот жест как поощрение к дальнейшим словам.

— Сейчас Катилина похищена. Но мы работаем в этом направлении, и вскоре будем знать ее местоположение.

— Я слышала, что из больницы ее увел какой-то амбал...

— Это был наш человек...

— О да, было очень умно с вашей стороны увозить из безопасной больницы человека с сотрясением мозга. Она не супер-герой, к вашему сведению и вполне себе способна внепланово скончаться...

— Ты заткнешься?

— ...да, молчу.

— Для того чтобы вызволить ее из беды, необходима твоя помощь. Нам нужно знать все о существе, которое подставило Валентина.

— В смысле, подставило? — я не особо понимала, что имеет в виду вампир.

Он подбирал слова. Даже в темноте я ощущала, что его лицо изменилось, что на нем сейчас, в эту минуту успело смениться несколько разных эмоций.

— Мы думали, что Валентин хотел убить... одну из наших.

— Ой, вот только не надо сейчас блюсти свой пресловутый кодекс. Я о вас знаю больше, чем о родной матери, можешь называть вещи своими именами...

— Откуда Валентину было столько известно о вампирах?

— Было?

— Вы же расстались? — спохватился он.

— Я этого не говорила...

— Нет, ты сказала, просто не помнишь, — настаивал он.

— Если ты не выложишь сейчас все, как есть, я всажу тебе кол в грудь, будь уверен, я отыщу его в темноте и засуну так глубоко, что он выйдет с другой стороны, доставив тебе такие муки, которые ты и представить не можешь!

Он не медля и не раздумывая отрезал:

— Валентин мертв.

Я задохнулась. Никогда раньше не думала, что слова можно ощутить физически. Что они способны причинить боль гораздо большую, чем все острые предметы мира. Мое сердце перестало биться, в комнате была идеальная тишина... когда ее прервал первый удар нового сердца, я почувствовала, что часть меня навсегда погибла от этих слов. Ведь это первый удар сердца без него.

— Повтори, — шепотом попросила я, чувствуя, как крупные капли слез падают на мои ладони. Он шумно вдохнул и спокойно повторил:

— Валентин мертв.

После долгого молчанья я смогла выдавить лишь три слова.

— Кто это был?

— Тот, кто похитил Катилину, — не задумываясь, ответил вампир.

Заглянув в глаза темноте, я протянула руку к мужчине и, прочертив ею линию от подбородка до центра груди, отрезала:

— Если ты солгал... — мой острый ноготь впился в кожу вампира, — я убью тебя.

— Наверное, ты хорошо разбираешься в том, о чем говоришь?

— Поверь, не хуже, чем в рекламном бизнесе, — укрываясь одеялом, я легла обратно в постель.

— Ты так и не ответила.

— У меня слишком мало сил... тебе нужно поговорить... о нем... с кем-то еще...

— О ком «о нем»?

Я повернулась, не в силах дышать, моя грудная клетка была сдавлена грузом осознания, что Валентин больше никогда не перешагнет порог моего дома, больше никогда не скажет «привет, тигренок», и никогда не обнимет. Часть моей жизни была вырвана и искромсана. Вампир действительно не знал, какая сила противостоит им. Увы, но я на себе чувствовала, что это за сила и уже которую ночь все крепче убеждаюсь, что...

— Это дхампир.

Глаза незнакомца расширились, и уже через секунду он исчез из комнаты, оставив в напоминание о себе лишь легкий аромат миндаля.

Женщина сидела у камина, чуть сгорбившись, и вязала. Человеческие женщины, не терпящие технических новшеств, очень любят сидеть у камина и вязать всякие никому не нужные вещи. Это был ее способ психотерапии. Однако странно наблюдать за вязанием существо столь могущественное и непоколебимое. Воздух мелко задрожал и она, на долю секунды насторожившись, вновь окунулась в свое дело, сурово проговорив:

— Я не приглашала тебя в свой дом.

— Некоторых не научили спрашивать «кто там».

— Всегда знала, что нужно менять правила, — она даже не одарила его взглядом. —

Где выход ты знаешь.

— Мне нужна помощь.

На этот раз женщина оторвалась от вязания и с интересом уставилась на мужчину. На его красивом лице плясали блики огня, делая образ мужчины демонически-пугающим. Однако она была не из робкого десятка и даже глазом бы не моргнула, предстань пред ней сам Сатана со своей свитой.

— Мальчик мой, ты учил историю? Ты хоть понимаешь, у кого сейчас просишь помощи? За твою храбрость, я сохраню тебе жизнь, но за твою глупость отзову приглашение в мой дом и...

Прежде, чем она успела закончить свои слова, которые воплотились бы в жизнь немедля и кубарем вышвырнули вампира из дома, он, собравшись с духом и задушив гордость, прервал ее:

— Это касается и вас.

Негодующий взгляд едва не превратил мужчину в камень. За окном сверкнула вспышка, и раздался резкий, оглушающий раскат, громким рыком разлившийся по окрестностям. Женщина была вне себя от подобной наглости.

— С каких это пор дела вампиров касаются меня? Кто ты вообще такой, чтобы заявлять подобное?

— С тех пор, — он немного осмелел, — с тех пор, как в них ввязалась ваша подопечная.

— Моя подопечная? — она насторожилась.

— Полагаю, вы понятия не имеете, где она сейчас находится.

— Полагаю, что вы имеете.

— В скором времени будем, — кивнул он. Женщина, вопреки правилам приличия, не предложила гостю присесть рядом, либо выпить стакан воды. Ее желание — его бы вообще здесь не было. Здесь — в широком смысле. На этом свете. Потому она спокойно вернулась к своему вязанию, совершенно не выглядя взволнованной. За окном раздался очередной раскат и по листе шумно заколотили крупные капли, — неужели вас это не волнует?

Ее глаза заблестели.

— Юноша, если бы я каждый раз волновалась, к своему возрасту заработала бы седые волосы.

— Всегда поражался вашей выдержке...

— Если ты пришел лизать мой зад, можешь разворачиваться на 180 прямо сейчас и валить в свое логово.

— Как я сказал, в скором времени, мы будем знать, где она...

— Тогда, уверена, вы сделаете все, чтобы спасти ее, — она добавила, наградив его таинственным взглядом, — вы же знаете, кем она является! Вы не можете ей навредить.

— Смерть может навредить каждому.

— Даже смерть относительна, — рывкнула она пренебрежительно, — ну вот, из-за тебя потеряла петлю.

Женщина стала внимательно пересчитывать петли в своем затейливом вязании и совсем не обращала внимания на вампира несколько минут. Затем, заметив, что нежеланный гость все еще оттирает порог ее дома, все же отложила свое занятие и, развернувшись к вампиру, расставила все по своим местам:

— Смотрю, ты, мальчик, либо слишком глупый, либо слишком смелый. Что ж, я здесь. И согласна ответить на любой твой вопрос. Запомни этот миг моей щедрости, больше он никогда не повторится для подобных тебе.

— Как нам победить дхампира? — поспешно спросил он, пока женщина не передумала.

В ответ последовала напряженная тишина. В ее глазах вновь заиграли блики. Убедившись, что вампир не пошутил, она во все горло рассмеялась. И смеялась так долго, что в комнату в ночном чепце и платье заглянула перепуганная и заспанная Бетти. Убедившись, что с ее Госпожой все в порядке, она посеменила прочь.

— Что здесь смешного? — растерялся он.

— Кажется, годы повредили мой слух. Мне послышалось, что вампир спросил, как он может победить дхампира.

— Вам не послышалось! — вампир был раздражен и все больше понимал, что просить помощи у этой женщины было плохой идеей.

— Что ж, я обещала ответить на один твой вопрос и отвечу. Никак. Проще с ним договориться, чем убить его.

— И чем можно его заинтересовать?

— Что может быть интересно существу, прожившему больше чем ты?

— Ничего...

— Вот именно, — улыбнулась она, вновь садясь за вязание.

Несколько минут стояла напряженная тишина. Вампир размышлял. Он не мог уйти, не узнав ничего у этой женщины. В конце концов, он перешагнул через свою гордость и не мог уйти униженным. Ведь она могла дать ему знания, поскольку в ее голове хранится история едва ли не с начала сотворения мира. И если кто и знает, что дхампиры существуют, так это она. И если кто и знает, как можно их убить — это опять же только она. Впрочем, вампир вспомнил об одном козыре.

— Что ж... возможно вы действительно не настолько владеете информацией как Эврила. Попробую обратиться к ней.

— Ха-ха, успехов, юноша.

Это не тот ответ, на который рассчитывал принц тьмы. Но за неимением желания претерпевать дальнейшие унижения, он развернулся. Однако когда он оказался в дверях,

женщина заговорила, не отрываясь от своего занятия:

— К нему не подобраться, он более ловкий и быстрый, чем любой из вас. Ему не внушить, с ним не связаться телепатически. Его не убить... обычным оружием.

— Значит нужно что-то особое?

— Не забывайся, вампир. Я согласилась ответить на один вопрос, и я на него ответила. А теперь — вон из моего дома!

Какая-то неведомая сила обвила вампира питоном. Мокрые, упругие и невидимые кольца обвились вокруг него и протащили через комнату женщины, через гостиную, прихожу, и вышвырнули на улицу. Скотившись кубарем по лестницам, вампир ловко вскочил на ноги и оцетинился, как мокрый пес.

Я очнулась на полу от холода и какого-то странного ощущения, которое словно разрывало изнутри. Корабль сильно качало, должно быть, бушевал шторм или просто ветер поднялся. Собравшись с силами, я привела себя в сидячее положение и глумливо посмотрела на кровать, до которой мне не хватило сил дойти каких-то три шага. За небольшим окошком виднелась... темнота. Звезд не было видно, должно быть, небо действительно затянули тучи. Наконец, когда все чувства пришли в норму, я услышала, что по борту корабля бьют капли, а наверху раздаются раскаты грома. Недолго же меняхватило на сон. С радостью обнаружив на небольшом прикочном столике чашку с гречневой кашей, сосисками, фруктами, каравай с солью и бутылку воды, я поблагодарила господ, поскольку чувство, которое раздирало меня изнутри в этот момент, оказалось голодом. Обожаю я этого демона и придурковатого гнома!

Насыщаясь, словно варвар, словно голодный пес, накинувшийся на кусок свежего парного мяса, я все больше приходила в себя и понимала, что разум постепенно проясняется, голова уже не раскалывается, как чугунная, мир не пляшет вокруг меня, а лишь немного пошатывается при резкой смене положений. Вот что значит неопределенное количество времени спокойного сна на комфортном полу.

Подчистив содержимое тарелок, я испытала вполне себе естественные позывы о которых, впрочем, как я могла судить, мои похитители подумать не удосужились. В каюте не то что уборной не было, но даже и ведра для облегчения души. Дверь действительно была заперта снаружи, и мне пришлось колотить в нее, что есть мочи, чтобы меня заметили или услышали.

Наконец, в конце коридора послышались чьи-то шумные шаги. Впрочем, как оказалось, шуму было больше, чем причины для шума. Ко мне, бурча под нос что-то несуразное и позвякивая связкой ключей, семенил гном.

— Чего тебе, ведьма? Ночь на дворе, ложись спать! И так к тебе здесь слишком добры, не советую борзеть!

— Я вам очень благодарна, — искренне заметила я. Они действительно обходятся с пленниками достаточно гуманно. — Но мне бы в туалет не помешало. Вы же, гномы, тоже в туалет ходите?

— Гномы? Ты бы еще Мефистофилю Белоснежкой назвала! — усмехнулся он, подбирая нужный ключ и издавая столько шума, что у меня сложилось ощущение, будто он это нарочно делает. Прошло около пяти минут, но гном так и не нашел подходящий ключ. При всем том, что в связке их было всего порядка двадцати. Просто он с трудом доставал до замочной скважины, а гордость не позволяла ему попросить чьей-либо помощи. Но помощь подоспела, думаю, на это и рассчитывало создание. Вручив сварливо, ключи Мефистофилю,

гном ушел восвояси.

Демон, казалось, выглядел более свежим и жизнерадостным, чем после того, как мы расстались. Не думаю, что несколько часов сна могут сотворить такое с... ха. Ну конечно. Интересно, а чем питаются демоны? Как бы интерес ни распирал меня изнутри, спросить я не отважилась. Зато на счет гнома было интересно узнать.

— Позвольте.... почему ваш друг обиделся, когда я назвала его гномом?

— Грюнвальд? — мужчина добродушно улыбнулся, — он свартальф. Вы не могли этого знать. Не стоит обращать внимания. Все они от природы вспыльчивые и обидчивые. Но быстро отходят. Уборная дальше по коридору и направо.

Он показал направление и остался стоять на месте, что меня немного удивило.

— Вы не пойдете со мной?

— Думаю, вы достаточно взрослая, чтобы делать это самостоятельно.

Кажется, мои щеки стали пунцовыми, а его взгляд плутоватым. Признаться, было приятно, что мне не загоняют раскаленные спицы под ногти, выпытывая неизвестную мне информацию, не пытаются отравить, или окунуть головой в кипяток, не зажимают мои пальцы в дверном проеме... стоп. Хватит. Что-то я расфантазировалась. Разумеется, мне было приятно, что меня не трогают, но почему со мной обходятся столь добродушно? Я задала этот вопрос мужчине. Улыбнувшись, он ответил лишь:

— Вы заложница ситуации. В некотором роде, я был однажды на вашем месте.

Поняв, что фраза не предполагает продолжения, я отправилась по делам, а когда вернулась, Мефистофиля не было у моей двери. Разрываясь между желанием запереть себя обратно и прогуляться, я все же решила, что меня отпустили. Безумно захотелось выйти на свежий воздух, поскольку внизу было душно и меня начинало подташнивать. Все-таки я, как ни крути, человек всего лишь, несмотря на странноватую девицу, что сидит во мне. Ничего путного, кроме телекинеза и внезапно сваливающихся видений она не приносит. Да и то, можно ли назвать путными парочку навыков, с которыми я самостоятельно не умею справляться.

Заметив в коридоре на полу связку ключей, которую, должно быть, обронил мой похититель, я решила подобрать ее, вернуть владельцу и попросить-таки себя запереть. Как это волнующе звучит, — усмехнулась я про себя.

Когда связка оказалась у меня в руках, я оказалась на полу. Боль прострелила виски, дыхание сперло, а перед глазами всплыли образы. Крови, криков, боли... смерти. Черноту небес прорезали горящие стрелы. Они огненным дождем опустились на корабль и за несколько минут превратили его в пылающий, пожирающий костер. Все горело. Несколько стрел полетели в Мефистофиля и проткнули его насквозь, затем еще несколько, пока его тело не было усыпано стрелами, словно игольная подушка. Не в силах устоять, он упал на палубу.

Придя в себя, я закашлялась от ворвавшегося в легкие воздуха. Что я должна сейчас сделать? Спасти моего похитителя? Или помочь им утопить его, вместе с кораблем? Господи!!! Времени не так много! Зачем же мне посылаются эти видения? Чтобы два раза наслаждаться процессом или чтобы предотвратить его? Пометавшись несколько секунд, и прогнав из головы сотни мыслей, которые носились там, как молекулы в горячей среде, я твердо решила, что раз я вижу что-то, что меня не радует, то вижу с тем, чтобы изменить будущее.

Выход на палубу я нашла с трудом. Больше по шуму и запаху гари. Видимо огненный

дождь уже засыпал корабль. Только бы еще не было слишком поздно!

Ворвавшись на палубу, я застыла в ужасе. Команда, которая до этого скрывалась от моих глаз, танцевала со смертью, которая блестела клинками, слизью, клыками, когтями, хвостами и прочим смертоносным оружием. Крики, боль, кровь, части тел, оружие — во все стороны летели ошметки боя, как и было в ведении. Взяв себя в руки и уклоняясь от случайных выпадов, я рыскала в поисках демона. Его белых одежд не было среди темной толпы, слившейся в кровавое месиво.

Наконец, я заметила, как в нескольких шагах от меня поспешно открылась дверь.

— Мефистофиль, ложись!!!

Поняв, что он может не услышать мой крик, я рванула навстречу, чтобы свалить его на палубу и все объяснить. Казалось, эти две секунды замедлились и слились в целую вечность. Словно в замедленной съемке слева просвистел клинок, демон медленно поворачивал ко мне голову. Его белоснежные одежды развевал в стороны ветер, а пляска огня вокруг делала его впечатляюще всемогущим. Схватив мужчину за руки, я вздрогнула. Мою спину словно облило кипятком. Меня выгнуло дугой, а из горла вырвался булькающий хрип с брызгами крови, которые оросили пшеничные пряди похитителя. Нет, я совсем не на это надеялась... пытаясь поймать ртом воздух, я издавала лишь булькающие звуки. Опустив голову вниз, я заметила 4 острых железных жала, торчащих из груди на тонких деревянных палочках. Кажется, это конец. Все вновь замедлилось. Слух стал покидать, а в голове гулко пульсировать кровь. Звук, похожий на стон рожка, в который трубят на охоте или в лесу, прорезал тишину. Из глаз прыснули слезы. Я не хотела умирать. Только не сейчас, только не здесь. Я больше не ищу смерти, мне хочется жить. Наши глаза встретились. Демон подхватил меня, иначе бы мое тело безжизненно развалилось на полу, и было затоптано сцепившимися существами.

Мы оба беспомощно смотрели друг на друга. В этот момент, глядя в глаза смерти, мы оба были беспомощны. И опыт его лет не мог помочь сейчас. Перед ликом старухи с косою все равны.

— Кати, что же ты натворила! Они не в силах убить меня, глупая ты девчонка!

— Я... хотела... пред... пре... дуть, — из груди не вырывался голос, лишь хлюпанье и kloкотание крови, от которой я начинала захлебываться. В глазах темнело, и я уже не понимала, что происходит, слышала лишь, что он шепнул мне:

— Это единственное, что может тебя спасти...

А дальше были объятия. Смерти? Нет. Не думаю. У смерти не такие холодные, мягкие и сырые объятия, как у этой стихии. Она обволокла меня. Здесь было тихо, мутно, спокойно. Казалось, это какое-то заколдованное место, в котором мгновенье жизни замерло. Я смогла открыть глаза и, не шевеля головой, разглядеть, что было вокруг. Абсолютно точно, мое тело находилось в воде. В глубине. Вокруг меня мутноватое голубо-серое пространство, переливающееся самыми разными бликами и оттенками. Наверху пылал огонь, в воду что-то падало и стремительно проносилось мимо меня вниз, ко дну, но, как ни странно, меня на дно не тянуло. Казалось, сама вода пыталась меня спасти. Она обволокла воздушным коконом, но позволяла моим пальцам ощутить, как вокруг них струится вода. Я была словно морским обитателем, словно научилась дышать под водой, видеть, слышать саму воду.

— Ева.... Ева... ева....

— Ееееееевааааа.... Ты дома....

С разных сторон слышалось ее имя. Если сейчас оно способно спасти меня — я

согласна. Она меня в это втянула. Пускай она и достает!

— Сломай их...

— Ты должна сломать...

— Ломай, ты сможешь...

Вновь донесся тихий, нежный шепот, не то женский, не то мужской. С разных сторон стали доноситься разные: детские, взрослые, звонкие, зовущие, плачущие, добрые, ласковые. Их было много и все они со мной говорили.

Я не чувствовала боли, я могла дышать, могла двигаться. словно это другая вселенная. словно сама Мелсуотен помогает мне. послушавшись, я постаралась отломить железные головки, торчащие из моей груди на тонких деревянных прутиках. Это удалось без труда. Как только железные наконечники, с которых по воде рассасывалась моя кровь, тяжело опустились на дно, я почувствовала движение в груди. Вода доставала из меня стрелы. То, что сейчас происходило, никак не укладывалось в моем сознании, но я не хотела сейчас об этом думать, боясь спугнуть то ли наваждение, то ли фантазию, то ли сон, то ли бред, то ли явь.

Кровь, словно дым из трубы в морозную ночь, стала сочиться и рассеиваться вокруг меня. Все сильнее ощущалась слабость. Конечности стали неметь, на уши давить тяжесть, в глазах помутнело. В одно мгновение водные массы накинудись на меня удавом, и я захлебнулась.

— Зараза! Кто-то попал в Катилину!!!

— Что? — воскликнул вампир, впиваясь взглядом в толпу, сцепившуюся на корабле в борьбу за жизнь.

— Дхампир скинул ее в воду!

Не раздумывая, черноволосый мужчина скинул с себя куртку и побежал к воде, на которой плясала холодная луна. Ледяная Мелсуотен не одобрила появления в своих водах дитя тьмы, но Александр был настойчив и решителен и нырнул в пучину.

— Марк, теперь наш выход. Она при тебе?

Вампир, не изменившись в лице, показал сеть, сотканную из тонкой веревки. На такую можно ловить лишь очень небольшую рыбу.

— Тогда вперед.

Белокурый мужчина и рыжеволосая старейшина взмыли в воздух и пронеслись над водой как две падающих звезды. Так же стремительно и неожиданно они обрушились на корабль и на Мефистофиля. Когда мужчина был окружен со всех сторон, схватка прекратилась. Все замерли в нерешительности и настороженной внимательности. Каждый мускул и каждое чувство всех присутствующих были обострены до предела. Воздух стал сгущаться.

Прижимаясь спиной к стене, чтобы нападение сзади не застало его врасплох, Мефистофиль оскалился:

— Неужели вы думаете, что вам удастся меня победить, Элизабет? Один вампир, хоть и старейшина... Признаться, я оскорблен.

— Я не одна, — ехидно дернув бровью, ухмыльнулась Элизабет.

В этот момент, сверху на существо упала сеть, а рядом с ним приземлился Марк. Мефистофиль поначалу хотел усмехнуться и разорвать ее в клочья, но неожиданно она стала обжигать его плоть. Не просто обжигать, а разъедать ее, как серная кислота разъедает кожу

человека, а по кораблю стал распространяться запах паленого.

Сквозь толпу, с воинственным криком пробирался свартальф. Занеся топорик, совершенно неожиданно для всех он разрубил сеть и оскалился на старейшину.

— Ручной песик, — взревел Марк, хватая гнома и поднимая над головой. Он хотел разорвать существо пополам, но его остановили.

— Стойте! — Мефистофиль еле мог говорить, — я пойду с вами, но отпустите свартальфа.

— Так-то лучше, дхампир!

Они на меня пялились. Нет, совершенно определенно они сидели и пялились на меня, как на статую свободы или Биг Бен, или на худой конец, на Эйфелеву башню. Прекратив пялиться, они стали переговариваться:

— Четыре...

— Да, четыре....

— И прямо в грудь....

— Ага. Туда.

— И ни одного шрама.

— Ни одного.

Тишина...

— Это ты ее... ну... того?

— Нет, не я...

— Что он ее того?

— Ээ... Он мед брат!

— Аа... В жопе я видел этих медиков. Они тут явно ни при чем. Эта женщина всегда была живучей сучкой.

Они снова пялились. Их взгляд был словно горячим лучом прожектора, и я едва ли не начала дымиться от поднявшейся температуры. И не понимала, почему кто-то мог назвать меня женщиной или сучкой. Насколько знаю, я всегда была образованной и уважаемой леди.

К удивлению, почувствовалось что-то еще. Это был не взгляд, не голос.... точнее, голос, но как будто во мне. Это как будто мой внутренний голос... хм, может это голос разума? Да нет, с чего бы ему тревожить меня в такой момент. Я же не собираюсь делать глупостей. Или собираюсь?

— Ты, глупая тварь, думаешь, тебе удастся долго так продержаться?

Хм, создавалось впечатление, что мой внутренний голос отчего-то меня недолгоблывает. Может я его успела обидеть?

«Я собираюсь продержаться так всю жизнь! Ээ... глупая вы... тварь! Вот как-то так».

Попытавшись припомнить обстоятельства, которые могли привести меня в подобное положение, я заработала головную боль. Ничего конкретного с того последнего вечера, когда леди Кэтрин на меня разозлилась, я не помнила. Только какое-то странное место, где я не могла ни говорить, ни шевелиться, ни реветь. Почувствовав, что взгляд присутствующих стал меня напрягать, я резко открыла глаза. Трое глазевших на меня подскочили от неожиданности и отпрянули. Девушка, восточной внешности с красивыми карими глазами и шикарными длинными черными волосами, даже схватила за сердце. А черноволосый мужчина и афроамериканец, который, кстати, возможно и назвал меня сучкой, подскочили и замерли, глядя на меня.

— Что уставились, призрака увидели?

— Катилина, ты в порядке? — как-то неуверенно и озадаченно протянула девушка, не переставая пялиться.

Оглянувшись, в поисках кого-либо еще, я никого не заметила.

— В полном, — я раскрыла одеяло и резко встала, чтобы пройти в уборную. Послышались тактичные покашливания и одно замечание:

— Женщина, да ради такой задницы, я готов снова сменить ориентацию!

Просверлив гневным взглядом афроамериканца, я заметила краем глаза зеркало и увидела, что стою совершенно обнаженная. Стоп! Кто это смотрит на меня из зеркала???

Не обращая внимания на замечания и покашливания присутствующих, я как замороженная шла к зеркалу, не в силах оторвать взгляд от больших медово-карих глаз. Я гладила свои розовые щеки и рыжие кудри, не в силах поверить, что все это настоящее и живое, что все это принадлежит мне. Наконец, все встало на свои места, и я поняла, что это за голос сидел внутри меня!

— Катилина! — послышался настойчивый зов леди Кэтрин.

— Мама!!! — я, не веря своему счастью, кинулась в объятия женщины, которая, вопреки моим ожиданиям, встретила меня холодом и отстраненностью.

— Немедленно оденься.

Оглядев комнату в поисках одежды, я заметила, что женщина восточной внешности протягивает мне халат. Впрочем, по величине он больше был похож на тяжелые бардовые шторы лохматых веков.

— Теперь обнимемся? — улыбнулась я.

— Теперь немедленно за мной. А вы оставайтесь здесь. У меня к вам будет разговор.

Она отчеканила это таким тоном, будто бы я нашкодившая школьница, а она директриса школы. И те трое, что пялились на меня, как минимум мои подельники в тяжком преступлении. Тем не менее, я поспешно поплелась за моей любимой леди Кэтрин чуть ли не вприпрыжку, норовя в каждый удобный момент повиснуть на ее шее, отчего она лишь больше замыкалась и нервничала.

Проходя мимо статуи в холле, я будто бы была уколота иглой в низ живота. Я резко остановилась и повернула голову влево. Передо мной стояло мраморное изваяние прекрасной работы. Безумно красивая девушка, с выражением ужаса и отчаяния на лице, выкинувшая вперед руки, словно отчего-то закрывающаяся, но этот жест, видимо, ей не помог. Меня не покидало ощущение, что эта статуя не просто бездушный камень, что там, внутри, когда-то билось чье-то сердце. Словно эта статуя живой человек.

— Что, узнаешь? — спросила леди Кэтрин со смешанными чувствами. В ее голосе сквозило раскаяние вместе с нравоучительными нотами. Теплота с холодной надменностью.

Мои глаза расширились, а рот непроизвольно раскрылся, чтобы глотнуть воздуха. Ужас словно разорвал меня изнутри, и я вспомнила окончательно все.

— О, Господи, так это... это... — слезы не давали мне говорить. Я больше не хотела кинуться на шею леди Кэтрин, а темнота и немного зловещая атмосфера дома больше не стала для меня загадочной, а снова обыкновенно ужасной и душераздирающей.

— Именно. За мной.

Сама не своя, теперь действительно как призрак, я робко, как можно тише, ступала по темному глянцевому паркету вслед за леди Кэтрин, прекрасно зная, что она хочет мне сказать.

Мы долго беседовали. Я многое узнала, многое поняла, многое не желала понимать и принимать. Тем не менее, теперь мне придется с этим жить. Правда, как... Голос сидевший внутри меня замолк, но он был силен и полон решимости свести меня с ума. Почему все так произошло?

Мы поднялись обратно в мою комнату. Я была бледна как сама смерть, отчего присутствующие привстали и замерли в ожидании чего-то нехорошего. Во всяком разе, на лице девушки с восточной внешностью было написано предвкушение больших проблем.

— Дорогие мои. Катилина... потеряла память, — сухо объявила леди Кэтрин. — Поэтому не удивляйтесь, если она не сможет чего-то вспомнить, рассказать, понять или сделать. Впрочем, вы ее друзья, думаю, вы сможете окружить подругу вниманием. А ты, — она посмотрела пристально на вампира, — кажется, я тебе уже говорила. Ты не должен быть в моем доме.

— Должен! — поспешно заявила я, возвращая свою гордость и самообладание.

Леди Кэтрин одарила меня негодующим взглядом.

— Ма... Леди Кэтрин, он должен! — я негодовала, хотя и понятия не имела, почему он должен здесь оставаться. Точнее, мне приказал сказать это голос внутри меня, а не я. Я вообще впервые видела этого мужчину, с чего мне хотеть, чтобы он остался? Мое желание — остаться одной, нарядиться в лучшие наряды и бежать по лужам под проливным дождем и лунным светом, наслаждаясь жизнью! Ее концентратом, дышать самой жизнью, и петь от счастья. Мне пришлось столько ждать, чтобы вновь понять, насколько прекрасно — быть живой! Двигаться! Все эти годы я была столько лишена... Мне придется многим воздать по заслугам и столько всего наверстать!

Леди Кэтрин горько вздохнула и, перед тем как выйти, попросила не забывать о нашем разговоре.

Как ни прискорбно, но он сразу же вылетел из моей головы и, окинув обреченным взглядом троих присутствующих, я распахнула шкаф с одеждой.

— Ну как? Сарафан или платье? А может джинсы с кофтой? Нет? Да, мне тоже больше нравится эта юбка и топ.

Я переодевалась под обомлевшие взгляды людей, сидящих в комнате и, когда на мне красовался наряд, убрала волосы наверх, украсив уши жемчугом.

— Неплохо? — никакой реакции. — Мда. Ладно, начнем с тебя. Ты кто такая?

— Лина.

— Выглядишь, откровенно говоря, хреново и имя у тебя дурацкое — Лина, ведро гуталина.

«Не смей так с ней разговаривать!»

— Ой, иначе что, ты начнешь меня грызть? — я рассмеялась, злясь и кипя от гнева. Эта ситуация, эта свалившаяся на меня правда ставила передо мной дилемму. С одной стороны мне хотелось радоваться и наслаждаться открывшейся мне возможностью. С другой стороны — безумное желание отомстить накрывало с головой, и я едва сдерживала свои порывы.

«Иначе я сведу тебя с ума! Это мне еще под силу».

— А мне под силу заставить тебя замолчать навеки! Как тебе такой расклад!

«Дрянь!»

Заметив, что присутствующие молчаливо смерили меня подозрительными взглядами, я рассмеялась.

— Совесть покоя не дает. Она, знаете ли, такая болтливая. Так. Мне нужен ребенок!

— Какой еще, отсохни мои яйца, ребенок? — нашелся афроамериканец.

— Живой конечно! Маленький, розовенький, орущий. С мелкими ручками и ножками!

Кстати, ты... как твое имя?

— Нефрит.

— Пойдешь со мной! — я принялась к парню, и, поняв, что обозналась, передумала, — фу. Стой. Нет. Не пойдешь. От тебя лисой воняет за версту. А ты, упырь, что на меня уставился? Что-то не устраивает?

— Катилина...

— Не нравится мне это дурацкое имя, Катилина. Хочу быть... Каллисто! Зовите меня Каллисто.

— Катилина, ты в своем уме? Может быть, тебе стоит полежать немного? Прийти в себя? У тебя было сотрясение. Возможно, это осложнение.

— Милая, ты в зеркало давно смотрелась? И все еще думаешь, что полежать стоит мне?

— Кати, нам...

— Каллисто! — прогремела я, скрестив руки на груди, — неужели так сложно запомнить? Ка-лли-сто!!!

— Каллисто, хорошо... неужели ты не помнишь меня? — вампир постарался подключиться к моему подсознанию. Это было опасно, поскольку голос, сидевший внутри, мог выскочить в любой момент и сообщить ему что-нибудь. То, чего я опасалась, произошло.

«Александр, помоги мне!»

— Кати???

— Ой, да брось! Неужели вампира так просто обвести вокруг пальца? Маленький наивный мальчик, — я надула губки и послала издевательский воздушный поцелуй.

— Кати, вспомни меня. Наше знакомство.

Я так и осела на кровать, как зачарованная, глядя в глаза вампиру.

— В галерее...

— Да, в галерее!

— Наш поцелуй, наше бегство, все, что мы пережили вместе. Вспомни.... ты можешь пересилить любого, кто бы ни сидел в тебе.

— Да, я вспоминаю...

— У тебя получится.

Не в силах больше сдерживаться, я расхохоталась от души.

— Вы мне надоели. Кретины. Пока!

Я хлопнула дверью и направилась в мое тайное место.

Лина, Нефрит и Александр сидели, без малейшего понятия, что произошло, и кем была та взбалмошная девица, выглядывшая один в один как Катилина Астрид Мередит.

— Вот сучка! — заметил Нефрит.

— Знаешь, впервые я с тобой в этом согласна, — обиженно протянула Лина.

— Бросьте, это была не она и вам прекрасно это известно. Что-то удерживает ее. Я слышал голос Кати. Он глубоко внутри и зывал о помощи.

— Так что нам делать? Я могу прикончить вампира, но по части голосов я не спец, — Лина, извиняясь, развела руками, глядя на Александра.

— Нет, чувак, я лишь по части обратной, — заметив взгляд мертвеца, Нефрит обессилено развел руками.

— Незадача. В таком случае, думаю... все присутствующие в курсе кто такая леди Кэтрин?

Они настороженно и недоверчиво переглянулись и, заметив, что никакого недопонимания по этому вопросу нет и все уверены, что знают сущность женщины, троица вышла и натолкнулась на ту, кто им была нужна.

— Полагаю, вы меня ищите, господа?

— Думаю, настало время раскрыть все карты, — заметила Лина, вскинув подбородок.

— Идемте за мной в библиотеку. Да, отродье тьмы, ты тоже можешь проследовать. Поскольку я вижу, что твои намерения чисты. Но если хоть на секунду твои помыслы изменятся, ты сгоришь заживо.

Я оторвала железный ржавый замок и, притоптав траву, отворила железную дверь, уже успевшую покрыться ржавчиной за годы своего недолгого существования. Погода в Мелфриде всегда была влажной. А некоторые металлы слишком быстро окисляются и ржавеют.

Включив свет, я улыбнулась во весь рот и, вскинув руки кверху, принялась кружиться, как девятилетняя девочка на празднике.

— Мои дорогие, настал ваш звездный час!

В комнате сидело 13 мужчин, привязанных к стульям веревками. Рты их были закрыты кляпом, а руки связаны за спиной. Выглядели они изможденными, усталыми и голодными. Я читала их очень отчетливо, и все они выказывали свое недовольство моим поведением. Насупив носик, я извинилась:

— Знаю, знаю, я повела себя не очень хорошо. Было некрасиво отрывать вас от теплого и уютного домашнего очага и приводить сюда, связывать, морить голодом, бла бла бла... Ой, ты что-то хочешь сказать, Деври? Ох... то, что я бессердечная тварь — это не новость. Кто-то еще желает высказаться? Отлично! Кстати, Деври, ты мне никогда не нравился, прости!

Я подошла к лохматому мужчине и, расстегнув пуговицы на рубашке, оголила его грудь.

— Отцом моего ребенка не может стать тот, кому я не нравлюсь. Ты не согласен?

Прочитав еще менее лицеприятные вещи о себе, я не на шутку разозлилась и, не задумываясь, впила своей рукой ему прямо в сердце. Сжимая пульсирующий и струящийся жизненными соками орган, я отчитывала оборотня:

— Ты был плохим мальчиком. Обижал свою младшую сестренку, курил травку, не помогал маме по хозяйству и называл благовоспитанных леди, таких как я, бессердечной тварью. Это некрасиво!

Деври обмяк на стуле и, пнув тело ногой, я уронила его. Теперь оставалось 12 претендентов. Слизнув с ладони кровь, я смаковала вкус. Конечно, она была абсолютно не такой, как кровь вампиров, которых я пробовала. Кровь Марка обладала силой, кровь Элизабет еще большей силой, но в них не было жизни. А здесь, такая сладкая, но Деври был с гнильцой, и это чувствовалось. Присутствующие роптали. Их мысли были такими жалкими, что мне хотелось вырвать сердце каждому присутствующему и набрать для ритуала новых новобранцев, но это требовало слишком много времени, поэтому приходилось довольствоваться тем, что имелось.

— Так, кто из вас еще плохо обо мне думает? Может быть ты? Мистер... не помню, как тебя зовут. Ну и к черту. О! Кайл. Может быть, ты? Хм, — я встрепенулась. В мыслях Кайла не было страха или ропота. Он не пресмыкался, не молил о пощаде, не унижал меня. Он

молчал, — пожалуй, ты будешь моим любимчиком. Я буду болеть за тебя, — развязывая веревки первому оборотню, объявила я.

Я развязала четырех и пресекла все попытки к побегу.

— Посмотрим, кто из вас готов побороться за жизнь. Я объявляю бои. Тот, кто выживет — сохранит свою никчемную шкуру. А правила... правил нет!

Я развязала всех и, присев на невысокий столик, с улыбкой принялась наблюдать за зрелищем. Мужчины толпились и не решались начать поединок. Мда. Становилось скучновато. Чтобы мотивировать компанию, я взглядом подняла металлический прут и пронзила им первого попавшегося сверха. Им оказался невысокий неказистый брюнет с бородкой. Хм, фортуна ко мне благосклонна сегодня.

— Ну что, будем драться, или мне прикончить всех до единого?

Наконец, мужчины смекнули, каков расклад дела и яростно кинулись друг на друга. Я упивалась зрелищем. Оборотни дрались неистово, демоны еще яростней. Первые использовали мощь своей второй половины, вторые магию. Мне даже пару раз пришлось уклоняться от энергетических шаров и огня, но это только забавляло. Даже если бы они объединились против меня, у них бы ничего не вышло. К счастью, мои избранники не столь глупы.

Первые три претендента вышли. Четверо, пятеро. Их становилось все меньше. Я же следила за судьбой своего любимчика — Кайла. Он, весь испачканный кровью, сражался как лев, казалось, он был рожден для схватки. Как пантера, ловко и грациозно, он уклонялся от ударов, как кобра — быстро и смертоносно атаковал своих противников, как лисица хитро и мудро он выбирал тактику боя. Мне всегда хотелось быть мулаткой, а с внешностью Катилины и Кайла я получусь просто красавицей. Я восседала на столике, как на троне и хлопала в ладоши, как маленькая избалованная девочка. Как же это восхитительно — позволять себе подобное!

«Надеюсь, ты собой довольна?»

— О, даже очень, очень довольна! Ты только глянь, какая прелесть. Только через смерть миру могу явиться я! А если ты умирать не желаешь, мне приходится искать выходы. Так что можешь повесить их смерти на свою совесть!

«Когда-нибудь я расквитаюсь с тобой!»

— Милочка, ты уже сама чувствуешь, как слабеешь. Твой голос все реже и все меньше на меня влияет. Так что не трать понапрасну слов, не брызгай ядом, а наслаждайся процессом.

Кайл, тяжело посапывая и вытирая с лица кровь, уставился воинствующим и жаждущим взглядом на меня. Да, этот мужчина был достойным во всех отношениях.

— Ну же, чего ты ждешь? Стань тем, кто подарит мне жизнь!

Я закусила нижнюю губу и медленно поднимала юбку, оголяя колени. Он не сбежит, и не откажется. Он слишком возбужден схваткой, и настолько опьянен победой, что заберет свой приз без раздумий. Я раздвинула ноги.

Как я и предсказывала, мужчина подошел и обхватил мою спину своими горячими окровавленными руками. Он без разбора целовал мою шею, мое лицо, мою грудь, словно зверь, рыча, срывал с меня одежду и мы в порыве страсти распластались на столе. Я радостно смеялась, чувствуя, что совсем скоро во мне зародится жизнь и выгнулась дугой, впиваясь когтями в оголенное тело мужчины, сильными толчками входившего в меня.

В момент нашего воссоединения в двери вошел мальчик, видимо, услышавший шум и

пришедший посмотреть, что здесь творится.

Я смотрела на юнца, опьяневшим затуманенным взглядом, точно таким же, как он смотрел на нас — занимающихся грязным, безудержным сексом в лужах крови и ошметках мертвых тел. Я лишь одними губами прошептала ему: Беги!

Кайл издал звук, похожий на рев животного, и его мужское начало слилось с моим женским. В эту минуту я почувствовала, что моя цель достигнута. Каких-то несколько недель и я смогу наверстать годы, проведенные мною в заточении, тогда Мелфрид узнает мой гнев и в первую очередь его познает Леди Кэтрин!

— Ну? Что ты смотришь на меня? Я держу свое слово. Можешь идти, — одернув юбку и нашарив на полу топ, снизошла я до ответа на страждущий взгляд демона. Не произнеся ни слова, он вышел.

Какой странный этот Кайл. Хорошо, что мне не передастся его странность. Мое новое тело будет идеальным сосудом для меня. Просто безукоризненным.

— И вы ее убили за это? — ужаснулась Лина.

— Не убила, превратила в камень, — развела руками Леди Кэтрин. — Я не могла это контролировать в тот момент.

— Прожив столько, вы не удосужились научиться держать свои способности в узде? — опешил Александр.

— Не забывайся! Я вышла из себя, из-за того, что моя дочь связалась с тебе подобными. Любая ее связь с вампирами была способна убить девочку! Какая мать допустила бы подобное? Естественно, я запретила ей развивать эти отношения, но она была чересчур упряма.

— Разве вы не могли сами ее расколдовать? Ведь вы же сотворили это с ней.

— Мои способности не безграничны. Они оканчиваются там, где начинается сфера действия способностей Эврилы. Но она никогда не простит меня. Ее помощь заключилась в еще большем проклятье для моей дочери и вот теперь, желая загладить вину и взрастить Катилину как родную, я загубила еще одну жизнь. Я искренне надеялась, что у меня получится. Но даже столь древнее и опытное существо как я оказалось бессильно помешать тому, что случилось.

— Где она сейчас?

— Наверняка проводит ритуал, где-нибудь в заброшенном месте, поодаль от посторонних глаз. Знаю лишь одно — наутро найдут много трупов.

— Так мы должны ее остановить! — Александр вскочил на ноги, не находя больше сил сидеть на изысканном диванчике и бездействовать.

— Мальчик мой, она разорвет тебя, и глазом не моргнув. Как ты собрался победить богиню, не причинив вреда Катилине?

Он, замявшись, сел обратно. Но тут же вскочил вновь:

— Возможно, следует обратиться к Элизабет...

Горгона смерила его саркастическим взглядом и вновь обратилась к присутствующим.

— Катилина еще жива. Но не знаю почему. И не знаю, как долго это будет продолжаться. Наверное, ее отец был не человеком. И с проклятьем что-то пошло не так.

— Погодите. Все это время она была обычной, без признаков этой самой... богини, ведь так? — думал Нефрит.

— Не совсем.

Миссис Мередит неодобрительно взглянула на вампира и предложила ему продолжить.

— На съезде, проходившем в моем поместье, с ней случилось что-то странное. Мы поняли, что она была жрицей. Пару недель, возможно около месяца. Ее глаза закатились, и она встала и пошла куда-то, как одержимая, мы не могли ее остановить, пока... пока не применили силу.

— То есть, выходит, время от времени она уже была под властью Евы, — задумалась леди Кэтрин. — Что случилось дальше?

— Дальше я не замечал ничего странного, она была сама собой. Видения, телепатия...

— Видения, телепатия? И ты говоришь, что ничего странного? Телекинез был?

— Я этого не видел.

— Очень странно... обычно, на этом этапе они уже были беременны.

— Кто были беременны? — спросил Нефрит.

— Бывшие носительницы бремени Евы. К примеру, мать Катилины.

Все на несколько секунд замолчали. Первой осмелилась заговорить Лина.

— То есть вы взяли Катилину из приюта, зная, что ей суждена такая участь? Зачем? Это же так жестоко с вашей стороны!

— Жестоко с моей стороны было оставить ее совершенно одну с этой проблемой. Говорю же, я искренне полагала, что мне удастся уберечь ее от этого! Вернемся к ней. Что случилось дальше?

— Дальше ее похитил дхампир, и мы атаковали корабль, на котором ее держали. Не знаю по какой причине, но она прикрыла собой тело своего похитителя. И, кажется, затем Мефистофиль скинул ее в воду.

— Постой, Мефистофиль? Так ты спрашивал, как убить этого дхампира?

— Да...

— В таком случае, возможно дело в ее рождении.

Женщина встала и принялась искать в библиотеке какую-то книгу. Она повернулась лицом к многочисленным стеллажам, до самого потолка и, закрыв глаза, настроилась. С огромной скоростью из разных мест стали выдвигаться и задвигаться обратно книги, шелестеть страницы, перелистываться журналы. Наконец, найдя нужную книгу, она положила ее на стол перед тремя существами и раскрыла.

Это был старинный гремуар 1655 года, составленный ее «предками», на деле же знакомыми магами и колдунами. В нем были собраны все мифы и предания Мелфрида, описания всех существ, которые здесь водились, всех рождений и смертей, связанных со сверхъестественными событиями.

Пролистывая гремуар, они пребывали в состоянии сосредоточенности и настороженности. Вампир постоянно бил тревогу, ощущая присутствие демонов или оборотней, но Нефрит заверял, что это всего лишь кицунэ, а леди Кэтрин уверяла, что в дом им не зайти ни при каких обстоятельствах и уловках, даже если кто-нибудь услужливо откроет перед ними двери.

— Да, на этот раз я заколдовала и слуг, — улыбнулась женщина Александру, — на ошибках учатся. Так... вот!

Они еще больше нависли над книгой, едва не сшибаясь макушками, и пытались разобрать старинный почерк. Каракули были написаны чернилами и с большим количеством завитушек, так что прочитать это было довольно сложно, хотя, судя по бумаге, надпись сделана не так давно. Во всяком разе, не несколько веков тому назад. Наконец, леди Кэтрин

поднесла к книге свечу и принялась читать вслух:

— 7 января 1987 года на свет явился младенец. Он явился в Мелфридской церкви святого спасителя Иоанна и был принят матерью Эврилой, — леди Кэтрин тяжело опустила веки, но затем продолжила читать, — новорожденный разорвал лоно матери и с детства отличался предрасположенностью к смешению граней жизни и смерти. Мать девочки, жрица в третьем поколении, понесла от дхампира, поэтому, следует особенно пристально следить за развитием судьбы девочки. Велика предрасположенность к срыву заклęcia. Может обернуться непредсказуемыми последствиями.

— Отлично. И что можно считать непредсказуемыми последствиями?

— Вселенское зло, — злобно захлопывая книгу, изрыгнула леди Кэтрин.

— Но Ева — это же означает жизнь! — Лина блеснула своими этимологическими познаниями, — она по определению не может нести зло...

— Эврила постаралась... тогда, в момент рождения, она была рядом с Катилиной и неизвестно что сотворила с ней, неизвестно, какой ритуал провела. А несколько лет назад мне пришлось выставить ее и прогнать из Мелфрида за то, что она превратила дом в святилище богини Коатликуэ^[2]... полагаю, это было продолжением. Или окончанием заклинания. И именно она помешала всем моим попыткам уберечь Катилину от этого зла и от ошибок моего прошлого...

— И я думала, что это у меня в семье проблемы... — протянула Лина, накрывая голову руками, — так что нам делать? Есть какой-то шанс исцелить Катилину? Она же как-то исцелилась, когда упала в воду. Ведь Александр достал ее уже здоровой.

— Это была я. Но я лишь исцелила ее тело. Не думаю, что каким-то образом могла вызвать к жизни... постойте...

— Что?

Она горько закрыла глаза. Ей очень не хотелось верить в то, что она только что поняла, и меньше всего хотелось осознавать, что вновь она виною случившемуся и очередного шанса исправить свою ошибку может уже никогда не представиться.

— Катилина мертва...

— То есть как мертва?

— *Ну надо же, смекнули!!! Я тут битый час кружусь кругами в своей эктоплазменной оболочке, стараясь привлечь внимание к себе, а они предаются меланхолическим воспоминаниям. Ну хоть спасибо, что разъяснили, кому я могу быть благодарна за всю полтергейщину в моей жизни. Низкий вам поклон, тетюшка.*

— Она умерла. А поскольку тело было здорово и вполне пригодно для богини, и поскольку отцом являлся самый сильный из сверхов — дхампир... возможно это и нарушило заклęcie. И моя дочь может появиться уже в четвертом поколении.

— То есть ей достаточно родить саму себя?

— *Нефрит, не тупи! Это моему, моему телу предстоит родить ее! Пока я не увижу пресловутую белую дверь, в которую мне надо войти, я буду пытаться вернуться в мое тело и в ваших силах мне в этом помочь!*

Все уставились на мужчину. Поняв, что сказанное было лишним, он лишь развел руками.

— Нам нужен ее отец. Только он способен вернуть Катилину обратно в тело.

— *Шикарно, ага. Может, позовем Марию Магдалену заодно? А перед этим Пушкина воскресим, и мы втроем поржем над тем, как вы будете искать папашу сироты!*

— А как мы найдем ее отца? Насколько понимаю, на этом свете много дхампиров?

— Но в Мелфриде их было не так много. Все сверхи, которые прибывают на мою территорию, регистрируются в этом гремуаре. Достаточно лишь поднять данные за 1987 год, и мы сможем вычислить ее отца.

— А что, если это не поможет? — усомнился Александр, за что удостоился от меня книгой по голове.

Все внимание приковалось к книге, которую я держала в руках. И что такого? Да, я держу книгу, какие-то проблемы? Для надежности я еще раз огрела вампира, чтобы он, наконец, пришел в себя, и уперла руки в бока. Надеюсь, теперь они догадаются, что я здесь?

— Что это было? — струхнул Нефрит. Видимо его кицунэ действительно сводят парня с ума. Он никогда ничего не боялся. Мир сверхов очень сильно меняет человека и его мировосприятие.

— Катилина, — спокойно заметила леди Кэтрин, — раз она изволит шалить, значит, белая дверь еще не распахнулась, а значит, отвечая на твой вопрос, принц тьмы — все должно получиться. А вот и еще один ответ — список дхампиров. Как, говоришь, звали вашего?

— Мефистофиль.

— Отлично. Вот мы и нашли отца Катилины.

— *Что? Я была похищена собственным отцом???*

— Катилина, ты хочешь нам что-то сказать, прежде чем мы уйдем? Если да, напиши это, — женщина положила на стол ручку и листок бумаги. Ох, я сейчас прямо расплачусь! Вы бы мне еще поминальную службу заказали и раньше времени закопали живьем под землю! В гневе я взяла писчий предмет и написала:

— Не ту страну назвали Гондурасом!!!

Рада, что смогла позабавить и поднять вам боевой дух. Ура, товарищи. Вам-то хорошо в своей видимой, осязаемой оболочке. А что мне прикажете делать???. Ну уж нет, я не останусь здесь одна. Я с вами. Надеюсь, я смогу покинуть стены этого дома и здесь не установлена никакая ловушка для призраков.

Перед тем, как отправиться на поиски, леди Кэтрин пожелала убедиться, что Катилина в безопасности.

— Кати, ты видишь дверь?

— *Они сдурели, да? И дверь, и окно, и тумбочку! Я стала призраком, а не ослепла!*

— Кати!!!

Видимо, я зря завелась. Дверь действительно появилась и я поняла, что речь идет именно о ней. Ее ни с чем невозможно спутать. Посреди комнаты, окутанная туманом, появилась белая дверь. Через мгновение, словно я попала в фильм ужасов, опустилась тьма и под карканье ворон и вспышку молнии появилась вторая — черная дверь. Сердце забилось в грудной клетке как загнанная в угол мышь и, казалось, вот-вот остановится.

— Так. Это типа рай и ад, надо полагать... Тетушка, вам стоит поторопиться...

Сквозь ветер я пробиралась к друзьям, чтобы сообщить им о перемене ситуации явно не в нашу пользу, но это было бесполезно. Моя способность воздействовать на физические вещи пропала. Тело проходило сквозь них, можно сказать, просачивалось, словно я была соткана из маленьких пузырьков воздуха, которые проходили сквозь преграду, никак не воздействуя на нее. Мои руки проходили сквозь друзей, сквозь стол и цветы. Отлично,

старуха смерть как-то долго откликалась на мои призывы...

— Катилина, дай хоть какой-нибудь знак, что ты нас слышишь! — позвала Лина.

— У меня создалось впечатление, что она заметила дверь... — Леди Кэтрин обреченно села на стул, глядя в одну точку и размышляя о чем-то.

Все сдались. Вот так сразу, только от одного упоминания от двери все потеряли какую-либо надежду на спасение. Наконец, Нефрит вскочил:

— И что? Это все? Мы просто так отпустим ее? Ты, старая карга, поднимай свою волшебную магическую задницу и возвращай нам Кати назад!

— Ты не забываешься, друг? — вспыхнула женщина.

— Нет, сучка, я прекрасно понимаю, с кем разговариваю, и твой секрет не знает разве что полный идиот, ты...

— Заткнитесь! Мы потеряем ее из-за ваших разборок и попыток самоутвердиться. После будете мериться кто большая стерва, а сейчас... леди Кэтрин, у меня идея... Валентин говорил, что у человека три сущности — ментальная, астральная и физическая...

— Лина, ты гений! — глаза женщины загорелись, и, казалось, она вновь вернулась к жизни, воодушевившись маленьким, но, тем не менее, шансом вернуть Катилину, — неси свечи.

Атмосфера вокруг нагнеталась с каждой секундой и надежды на спасение таяли в геометрической прогрессии. Что таить, их не осталось уже тогда, когда я обнаружила двери. У меня, как у зверя в ловушке лишь два шанса — отгрызть себе лапу и умереть от потери крови, либо сдаться охотнику и погибнуть от его рук... оба выхода меня, почему-то не устраивали...

Тем временем, облака надо мной сгущались, ежесекундно меняясь. Это были даже не облака, а ошметки черного дыма, сгустки, которые тяжелей и тяжелей спускались все ниже. Молнии яркими вспышками и ломаными линиями рвали их в клочья.

Сжавшись в комок, я не знала, куда скрыться от могущества, неистовства бушующих сил, пока передо мной не начали метаться тени, первая, вторая, третья... Двери стали приоткрываться и тени одна за другой скользили внутрь. Сконцентрировавшись, я смогла замедлить время и разглядеть лицо одной. Это был мужчина с портрета, висевшего в комнате памяти. Там собраны портреты всех наших родственников.

Заметив, что я смотрю прямо на него, призрак замер на секунду. Через взмах ресниц его серое лицо очутилось перед моим — я невольно вздрогнула и затаила дыхание. Это был прадед леди Кэтрин. Но что он здесь делает столько времени? Давным-давно уже его душа должна была оказаться там, где она заслуживает...

— Ты способна закрывать двери. Берегись человека в плаще. Закрой, когда все уйдут, не впускай зло в этот мир, они должны быть закрыты любой ценой...

— Сэр... — но слова лишь сотрясли воздух, передо мной была чернота, словно лица призрака никогда не было в этой пустоте, но клокотавшее от страха сердце говорило об обратном. Призрак юркнул за белую дверь, после чего послышался хлопок и обе двери распахнулись. Из одной заструился мягкий золотистый свет, и неземное чувство блаженства охватило меня, чуть не опьянив. Но из другой полился черный туман, обдав меня ледяным сиянием и чувством оцепенения и ужаса. Еще мгновение и оба прохода в иной мир начали приближаться друг к другу, словно какая-то неведомая сила потянула скатерть со стола пространства и предметы-двери поползли вместе с ней, совершенно игнорируя законы

физики. Я не сразу поняла, что двери стали сливаться в одну, искривляя пространство и, казалось, меня саму. Это становилось полнейшим сумасшествием, бредовым сном, идиотизмом... сознание отказывалось верить в то, что противоречит моим представлениям о нормальном мире. Беспомощно хватая ртом воздух, я думала о том, что кто-то бесцеремоннейшим образом выгнал меня из собственного тела!!! Моего родимого тела. С которым я, так сказать, бок о бок прожила двадцать три года и которое там черт знает что творит! Да где это видано??? Но... теперь я беспомощна.

Серая дверь остановила бушующую стихию, и пространство приняло свой привычный вид библиотеки, но не было никого, кроме меня. Тихий скрип и из-за двери вышли две женщины. Лицо одной невозможно было разглядеть из-за нависающего на него плотного черного капюшона, балахон скрывал остальное тело, открывая лишь костлявые сухие руки, которые сжимали кряжистый посох с изумрудными камнями на наконечнике. Существо парило в воздухе, а рядом с ним стояла женщина, обнаженная. Сырые рыжие волосы растрепаны, карие глаза, с золотой каемкой, впелись в меня, словно пиявка. Я ощущала их физическое воздействие, в них было столько слез, боли и... осуждения? Ее живот... боже. Это был не живот, а опметки. Словно дикий зверь начал и не успел закончить свою трапезу.

— Узнаешь? — прошипело существо, указывая на женщину.

Мои глаза распахнулись, брови сдвинулись, а воздух отказался врываться в легкие. Смотря на женщину, я едва сдерживала слезы и отказывалась верить в происходящее, отчего усиленно мотала головой, пытаюсь убедить саму себя, что все это неправда. Это уловка. Просто уловка, чтобы я сделала глупость, не знаю, кто и какую игру ведет, но не нужно поддаваться на его провокации. Но, это настолько правдоподобно. Невозможно не верить. Слеза прочертила линию по щеке до подбородка.

— Нет.

— Разве? Позволь себе быть честной перед собой...

Проглотив комок гнева, я снова посмотрела на женщину. Чувствуя, как воздух расширяет мои ноздри, наполняет легкие, впитывается в кровь, как бьется мое сердце, удар за ударом. Еще одна крупная слеза скатилась и затерялась под подбородком.

— Мама...

Женщина вздрогнула от незнакомого слова и ощущений, вызванных им. Мне тоже было непривычно, но в то же время это казалось таким естественным...

— Мама... мамочка, — одни губами повторила я.

— Узнала, — не нужно быть экстрасенсом, чтобы понять, что существо получает удовольствие и расплылось в довольной улыбке под своим темным капюшоном, — а не хочешь задать себе волнующий вопрос — кто сделал с ней это? Кто убил ее?

Слова существа били точно в цель. Оно нашло мою уязвимость, единственное слабое место, которое обезоруживало и не позволяло контролировать себя. Я замотала головой, решительно отказываясь верить, но слезы катились по щекам, давая понять, что все очевидно.

— Нет, это неправда.

— Ой, да хорош следовать шаблонным схемам. Представим, что стадия отрицания пройдена. Ты же взрослая девочка и прекрасно понимаешь, как обстоят дела.

— Нет!!!! — закричала я, что было сил, а когда выдохлась, то упала на колени перед плачущей матерью. Никогда не думала, что слезы мамы способны разрывать сердце на сотни мелких осколков и медленно плавить их, сжигая все нутро.

— Мамочка, прости... прости меня...

— Простить? 23 года она в одиночестве скиталась по земле, после того как ты убила ее и выпила кровь из материнского лона...

— Боже, замолчи! — я затыкала уши. Но голос проникал внутрь меня, вибрировал в каждой клеточке, в каждой молекуле моего призрачного тела.

— 23 года в поисках избавления от зверской боли, от ежедневного переживания момента смерти и все из-за тебя. Даже после того, как ты забрала ее жизнь — ты не позволяла ей уйти. Силой держала здесь.

— Но как...

— Ты хотела узнать, что случилось, и только она могла дать ответ. Помимо, правда, твоей тетки, которая никогда ничего не скажет. Но твоя родительница... — женщина повернула голову к рыжеволосой и передернула плечами, нагнетая обстановку, пытаясь заставить меня прочувствовать весь ужас мук, через которые прошла она, — твои мысли держали ее, не позволяя ей уйти. Ты понимаешь. Что это значит? Что теперь, понимаешь?

Я подняла опустошенный взгляд и с ужасом обнаружила, что под капюшоном скрывается мое же лицо.

— Ты всегда это знала. Ведь ты — это я. А я — это ты. И теперь мы втроем должны, наконец, обрести покой. Разве ты не об этом мечтала?

— Наверное, — после недолгого молчания вымолвила я. Дверь распахнулась, а фигура мамы стала растворяться.

— Теперь твоя очередь...

Поднявшись, я застыла в нерешительности, а в голове металась тысячи мыслей, не позволяя мыслить логически. Я должна это сделать — войти в дверь и неважно, что будет за ней, ведь заслужила то, что получу. Шаг, еще один... а это совсем не страшно. Еще пара и все.

— Стой!!!

Крик привел меня в чувство, вздрогнув, я обернулась и не сразу распознала леди Кэтрин. Молодая женщина, со змеями вместо волос и светящимися черными глазами миндалевидной формы, оттенявшими белую кожу. Если бы не прежний голос. Я бы вряд ли ее распознала.

— Вас здесь не может быть... это игры разума.

— Катилина, это их здесь нет. Они — твоя совесть, все то, что прятались в глубинах твоего подсознания, все страхи и опасения — они вырвались наружу, усилившись стократ из-за магии этого места — междумирья.

— Но ведь это все правда. Это я убила ее... лишила жизни... и 23 года мучила!

— Неправда! Она говорила с тобой?

— Какое это может иметь значение?

— Говорила? Хоть что-нибудь?

— ... нет... не помню... вроде бы нет...

— Довольно, тебе пора. Катилина, — существо вскинуло руки в мою сторону, а ветер, резко обрушившийся на комнату, сорвал с нее капюшон. Не в силах держаться, я почувствовала, что дверь меня затягивает. Нет, я сама затягивала себя в дыру, и зацепиться было не за что, отчаянно хватаясь за воздух и предметы, сквозь которые проходило мое тело, я безвольно приближалась к двери.

— Кати, она не говорила с тобой, потому что ее нет в этом мире. Она давно в раю и

душегуб вызвал лишь ее фантом. Это последнее испытание. Ты должна закрыть эту дверь! Закрой ее!!!

В этот момент в моей голове словно переключился рубильник, но было уже катастрофически поздно.

— Как? Как мне закрыть ее?

Дверь, словно гигантский пылесос, засасывала меня все сильнее. Медленно, но верно. Упирались было бесполезно. Ухватившись за косяк, как за последнюю надежду, я словно висела в яме, хватаясь за края, в попытках выбраться, но снизу меня кто-то тянул за ноги. Кто-то холодный, отчаявшийся и злобный. Мне не хотелось в тот мир, только сейчас я поняла, как я боюсь его.

— Тетушка, помогите!!!

— Только ты можешь ее закрыть, Кати, это только твоя дверь... прости меня.

Вихрь усилился и с двойным остервенением набросился на меня, я еле-еле удерживалась, понимая, что палец один за одним начинают соскальзывать, а волшебная рука принца-спасителя приходит на помощь лишь в сказках и фантазиях. Тетушка беспомощно смотрела, как ликует душегуб, предвкушая свою легкую победу, я рыдала от отчаяния, что так легко попала и так быстро сдалась. Раз, два, три... последние пальцы, жалобно хрустнув, отцепились от косяка и дверь перед моим носом захлопнулась.

— Нет!!! — другая вселенная вырвала меня с корнем.

— Ну вот и все, Горгона. Теперь она моя. И тебе никогда не вернуть ее.

Как ни печально признавать, но она была права и горгона прекрасно это понимала. Последняя надежда спасти племянницу умерла.

Леди Кэтрин стояла и смотрела в пустоту. Туда, где еще минуту назад был проход в другое измерение. Ни в рай, ни в ад, а в измерение вечного скитания, где души никогда не смогут обрести покой, преследуемые терзаниями и муками своей собственной совести. Они сходят там с ума. Душегуб распространял свое влияние как раковая опухоль. Все больше и больше душ попадалось на его удочку. Особенно он любил переманивать тех, кому было уготовано тепленькое местечко в раю за одним столом с Господом. От них он получал наибольший выплеск энергии. Он питался страданиями своих жертв, а их плач и стенания — музыка для его ушей. Именно из-за него сотни неуспокоенных не могли перейти туда, где их место и лишь благодаря Катилине они смогли увидеть те двери, которые еще давным-давно были уготованы им. Собравшись с духом, леди Кэтрин вернулась в свое тело.

Свечи резко погасли, а благовония перестали тлеть. Женщина вернулась в тело, но была не в силах поднять взгляд на ребят, ожидающих, что с минуту на минуту появятся вести от Катилины, леди Кэтрин вскочит и скажет, что они вновь утерли нос силам зла, неведомым и беспощадным. Но она сидела, не двигаясь и глядя в пол. Нависла гнетущая тишина, которая переросла в тишину отрицания и неверия. Лина даже истерично рассмеялась, Нефрит был серьезен, леди Кэтрин опустошена и разбита:

— Не думала, что все обернется так, — с трудом находя слова, она говорила с большими паузами. — Но... — эта пауза была особо длинной, но кто-то должен был произнести то, что понимали все, — она ушла. Это конец. Все.

— Нет, — Лина не желала принимать происходящее, — сначала Валентин, потом Катилина... все близкие мне люди уходят... это я виновата...

— Лина, ты ни при чем, — Нефрит обнял рыдающую подругу и погладил по волосам,

пытаясь успокоить.

— Кто на очереди, Нефрит?

— Да, он следующий, — по дому раскатился зловещий липкий шепот. Лина рассмеялась.

— Потрясающе! Вы только полюбуйтесь на это. Теперь еще и...

— Лина, заткнись! — леди Кэтрин и Нефрит насторожились, — кицунэ здесь.

Взгляды друзей встретились. Решительный, испуганный и непонимающий. Стало ясно, что это не все плохое, что случится в этот день.

— Они не смогут войти в дом, Нефрит, к тому же, твой амулет защитит тебя.

— Амулет?

— Нефритовый камень. Оберег от злых сил.

— Срань Господня, даже оттуда она оберегает меня...

— Нет времени на сентиментальность, нужно понять как от них... — леди Кэтрин обернулась и закончила фразу в полном одиночестве, — избавиться. Избавиться от кого? — она смотрела на круг из потухших белых свечей и безнадежно пыталась вспомнить, о чем думала еще мгновение назад и что вообще происходило.

— Может, ты думаешь, как избавиться от меня? — за спиной леди возникла прекрасная обнаженная женщина с золотистым водопадом волос, игривыми локонами спускавшихся до бедер и едва прикрывающих стройные формы говорившей, — мамочка.

— Ева?

— Ева, — передразнила она. Изящно вспорхнув на стол и скинув с него босой ножкой пару кристаллов, которые упав на пол, с яркой вспышкой разбились, — хороша же у вас компания. Одна убила свою собственную мать, будучи еще младенцем, но таким кровожадным и жестоким, а вторая... — она спрыгнула и встала прямо перед лицом недогнувшей леди Кэтрин, — вторая убила свою собственную дочь. Не менее хладнокровно и зверски. У каждого в шкафу свои скелеты...

— Тебя здесь нет!

— О, Боже, — она отвернулась для отвода глаз и неожиданно нанесла удар такой силы, что леди Кэтрин, пробив спиной перила лестницы, ведущей на второй этаж, отлетела к другому концу комнаты, — видишь, мамочка, я так же реальна. Как и ты. Только чуточку могущественней, потому что зла!!! И потому, что не прятала свою силу и умения как ты.

Стерев с губы кровь, леди Кэтрин гордо вскинула голову и поднялась, анализируя ситуацию, — чего ты хочешь?

— Пришла проведать любимую маму, — улыбнулась Ева, но заметив по глазам женщины. Что та шутить не намерена, перешла на саркастический тон, — сама-то как думаешь?

— Месть, — поняла женщина и удостоилась одобрительной улыбки Евы.

— Только вот мне не понравился этот снисходительный тон.

— Ты другого и не достойна.

— И это говорит женщина, которая меня создала! — рассмеялась богиня и удостоила матери очередного удара.

— Ты действительно думаешь, что сможешь таким образом убить меня?

— Мам, я помню кто ты. Не находишь, что ты слишком часто напоминаешь окружающим о том, что ты великая, всемогущая и старая как мир... бла бла бла. Только где твое могущество прячется? В каких оно кустах? Ты даже не помогла жалкой душонке найти

правильный выход из этого мира. Пф. Дилетант. Знаешь, когда мне надоест с тобой резвиться, и я решу, что вдоволь наигралась, то ты начнешь просить у меня прощения. Нет, умолять на коленях тебя простить и даровать легкую смерть, но сначала я убью на твоих глазах всех твоих друзей, а когда на этом свете не останется ни одной души, которая...

— Так, все, завянь. Ты мне больше не дочь! И возможно, до этого момента я испытывала угрызения совести, глядя каждый день на твою статую. Помня о ней. Но ты помогла освободиться от этого чувства и понять — кто ты такая на самом деле, от кого я избавила этот мир. Знаешь, я сделала ему лишь одолжение, превратив тебя в камень! Теперь я четко осознаю, что повторись все вновь, я поступила бы точно так же.

— Хм, — сощурила глаза Ева, глядя на храбрившуюся мать, — хорошо, мамочка, как пожелаешь.

Ситуация подсказывала леди, что здесь что-то не так. Евы не могло быть здесь. К тому же, леди Кэтрин никак не могла вспомнить, что происходило до того момента, как в комнате появилась ее дочь.

Ева вспыхнула как спичка, превратившись в огненный столб и сжигая все, с чем соприкоснутся языки пламени. Сжигая под собой пол, ковры, мебель, и приближаясь к недогнувшей матери.

— Пух! — она сделала картинный выпад и проследила за реакцией на лице матери.

Пламя мгновенно перебросилось на Горгону и моментально охватило ее целиком. Для фантома ощущения горения были невообразимо реальны, женщина ощущала, как горит на ней одежда, прилипая к обгорающей коже, как тлеют волосы, наполняя комнату запахом гари, как начинает покрываться пузырями ее кожа, а дыхательные проходы блокируются двуокисью углерода. Это уже не было похоже на иллюзию.

— Ты все еще считаешь, что меня здесь нет?

— Уйди!

— Бегу, мамочка. В страхе и панике, — глядя на пылающую, но по-прежнему не дрогнувшую леди Кэтрин, ухмыльнулась она. Поняв, наконец, что женщина не сдастся, она взбесилась, убрав огонь взмахом руки, — да что с тобой не так?

— Тебя здесь нет. Единственная проблема в том, что я понимаю это, а ты не хочешь принять.

— Ты так уверена? — остервенелый удар ногой в центр грудной клетки. Встав, леди Кэтрин повторила более решительно.

— Тебя здесь нет!!!

— А где же я, по-твоему? — еще один дар — в живот.

Вспомнив заклятие по обнаружению сущности демона, горгона быстро зашевелила губами, а Ева. Слово заключенная в клетку, в панике заметалась по комнате криками и попытками остановить колдовство. Закончив плести заклинание. Не смотря на жалкие попытки Евы их разрушить, леди Кэтрин закончила:

— Покажи себя, демон, кто ты?

Морок развеялся и, вместо обнаженной златовласой женщины перед леди стояла, ошетилившись, рыжая лисица с пятью хвостами и белыми глазами.

— Кицунэ? Что такая экзотика делает в наших краях?

Зашипев, лисица злобно зашипела и испарилась, оставив лишь шлейф звериного аромата и клочки опаленной шерсти.

Вот и все. Иллюзия растворилась, но судя по всему не до конца, потому как женщина

тщетно пыталась вспомнить события, предшествующие появлению дочери. Почему кицунэ появились в ее доме? Возможно, это ключ к разгадке? Благо, огромная библиотека и накопленные за тысячу лет знания всегда выручали ее.

Впервые леди Кэтрин столкнулась с кицунэ около пяти сотен лет назад, и тогда это была треххвостая лисица трехсотлетнего возраста. Эти звери совершенно безразличны к магии, в то время как сами владеют ей в совершенстве и в мастерстве накладывать иллюзии, играть с эмоциями, которые блокируют способность логически мыслить и вмешиваться в действие сознания им равных нет. Магией их не взять. Но леди Кэтрин сейчас заботило не то, что ей противостоит куда более мощный демон, о чем говорит возросшее количество хвостов, ее волнует причина, по которой эти относительно миролюбивые создания атаковали.

Из иллюзии, наложенной кицунэ, есть три выхода. Первый — это желание самого демона. Самый простой вариант, при том, правда, раскладе, что демон желает сам снять иллюзию. Вторым выходом — убить демона. Но только тот, кто находится в искривленном пространстве, никогда не встретит демона, наложившего иллюзию, ибо миры морока и мир физический не пересекутся. Третий вариант — завладеть шаром кицунэ.

— *Hoshi no tama*, — прочитала женщина в книге, — звездный камень. Утверждается, что завладевший этим шаром может заставить кицунэ помогать себе; одна из теорий утверждает, что кицунэ «запасают» часть своей магии в этом шаре после превращения. Кицунэ обязаны сдерживать свои обещания, иначе им придется понести наказание в виде снижения своего ранга или уровня силы.

Все бы ничего, да этот шар охраняется как зеница ока, и идти за ним, тем более в одного — это вернейший способ самоубийства. Но иного выхода у леди Кэтрин не было. Первым делом, она нашла заклинание, чтобы вернуть себе память. К счастью, в этой области кицунэ не стали сильно мудрить, и отменить временное забвение было несложно. Поняв, в какой опасности сейчас находятся друзья Катилины, женщина вновь стала копаться в знаниях, накопленных за века, чтобы понять, как она может вытащить их оттуда.

Лиана, наконец, проснулась и, подняв голову со стола, принялась растирать затекшую щеку. Пытаясь прийти в себя, она оглядывалась и, почесывая затылок, пыталась припомнить, как оказалась в своей квартире в Форт Окридже. Кухня выглядела так, словно прошлым вечером был большой праздник, только повода для него она никак не могла припомнить. Тяжело вздохнув, глядя на гору грязной посуды, томящейся в раковине, она нашарила ногами тапочки, заползшие под табурет и, не разбирая дороги, поплелась в комнату. Плехнувшись на кровать, с единственным желанием — досмотреть свой сон и восполнить силы, разом куда-то девшиися, она замерла, так и оставшись лежать лицом в подушку. Правая рука коснулась чего-то. Точнее, кого-то. Никак не решаясь повернуть голову и проверить свою догадку, она провела рукой по теплому предмету. Он был живой... это был человек... торс, грудь, этот подбородок... шея, эти волосы... все такое родное, знакомое до боли. Ее сердце едва не остановилось, а на глаза набежали слезы.

— Любимая, может быть ты уже повернешься и поцелуешь меня? — мягко спросил Валентин.

Решившись, наконец, она повернула голову и несколько минут, сквозь слезы смотрела на прекрасное лицо демона, которое она никогда и ни за что не смогла бы забыть. Такой настоящий, такой живой, рядом...

— Я думала, что ты погиб... — недоумевала женщина.

— Кто сказал тебе такую глупость, тигренок? — он лучезарно улыбнулся и повернулся на бок, чтобы лучше видеть Лину.

— Александр, — сдвинув брови, она не понимала до конца, что происходит.

— Кто такой этот Александр и почему он так сказал? — мужчина провел смуглой теплой рукой по волосам женщины, по ее плечу. Сердце Лины разрывалось. Это был он, она знала его касания, каждую клеточку его тела, каждую нотку и эмоцию в голосе, но отчего же тогда она думала, что он погиб? Отчего тогда в ее голове такая неразбериха?

— Я не понимаю, что происходит, Валентин. Еще буквально несколько минут назад я твердо знала, что ты погиб. И что мы навсегда потеряли Катилину, а теперь ты здесь. Такой настоящий и родной...

— Конечно я здесь. И Катилина тоже здесь, — усмехнулся он, не понимая о чем говорит Лина, — мне кажется, что тебе приснился дурной сон. Видимо на тебя подействовало мое письмо.

— Письмо?

— О том, как тебе защититься от вампиров, в случае чего. Но поверь, я никогда и ни за что не брошу тебя и не дам никому в обиду. Больше никакой мести отныне.

— Обещаешь? — наконец, она стала успокаиваться, и сердце наполнилось необычайной негой от осознания, что все невзгоды, случившиеся, были всего лишь сном. От такой легкости ей захотелось петь, жить, дышать.

— Обещаю, любимая.

— Валентин! — она от радости набросилась на мужчину, сжимая его в объятиях и целуя.

— Ты целуешь меня так, словно мы вечность не виделись.

— Мне казалось, что прошла действительно вечность. Кстати, а что мы праздновали вчера? — упиваясь мерцанием черных глаз любимого и поглаживая его смоляные кудри, она была на вершине блаженства.

— Тебе так нравится это вспоминать, — улыбнулся он, понимая, как для нее важно произошедшее, — мы праздновали годовщину твоей мамы.

Ее сердце вновь екнуло и сжалось.

— Годовщину? — насторожено переспросила она.

— Не хмурься, тигренок. Уже год твоя мама ни капли не берет в рот.

— Ты шутишь? Мир сошел с ума... все, о чем я когда-либо мечтала — все сбылось... ты, мой любимый рядом и живой. Катилина в порядке, родители больше не пьют...

— Добавь к этому еще то, что Ирина назначила тебя коммерческим директором и через неделю мы переезжаем в наш собственный дом на берегу реки, — он ущипнул женщину и они, смеясь и сходя с ума от радости, стали, словно дети, носиться по квартире.

Идиллия продолжалась бы вечно, если бы Лина не столкнулась с взявшейся из ниоткуда леди Кэтрин. Они скрестились взглядами. Затем леди оглядела квартиру и остановила взгляд на Валентине.

— Здравствуй, кицунэ.

— Здравствуйте, леди Кэтрин, — обнимая Лину сзади и целуя ее в шею, улыбнулся демон, — о чем вы?

— Да, как вы здесь оказались? С Катилиной все в порядке?

— Ты же знаешь, что Катилины больше нет с нами.

Лиана посмотрела на Валентина. В ее глазах читалась мольба, сейчас она была как беззащитный котенок, который встретил на своем пути страшного дога и больше всего хочет оказаться на коленях у ласкового хозяина.

— Вот, значит, кто запудрил мозги моей девочке. Вам лучше уйти из этого дома.

— Лиана, ты должна мне поверить. Это не Валентин. Его нет, он погиб. Как и Катилина. А сейчас ты находишься под действием иллюзии. Кицунэ охотятся за Нефритом и нам нужно поторопиться, если мы хотим спасти его.

— Знаете что, — она подошла к входной двери и открыла ее, — если это иллюзия — я не хочу, чтобы она заканчивалась. Пожалуйста, уходите.

Понимая, что словами в этом случае не помочь, лед Кэтрин исчезла. Лиана столько пережила, возможно, больше, чем кто-либо другой и теперь, получив возможность жить в мире, в котором нет боли и все так, как хочется ей, она уцепилась за нее.

— Хочешь об этом поговорить? — Валентин едва уловимо поцеловал ее ладонь.

— Я хочу, чтобы ты обнял меня и сказал, что никогда не отпустишь.

Он улыбнулся и сделал то, что хотела его любимая женщина.

Нефрит бежал уже несколько часов, но тени преследовали его. Он еле переставлял ноги, а они были сильны, как и прежде, все ближе приближаясь к нему и настигая. Наконец, запнувшись о камень, он распластался на песке и тяжело сопя, пытался привести себя в норму. Через мгновение он понял, что окружен тенями. Несмотря на палящее солнце, которое стояло высоко над пустыней и отсутствием растительности, теней было много, и они мелькали над ним, заслоня солнечный свет.

— Да оставьте же вы меня в покое! Я не сделал ничего плохого! Ничего предосудительного! — он перевернулся на спину и наткнулся на ледяной взгляд прекрасной азиатки. Распахнув полы черного атласного халата, обшитого золотой тесьмой, она поставила изящную ножку в лакированном сапоге на шпильке 12 см на голую грудь мужчины. Усиливая напор, она следила, как каблук прорывает кожу и впивается глубже. Упиваясь криками мужчины, она не отрывала взгляд от его перекосившегося в ужасе лица.

— Ну хватит! — Нефрит вцепился в ногу и повалил женщину, успев ловко вскочить на ноги. Не тут-то было, за его спиной появилась точно такая же прекрасная азиатка, но в красном костюме, затем еще одна в зеленом, в желтом, белом, их становилось все больше и больше, пока не поняв, что все это лишь игры разума, он не попытался совладать с собой. Зажмурившись, он сконцентрировался и, открыв глаза, обнаружил лишь двух кицунэ. — Давайте поговорим. Я не был в курсе, что тот Купидон был мужем основательницы вашего рода. У него не было кольца, к тому же, мы не занимались с ним ничем предосудительным.

— Ты закончил жалобный вой?

— Ну, в целом это суть проблемы, я так понимаю?

— Суть проблемы — это ты, — в ее руках появилось два меча дао. Один она бросила Нефриту, а второй перекинула из руки в руку и встала в стойку.

— Что? Мне драться этим? Мать моя женщина... как его держать?

Мужчина уклонился от первого выпада и едва не напоролся на два дао азиатки, что орудовала сзади него.

— Эй, так нечестно, дамы! Давайте разберемся по-сучьи, раз вам так угодно! — он отвел один удар мечом, а вторую азиатку ударил ногой в грудь. Она даже не шелохнулась и молниеносно начертила на его груди неглубокий крест двумя ударами.

У Нефрита не было шансов. Он умел драться лишь на уровне кулаков, и вышел победителем не из одной стычки, но это иное дело. Бороться с двумя демонами превосходно владеющими мечами...

Острие клинка просвистело над его левым ухом, а сзади в правый бок вошло лезвие.

— Нефрит!!! — воскликнула леди Кэтрин.

Секунда замешательства, и голова мужчины скатилась к ее ногам, оросив подол платья женщины кровью...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

Уранизм, иначе гомосексуализм, греч., половая склонность к лицу своего же пола. Мужчины, которым свойственно такое половое извращение, называются педерастами или урнингами, женщины, предающиеся лесбийской любви, называются трибадами.

В мифологии ацтеков богиня земли и огня. В ней одновременно заключено начало и конец жизни. К счастью, главная героиня не обременена знанием ацтекской мифологии, ибо на кой?